

ISSN(online):2713-0584

СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ И ДЕТСТВО

ЭЛЕКТРОННЫЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2021 • Том 2 • № 1

SOCIAL SCIENCES AND CHILDHOOD

ELECTRONIC SCIENTIFIC
AND PRACTICAL JOURNAL

2021 • Vol. 2 • no.1



МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF PSYCHOLOGY AND EDUCATION



Десятилетие
детства
The Decade
of Childhood
2018 - 2027

При поддержке Благотворительного Фонда Елены и Геннадия Тимченко
Under the Support the Elena & Gennady Timchenko Foundation

СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ И ДЕТСТВО

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2021 ● Том 2 ● № 1

SOCIAL SCIENCES AND CHILDHOOD

ELECTRONIC SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

2021 ● Vol. 2 ● no. 1

Московский государственный психолого-педагогический университет
Moscow State University of Psychology & Education

При поддержке Благотворительного Фонда Елены и Геннадия Тимченко
Under the Support the Elena & Gennady Timchenko Foundation



Социальные науки и детство

Главный редактор

Г.В. Семья, ФГБОУ ВО МГППУ, Россия

Заместители главного редактора:

С.В. Алехина, ФГБОУ ВО МГППУ, Россия
О.В. Вихристюк, ФГБОУ ВО МГППУ, Россия
Э.Ш. Гарифулина, Благотворительный фонд Елены и Геннадия Тимченко, Россия
Е.С. Романова, ГАОУ ВО МГПУ, Россия
В.Н. Ослон, ФГБОУ ВО МГППУ, Россия

Редакционный совет

Сопредседатели редакционного совета:

В.В. Рубцов, ФГБОУ ВО МГППУ, Россия
К.Г. Франк, Благотворительный фонд Елены и Геннадия Тимченко, Россия

Члены редакционного совета:

Л.Н. Антонова, ГОУ ВО МГОУ, Россия
В.А. Иванников, МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия
П.А. Сергоманов, ФГБНУ ПИ РАО, Россия
К. Сахончик, Университет Южного Мэна, США
Д. Грей, Британская ассоциация по изучению и профилактике жестокого обращения с детьми и безнадзорности (BASPCAN), Великобритания

Редакционная коллегия

О.И. Волжина, Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, Россия
В.Л. Кабанов, ФГБОУ ВО МПГУ, Россия
О.В. Рубцова, ФГБОУ ВО МГППУ, Россия
А.Ю. Телицина, НИУ Высшая школа экономики, Россия
А.Ш. Шахманова, ФГБОУ ВО МПГУ, Россия
Л.Б. Шнейдер, ФГБОУ ВО МПГУ, Россия
Т.И. Шульга, ГОУ ВО МГОУ, Россия
С. Пиззи, организация «Обучение для детей и семей», Великобритания
И. Эрнер, Хантерский колледж Университета Нью-Йорк, США
Д. Гыну, Государственный педагогический университет Молдовы, Молдова
Л. Асоян, Ширакский государственный университет имени М. Налбандяна, Армения
Ю. Куоккане, Центральный Союз защиты детей, Финляндия

Социальные науки и детство

Издательство ФГБОУ ВО МГППУ

Издается с 2020 года

Периодичность: 4 раза в год

Свидетельство регистрации СМИ: Эл № ФС 77 — 77146.

Дата регистрации: 06.11.2019

Формат: сетевое издание SSCHJ.RU

Все права защищены. Название журнала, логотип, рубрики, все тексты и иллюстрации являются собственностью ФГБОУ ВО МГППУ и защищены авторским правом. Перепечатка материалов и использование иллюстраций допускается только с письменного разрешения редакции ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», 2021, № 1

Social Sciences and Childhood

Editor-in-Chief:

G.V. Semya, MSUPE, Russia

Deputy Editors-in-Chief:

S.V. Alekhina, MSUPE, Russia
O.V. Vihristyuk, MSUPE, Russia
E.Sh. Garifulina, Elena & Gennady Timchenko Foundation, Russia
E.S. Romanova, MCU, Russia
V.N. Oslon, MSUPE, Russia

The Editorial Council

Co-chairs of the Editorial Council:

V.V. Rubtsov, MSUPE, Russia
K.G. Frank, Elena & Gennady Timchenko Foundation, Russia

The Members of the Editorial Council:

L.N. Antonova, MRSU, Russia
V.A. Ivannikov, Lomonosov Moscow state University, Russia
P.A. Sergomanov, Psychological Institute Russian Academy of Education (RAE), Russia
K. Sahonchik, University of Southern Maine, USA
J. Gray, The British Association for the Study and Prevention of Child Abuse and Neglect (BASPCAN), UK

The Editorial Board

O.I. Volzhina, The Russian Children in need Found, Russia
V.L. Kabanov, MPGU, Russia
O.V. Rubtsova, MSUPE, Russia
A.Yu. Telitsyna, National research University "Higher school of Economics", Russia
A.Sh. Shakhmanova, MPGU, Russia
L.B. Schneider, MPGU, Russia
T.I. Shulga, MRSU, Russia
S. Pizzey, The Child and Family Training, UK
E. Werner, Hunter College of The City University of New York, USA
D. Geun, State pedagogical University of Moldova, Moldova
L. Asoyan, M. Nalbandyan State University of Shirak, Armenia
J. Kuokkanen, The Central Union for child welfare Finland, Finland

Social Sciences and Childhood

Publisher MSUPE

Frequency: 4 times a year since 2020

The mass medium registration certificate:

Эл № ФС 77 — 77146.

From: 06.11.2019

Format: online publication SSCHJ.RU

All rights reserved. Journal title, logo, rubrics, all texts and images are the property of MSUPE and copyrighted. Using reprints and illustrations is allowed only with the written permission of the publisher.

MSUPE, 2021, no. 1

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

<i>Семья Г.В.</i>	5
-------------------------	---

ДОКАЗАТЕЛЬНЫЙ ПОДХОД В СФЕРЕ ДЕТСТВА

РЕЕСТРЫ ПРАКТИК КАК МЕХАНИЗМ ДОКАЗАТЕЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ДЕТСТВА: АНАЛИЗ МЕЖДУНАРОДНОГО ОПЫТА

<i>Бусыгина Н.П., Подушкина Т.Г., Фреик Н.В.</i>	7
--	---

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗАТЕЛЬНОГО ОПИСАНИЯ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК

<i>Бусыгина Н.П., Подушкина Т.Г., Зевина Д.А.</i>	24
---	----

РЕБЕНОК И СЕМЬЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

НЕГАТИВНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ ПОСЛЕДСТВИЙ КОРОНАВИРУСА
НА БЛАГОПОЛУЧИЕ ДЕТЕЙ И СЕМЕЙ – КЛИЕНТОВ ОРГАНОВ
ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ ФИНЛЯНДИИ

<i>Куокканен Ю., Тишли А., Паасивирта А.</i>	37
--	----

ПАНДЕМИЯ КОРОНАВИРУСА (COVID-19): ОТЛОЖЕННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ
ДЛЯ СИСТЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ СОЦИАЛЬНОГО СИРОТСТВА

<i>Семья Г.В., Гарифулина Э.Ш., Фреик Н.В.</i>	47
--	----

ПСИХОЛОГИЯ ЗАМЕЩАЮЩЕГО РОДИТЕЛЬСТВА

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ
ЗАМЕЩАЮЩИХ РОДИТЕЛЕЙ К ПРЕОДОЛЕНИЮ ТРУДНОСТЕЙ
В ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ
РОДИТЕЛЕЙ, ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА

<i>Волчанская В.О., Меркуль И.А.</i>	60
--	----

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

ОБЗОР МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ, ПОСВЯЩЕННЫХ
ПОСЛЕДСТВИЯМ НАХОЖДЕНИЯ РЕБЕНКА В УСЛОВИЯХ
ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ: КАК ДОБИТЬСЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ

<i>Семья Г.В.</i>	73
-------------------------	----

ПРОФИЛАКТИКА СОЦИАЛЬНОГО СИРОТСТВА

ОТВЕТ МИНИСТЕРСТВА ОБРАЗОВАНИЯ СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА
НА ЗАПРОС МИНОБРНАУКИ РОССИИ ОТ 11 НОЯБРЯ 2016 Г. № 16-ИН-1249
О ДЕЙСТВУЮЩЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И ПРАКТИКЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ
В СФЕРЕ ПРОФИЛАКТИКИ СОЦИАЛЬНОГО СИРОТСТВА

85

CONTENTS

EDITOR'S NOTE

<i>Semya G.V.</i>	5
-------------------------	---

EVIDENCE-BASED APPROACH IN THE FIELD OF CHILDHOOD

REGISTERS OF PRACTICES AS AN EVIDENCE-BASED SOCIAL POLICY
MECHANISM FOR CHILD WELFARE: AN ANALYSIS OF INTERNATIONAL
EXPERIENCE

<i>Busygina N.P., Podushkina T.G., Freik N.V.</i>	7
---	---

METHODOLOGICAL PROBLEMS OF EVIDENTIAL DESCRIPTION
OF PSYCHOLOGICAL AND SOCIAL PRACTICES

<i>Busygina N.P., Podushkina T.G., Zevina D.A.</i>	24
--	----

THE CHILD AND THE FAMILY IN THE CONTEXT OF A PANDEMIC

THE NEGATIVE IMPACT OF THE EFFECTS OF CORONAVIRUS
ON THE WELL-BEING OF CHILDREN AND FAMILIES WHO ARE CLIENTS
OF CHILD PROTECTION AUTHORITIES IN FINLAND

<i>Kuokkanen J., Tiili A., Paasivirta A.</i>	37
--	----

CORONAVIRUS PANDEMIC (COVID-19): DELAYED CONSEQUENCES
FOR THE PREVENTION OF SOCIAL ORPHANHOOD

<i>Semya G.V., Garifulina E.Sh., Freik N.V.</i>	47
---	----

PSYCHOLOGY OF SUBSTITUTE PARENTING

FEATURES OF THE SOCIO-PSYCHOLOGICAL READINESS OF SUBSTITUTE
PARENTS TO OVERCOME DIFFICULTIES IN THE UPBRINGING OF TEENAGERS
AND CHILDREN LEFT WITHOUT PARENTAL CARE

<i>Volchanskaia V.O., Merkul I.A.</i>	60
---	----

INTERNATIONAL EXPERIENCE

ANALYTICAL REVIEWS

THE OVERVIEW OF INTERNATIONAL RESEARCH ON THE EFFECTS
OF BEING A CHILD IN THE CONDITIONS OF INSTITUTIONALISATION:
HOW TO ACHIEVE POSITIVE RESULTS

<i>Semya G.V.</i>	73
-------------------------	----

PREVENTION OF SOCIAL ORPHANHOOD

UK DEPARTMENT FOR EDUCATION RESPONSE TO RUSSIAN MINISTRY
OF EDUCATION: NO. 16-IN-1249, DATED 11 NOVEMBER 2016

.....	85
-------	----

ОТ РЕДАКЦИИ | EDITOR'S NOTE

Уважаемые читатели!

При запуске журнала мы заявили, что его миссией является продвижение культуры доказательного подхода в социальной сфере, и поэтому новый выпуск журнала «Социальные науки и детство» открывается постоянной рубрикой «*Доказательный подход в сфере детства*». В ней обе статьи посвящены проблеме создания реестра практик с доказанной эффективностью. Проведенный анализ иностранного опыта функционирования подобных реестров в США и Великобритании позволяет сформулировать несколько первоочередных задач, которые необходимо решить, чтобы работа создаваемого в настоящее время национального реестра практик в России отвечала принципу развития социальной сферы в доказательном ключе.

В связи с тем, что национальный реестр на платформе Агентства стратегических инициатив «СМАРТЕКА» уже готов принимать отечественные социальные практики с доказанной эффективностью, статья, описывающая методологию и требования к доказательности практики, крайне актуальна для практиков, а приведенный пример показывает, что это возможно сделать многим.

В условиях пандемии наша страна, как и весь мир, живет второй год, что позволяет уже оценить последствия принятых странами мер для ребенка и семьи. В новой рубрике «*Ребенок и семья в условиях пандемии*» публикуются две статьи с анализом последствий локдауна и других ограничений в Республике Финляндия, которая занимает одно из первых мест в мире по благополучию детей, и в России. В этих странах реализуются разные модели защиты прав и интересов детей, но в обеих странах наблюдается усиление «медицинского подхода» в оценке благополучия ребенка в ущерб социальным и личностным потребностям. Вместе с тем делается вывод, что права детей должны соблюдаться всегда, даже во время чрезвычайных ситуаций, и меры, которые могут ущемлять права детей, никогда не должны продлеваться дольше, чем это строго необходимо.

Ребенок, от которого отказались приемные родители, возвращается из новой семьи обратно в детский дом с высоким уровнем психологической травматизации, пережив повторное сиротство. После его реабилитации лучшим вариантом является повторное помещение обратно в семейную среду, но этот процесс сопровождается проблемами новой адаптации или реадaptации. Статья в новой рубрике «*Психология замещающего родительства*» содержит результаты исследования готовности потенциальных приемных родителей к преодолению тех сложностей, с которыми они могут столкнуться в процессе воспитания данной категории детей, и которые позволяют сформулировать требования к личности и характеристикам кандидатов.

В рубрике «*Международный опыт*» в аналитическом обзоре международных исследований, посвященных последствиям нахождения ребенка в условиях институционализации, ставится вопрос о том, не является ли существующая сегодня модель институционализации, основанная на депривации и негативных факторах развития ребенка, ограниченной и устаревшей. Значительное число работ показывает, что существуют

CC BY-NC

убедительные доказательства того, что высокое качество институционального ухода на уровне экосистемы оказывает значительное влияние на благополучие детей и обеспечивает длительные положительные результаты в физическом, когнитивном, поведенческом и эмоциональном развитии ребенка. Страны, устанавливающие более высокие стандарты ухода за детьми в учреждениях, и специалисты, применяющие меры, соответствующие выявленным в исследованиях предикторам полноценного развития, могут увидеть, что институциональный уход может быть жизнеспособным вариантом, когда адекватный уход на базе замещающей семьи невозможен или ограничен.

Знакомство с этой статьей позволяет по-другому взглянуть на проводимое в России реформирование организаций для детей-сирот в соответствии с требованиями постановления Правительства Российской Федерации от 24 мая 2014 г. № 481 «О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей».

Несколько лет назад мне пришлось заниматься анализом международного опыта в сфере социального сиротства, и через запросы в посольства европейских стран Минобрнауки России получило информацию от компетентных органов о законодательстве и практике в данной сфере по специально разработанному опроснику. С этого номера, начиная с Великобритании, мы приступаем к публикации оригинальных материалов о том, какие существуют в разных странах основания для временного изъятия ребенка из семьи и передачи его в специальные учреждения или приемные семьи, что из себя представляет практика выбора семьи, в которую затем будет временно помещен ребенок, какие услуги он получит, как происходит процедура воссоединения ребенка и его кровной семьи.

Тема профилактики социального сиротства обсуждалась в ноябре 2020 г. на заседании Совета при Президенте Российской Федерации по реализации государственной политики в сфере защиты семьи и детей¹. На основании протокольного решения все регионы разрабатывают дорожные карты по профилактике. Поэтому опыт других стран может быть полезен как с точки зрения инновационных подходов (например, четырехуровневая модель оказания услуг детям и мультиминистерственная команда по защите ребенка MASH, работающая с семьей, в Великобритании), так и с точки зрения учета неудачных решений.

Главный редактор

Г.В. Семья

¹ Поддержка и развитие института семьи, и профилактика социального сиротства [Запись трансляции 30 ноября 2020 года] // Заседание Совета при Президенте Российской Федерации по реализации государственной политики в сфере защиты семьи и детей. ВМЕСТЕ.РФ. 2020. URL: <https://vmeste-rf.tv/broadcast/zasedanie-soveta-pri-prezidente-rf-po-realizatsii-gospolitiki-v-sfere-zashchity-semi-i-detey-zapis-t/>

ДОКАЗАТЕЛЬНЫЙ ПОДХОД В СФЕРЕ ДЕТСТВА
EVIDENCE-BASED APPROACH IN THE FIELD OF CHILDHOOD

Реестры практик как механизм доказательной социальной политики в сфере защиты детства: анализ международного опыта

Бусыгина Н.П.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2344-9543>, e-mail: boussyguina@yandex.ru

Подушкина Т.Г.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5966-8342>, e-mail: poduschkina@mail.ru

Фреик Н.В.

Независимый исследователь, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4635-5131>, e-mail: nfreik@gmail.com

В статье анализируется международный опыт создания реестров доказательных практик с опорой на основные принципы доказательного подхода. Подобные реестры рассматриваются не как «контейнер» раз и навсегда отобранных «лучших практик», а как постоянно действующий механизм доказательной социальной политики. На материале реестров, разработанных в США и Великобритании, проведен анализ наиболее важных структурных компонентов реестров, особое внимание уделено методологии и процедуре отбора практик. Авторы ставят под вопрос принцип иерархии исследовательских методологий и показывают, что экспериментальный дизайн (рандомизированные контролируемые исследования) может быть признан в качестве «золотого стандарта» исследования лишь в определенных условиях — в случае принятия сфокусированной теории изменений, принятие же комплексной теории изменений требует других исследовательских стратегий и методов. На основании проведенного анализа формулируется несколько первоочередных задач, которые необходимо решить, чтобы работа создаваемого в настоящее время национального реестра практик в России отвечала принципу развития социальной сферы в доказательном ключе.

Ключевые слова: доказательная практика, реестры доказательных практик, эффективность психологических и социальных практик, социальные изменения, доказательная социальная политика.

Для цитаты: Бусыгина Н.П., Подушкина Т.Г., Фреик Н.В. Реестры практик как механизм доказательной социальной политики в сфере защиты детства: анализ международного опыта // Социальные науки и детство. 2021. Том 2. № 1. С. 7—23. DOI:<https://doi.org/10.17759/ssc.2021020101>

Registers of Practices as an Evidence-Based Social Policy Mechanism for Child Welfare: An Analysis of International Experience

Natalia P. Busygina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2344-9543>, e-mail: boussyguina@yandex.ru

Tatyana G. Podushkina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5966-8342>, e-mail: poduschkina@mail.ru

Nataliya V. Freik

An independent researcher, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4635-5131>, e-mail: nfreik@gmail.com

The article analyses the international experience of establishing evidence-based practice registers. Such registers are considered not as a “container” of once and for all selected “best practices”, but as a permanent mechanism of evidence-based social policy. Using the material of registers developed in the USA and the UK, the analysis of the most important structural components of the registers is carried out, with the main focus on the methodology and procedure of practice selection. The authors question the hierarchy of research methodologies and show that experimental design (randomized controlled trials) can be recognized as the “gold standard” of research only under certain conditions — if a linear, simple theory of change is adopted, while the adoption of a complex theory of change requires other research strategies and methods. Based on the analysis, several priority tasks are formulated that need to be addressed in order for the national register of practices being created in Russia to comply with the principles of evidence-based social policy.

Keywords: Evidence-based practice, evidence-based practice registers, effectiveness of psychological and social practices, social change, evidence-based social policy.

For citation: Busygina N.P., Podushkina T.G., Freik N.V. Registers of Practice as an Evidence-Based Social Policy Mechanism for Child Welfare: An Analysis of International Experience. *Social'ny'e nauki i detstvo = Social Sciences and Childhood*, 2021. Vol. 2, no. 1, pp. 7—23. DOI:<https://doi.org/10.17759/ssc.2021020101> (In Russ.).

Введение

В последние десять лет социальная сфера в России переживает фазу серьезной трансформации: происходят структурные изменения ряда государственных программ и политик, некоммерческий сектор выходит на рынок государственных услуг, развиваются институт социального предпринимательства и корпоративная благотворительность. В сфере защиты детства наблюдается интенсивный рост инновационных практик, развивается и трансформируется система социальной помощи в целом¹.

¹ Разработка методологических оснований для формирования единого национального подхода к определению социальных (в том числе образовательных) практик с доказанной эффективностью», регистрационный номер № 121061500111-9.

До последнего времени социальные и психологические практики в сфере детства применялись интуитивно, без обращения к научным проверкам их эффективности и безопасности. И даже сегодня многие весьма опытные организации, осуществляющие социальную помощь, далеко не всегда располагают надежными сведениями, к каким именно результатам приводит применение той или иной практики, не всегда могут аргументированно объяснить, какие именно практики целесообразно внедрять и почему. Можно сказать, что культура научного обоснования социальных и психологических практик в нашей стране еще только начинает складываться.

Основным механизмом принятия решений о поддержке и дальнейшем распространении той или иной российской практики в сфере детства является конкурсный отбор, которым занимаются крупнейшие грантодающие организации (Фонд президентских грантов, Фонд поддержки детей и др.). И хотя сейчас уже можно уверенно сказать, что среди социальных, психологических и образовательных практик в сфере защиты детства выделились лидеры, заслужившие доверие профессионального сообщества и благополучателей, тем не менее достоверных данных относительно их влияния и оснований для сравнительного анализа и обоснованного выбора между разными практиками по-прежнему нет.

Можно констатировать ряд актуальных проблем и ограничений для развития социальной сферы в нашей стране:

— отсутствует институт независимой оценки эффективности инноваций и технологий в социальной сфере;

— сложившаяся процедура отбора лучших практик не предполагает оценки эффективности практики на основе данных, полученных в эмпирических научных исследованиях;

— не разработана процедура профессиональной верификации для определения целесообразности применения различных видов социальной и психологической помощи;

— экспертиза и ответственность за качество предлагаемых социальных инноваций институционально не закреплены ни за одним из ведущих ведомств;

— наблюдается явный дефицит экспертных организаций, причем ситуация осложняется еще и общим кризисом доверия к традиционному институту экспертизы.

Не располагая действенным механизмом поиска и поддержки наиболее результативных решений, социальная политика в сфере детства не может быть достаточно эффективной. В сложившейся ситуации назрела необходимость разработки процедуры, позволяющей убедительно обосновывать принимаемые решения по поддержке и распространению тех или иных практик. И обращение к мировому опыту подобных разработок, его анализ могут быть первым шагом на пути к построению и реализации собственных моделей, релевантных сложившейся ситуации в области социальной и психологической помощи в нашей стране.

Доказательный подход в социальной сфере и реестры практик как один из путей его реализации

Одним из важнейших трендов развития социальной сферы в последние двадцать лет стал доказательный подход. Его основные принципы были заимствованы из так называемой доказательной медицины (evidence-based medicine), окончательный поворот к которой произошел в начале 1990-х годов и которая тогда же была определена как подход к медицинской практике, предполагающий, что решения о применении профилакти-

ческих, диагностических и лечебных мероприятий принимаются на основе имеющихся эмпирических свидетельств их эффективности и безопасности [7; 17]. Позже, однако, это определение было заменено более широким, и доказательная медицина стала включать в себя три составляющие: полученные в исследованиях показатели эффективности, клиническую экспертизу специалиста, индивидуальные ценности и предпочтения конкретного пациента. Такое более широкое понимание легло в основу доказательного подхода и в социальной сфере, где доказательная практика обычно описывается как интеграция в процессе принятия решений лучшего доступного на данный момент эмпирического базиса, экспертизы специалиста-практика, ценностей и предпочтений клиента [4; 8; 9; 12; 15; 16; 18]. При этом именно опора на научные исследования в процессе принятия решений о помощи тому или иному пациенту/клиенту/благополучателю остается главной характеристикой, определяющей существо доказательного подхода.

Доказательный подход открыл новые возможности в понимании «лучших практик», введя особую — доказательную, то есть опирающуюся на убедительные научно-эмпирические свидетельства эффективности — парадигму социальной политики в сфере детства. И разработанные во многих странах процедуры принятия решений об отборе и тиражировании практик и программ основаны именно на учете эмпирических показателей их эффективности, полученных в научных исследованиях.

К настоящему времени накоплен существенный международный опыт развития социальной сферы с опорой на доказательный подход. Одной из составляющих так называемой доказательной социальной политики в США, Канаде, Великобритании и других странах является создание национальных центров, собирающих, управляющих и фасилитирующих применение практик и программ с эмпирически подтвержденной эффективностью. Как правило, такие инициативы строятся на государственно-частных партнерствах, которые и определяют, в какие именно практики и программы в дальнейшем будут вливаться социальные инвестиции в масштабах страны или региона.

Опора на научные исследования эффективности — лишь общий принцип развития социальной сферы в доказательном ключе. В данной статье, однако, нас интересует, как именно этот принцип может быть воплощен в реальной «жизни» социальных и психологических практик. Основным предметом нашего внимания являются создаваемые во многих странах реестры практик с эмпирически подтвержденной эффективностью (evidence-based practices). На наш взгляд, подобные реестры необходимо рассматривать не как «контейнер» раз и навсегда отобранных «лучших практик», а как постоянно действующий механизм доказательной социальной политики. В мировом опыте реестры практик создаются при поддержке научных лабораторий, задача которых — проведение экспертизы социальных инноваций на основе независимой оценки эффективности. Реестры решают задачу агрегации сведений о практиках, эффективность которых была эмпирически исследована и результаты описаны в соответствующих публикациях, и тем самым обеспечивают пользователям удобную работу с информацией — возможности поиска, анализа, сравнения и выбора практики в соответствии с имеющейся задачей. В реестрах, как правило, приводятся сведения о том, для кого применима данная практика (целевые группы), какие именно осуществляются действия в рамках практики (перечень, последовательность, объемы, сроки и пр.), каковы возможности тиражирования практики (условия ее внедрения), каких можно ожидать эффектов, изменений в жизни целевых групп, каковы затраты, стоимость внедрения и применения практики и т.п. Подчеркнем, что именно фо-

кус на изменениях, к которым приводит практика и свидетельства которых зафиксированы в научных исследованиях, является основой для работы реестра как одного из механизмов доказательной социальной политики.

Наш дальнейший анализ особенностей организации реестров практик с эмпирически подтвержденной эффективностью опирается на обзор десяти реестров социальных практик в сфере детства США и Великобритании, приведенный на сайте «Социальные результаты и показатели» [2]. Основное внимание мы уделили нескольким составляющим реестров: 1) главные задачи и функции реестров; 2) целевая аудитория и разработчики реестров; 3) методологические основания реестров; 4) процедура поиска и включения объектов в реестр. Далее мы кратко коснемся первых двух пунктов (задач, функций, целевой аудитории, владельцев реестров) и более подробно остановимся на методологии и процедуре включения практик в реестры. Цель анализа международного опыта — очертить возможные ориентиры, помогающие структурировать деятельность по созданию реестров доказательных практик в нашей стране.

Основные задачи и функции реестров

Как уже было отмечено, основная задача реестров — обеспечение постоянно действующего механизма отбора и селекции практик и программ, результативность которых была верифицирована в соответствующих научных исследованиях.

Обычно реестры построены по тематическому принципу, то есть каждый из них охватывает определенную (узкую или более широкую) область социальной/социально-психологической проблематики или сферу благополучия/здоровья. Как правило, с самого начала в реестре приводится перечень социальных результатов, на достижение которых должны работать включенные в него практики. Несмотря на то, что любой реестр создается под конкретные прикладные задачи, две его наиболее важные функции — выявление эффективных моделей социальной помощи в той или иной области и формирование оснований для принятия инвестиционных решений о том, какие именно практики должны быть поддержаны. Кроме того, реестры призваны давать информацию организациям и специалистам не только о том, какие эффективные практики существуют в той или иной области социальной и психологической помощи, но и о том, какие есть доказательства, что они действительно «работают», то есть оказывают то положительное социальное воздействие, на которое претендуют. Еще раз подчеркнем, что реестры нужно понимать именно как постоянно действующий механизм доказательной социальной политики, их организация включает в себя меры по методической и экспертной поддержке специалистов социальной сферы в проведении научных исследований эффектов социальных и психологических практик. Предполагается, что внедрение в деятельность специалистов и организаций сферы детства социальных практик с научно подтвержденной эффективностью способствует улучшению услуг и содействует более обоснованной государственной политике в сфере семьи и детства.

Целевая аудитория и разработчики реестров

В любом реестре четко определяется его целевая аудитория. Во многом именно целевая аудитория задает то, как будет наполняться реестр: будут ли в него включены лишь «элитарные» практики — обладатели «знака качества», прошедшие строгие процедуры отбора, либо он будет представлять собой ресурс, на котором собраны максимально полные сведения о различных практиках в той или иной сфере — находящихся на разных

«стадиях жизненного цикла» (в том числе инновационных) и имеющих разную степень эмпирической обоснованности (вплоть до ее отсутствия).

В качестве основных пользователей реестров практик чаще всего выступают социальные инвесторы (которые нередко бывают инициаторами их создания и финансируют их дальнейшую работу) и специалисты сферы детства (организации и команды, которые сами разрабатывают и реализуют практики, могут предоставлять свои практики на независимую экспертизу и публикацию или, наоборот, заимствовать практики из реестров). В отдельных случаях целевая аудитория расширяется и включает благополучателей, академическое сообщество, СМИ и др.

В качестве владельцев реестров могут выступать как государственные структуры (ведомства, министерства, исследовательские организации, вузы), так и частные, в том числе благотворительные организации (НКО, фонды), а также партнерства государственных, частных и некоммерческих организаций. Следует отметить, что ведущую роль при формировании реестров практик с эмпирически подтвержденной эффективностью играют научные, академические, исследовательские структуры.

Методологические основания реестров

Ключевые понятия

Как показывает наш анализ, используемая в реестрах терминология (социальная практика, доказательность, социальный результат, воздействие, эффективность и пр.) пока не является устойчивой. Неопределенность терминологии характерна и для теоретических дискуссий в области обсуждения проблем социальных практик. Содержание понятий в реестрах связано с бэкграундом, системой ценностей и опытом разработчиков реестра. Безусловно, терминологическая неустойчивость значительно осложняет восприятие информации из реестров и делает практически невозможным сопоставление практик, включенных в разные реестры, ведь то, как определяются понятия, напрямую влияет на стратегии отбора практик и их анализ. Что именно будет считаться «доказательным», «эмпирически подтвержденным», достигнутым социальным результатом и т.п., определяется под прикладную социальную задачу и отличается от реестра к реестру. Понятно, что при таком положении дел создавать реестр, просто заимствуя понятия и перенося в него практики, включенные в какие-то другие реестры практик с эмпирически подтвержденной эффективностью, не представляется возможным. Заметим, что неправомерным будет и перенесение практик, включенных в соответствующие реестры в одной стране, в похожие реестры другой страны: как показывают результаты исследований [13], в Великобритании применение программ, получивших свое эмпирическое подтверждение в США, не приводит к аналогичным социальным результатам. По-видимому, в некоторых случаях разница социальных результатов будет наблюдаться не только применительно к практикам, разработанным и применяемым в разных странах, но и в разных регионах одной страны.

Критерии анализа

Можно выделить три универсальных критерия оценки практики, которые (в той или иной модификации) присутствуют во всех реестрах: 1) наличие и соблюдение протокола, 2) эмпирически подтвержденные данные об эффективности практики и 3) качество этих данных (строгость методологии, с использованием которой они получены). Есть также вариативные критерии, связанные в большей степени с назначением реестра, к ним относятся соответствие практики определенной системе социальных услуг, ее тиражируемость, внутренняя логичность и убедительность рамочной концепции практики и др.

Исследовательская методология

Требования к строгости исследовательской методологии, применяемой для сбора и анализа данных относительно влияния практик, также зависят от целевого назначения реестра и его владельца. Национальные реестры, работа которых поддерживается крупными исследовательскими организациями и ресурсами, имеют более строгие требования к качеству и методологии сбора данных, предполагают их тщательную проверку и независимую экспертизу. В менее крупных реестрах, ориентированных на аккумуляцию информации о практиках в определенной тематической области, ответственность за качество предоставляемых данных и методы их сбора в большой степени остается за организацией-разработчиком. Исследования могут быть выполнены с применением количественного дизайна (экспериментальные и квазиэкспериментальные исследования), качественного дизайна (этнографические исследования, исследования на основе тематического и феноменологического анализа, со-участные (participatory) исследования с участием бенефициаров), а также смешанного дизайна, когда применяются различные стратегии соединения качественных и количественных методов.

Уровни доказательности практик

В большинстве реестров есть некоторая внутренняя система координат, позволяющая оценить уровень доказательности социальной практики, отнести ее к какому-то типу (например, перспективная, модельная, эталонная практика) или присвоить ей рейтинговое значение. Уровни доказательности, как правило, соотносятся с приоритетной исследовательской методологией, положенной в основание реестра. Обычно большое значение придается рейтингу научных журналов, в которых опубликованы результаты исследований эффективности практики, а также официальным подтверждениям поддержки практики со стороны авторитетных и признанных в данной области экспертов, профессиональных сообществ, организаций.

Процедура отбора практик

Процедура отбора практик для размещения их в реестре может несколько варьировать в зависимости от целевого назначения реестра. Однако в целом можно выделить последовательность шагов, характерную для работы большинства реестров, и описать, что именно происходит на каждом из них. Мы остановимся на семи шагах, обычно присутствующих в работе реестра: 1) первичный отбор практик, 2) уточнение данных, 3) описание практики в доказательном ключе, 4) независимая экспертиза, 5) информирование о результатах экспертизы разработчиков практики, 6) размещение практики в реестре, 7) пересмотр практик.

1. Первичный отбор практик

В любом реестре определены минимальные требования, которым должна удовлетворять практика, чтобы быть размещенной в реестре. На основании этих требований и происходит первичный отбор практик для участия в конкурсе на попадание в реестр. В зависимости от поставленных целей и имеющихся ресурсов поиск потенциальных кандидатов может либо полностью осуществляться держателем реестра — в поле открытых данных или на основе предварительно проведенного экспертного рейтинга, либо разработчики практик сами подают заявки на участие в регулярно действующих или специально организуемых конкурсных процедурах.

В реестре Калифорнийского информационного центра доказательных практик в области детского благополучия (California Evidence-Based Clearinghouse for Child Welfare, CEBC, США) [2] список потенциально «достойных» программ составляется экспертной группой из 47 специалистов (Top Experts), по одному эксперту на каждую приоритетную тему реестра. Задача экспертов — помочь в поиске практик или программ «своего» направления и определить их рейтинг, то есть соответствие минимальным требованиям к практике или программе.

В данном реестре рейтинг определяется на основе следующих критериев:

— Алгоритм реализации практики/программы описан в соответствующем руководстве/письменном протоколе.

— Практика/программа «работает» на повышение показателей благополучия детей (Child Welfare Outcomes) на трех уровнях социальных результатов (непосредственный результат (output), социальный результат (outcome), социальный эффект (impact)).

— Достижение практикой/программой социальных результатов зафиксировано в исследованиях, опубликованных в рецензируемых научных журналах.

— Все сведения о социальных результатах практики надежны и валидны, получены в ходе качественно проведенных исследований.

В реестре благотворительной организации Child Trends' What Works, учрежденной Фондом детского развития США (Foundation for Child Development, USA) [2], используется другой механизм первичного отбора практик: разработчик сам направляет описание своей программы/практики в соответствии с утвержденным форматом.

Структура описания программы/практики для подачи в данный реестр включает следующие блоки:

— аннотация: краткое описание программы, целевых групп, запланированных социальных результатов, ожидаемых результатов;

— описание программы: более подробное описание целевой группы, механизмов управления, сроков реализации, возможных изменений, внесенных в программы в процессе реализации, стоимость и прочее;

— оценка программы: информация об участниках оценочного исследования (их социально-демографические и др. характеристики), методология исследования, в том числе принципы формирования выборки, стратегии обеспечения ее случайного характера, перечень измеряемых социальных результатов, методы сбора данных, графики проведения исследования, результаты (описание результатов, их значимость, наличие негативных результатов);

— дополнительные источники информации: публикации, первичные источники информации о программе и результатах оценочных исследований (для рандомизированных контролируемых исследований), список публикаций Child Trends с обсуждением программы (при наличии);

— итоги и классификация программы: описание возраста участников на начало оценочных исследований (до рождения, 0—5, 6—11, 12—14, 15—21, 22—25 лет), компоненты и характеристики программы по различным основаниям (раннее развитие, медиакампания, терапия, домашнее визитирование, менторинг, школьные программы и прочее), измеренные социальные результаты, релевантные приоритетным темам (образование и умственное развитие; социальное и эмоциональное здоровье и развитие; жизненные навыки; проблемы с поведением; подростковая беременность и репродуктивное здоровье; позитивное гражданское участие; психическое здоровье);

— ключевые слова, включающие целевые группы, интервенции, место реализации, контекст и социальные результаты;

— дата актуализации информации о программе.

Как можно видеть, формат заявки на включение практики в реестр предполагает достаточно подробное описание социальных результатов. При этом акцент сделан на верификации достижения результатов, зафиксированных в соответствующих научных исследованиях.

2. Уточнение данных

После того, как принято решение относительно участия практики в конкурсном отборе для попадания в реестр, у разработчиков запрашиваются дополнительные данные: материалы исследований, протоколы, регламенты и т.п. и/или уточняются данные, выложенные в открытом доступе.

3. Описание практики в доказательном ключе

На следующем этапе происходит оформление (описание) практики в соответствии с требованиями реестра.

Подготовка практики к экспертизе подразумевает значительный объем работы, поэтому описания практик, как правило, выполняют не сами организации, реализующие практику, а специально обученные и сертифицированные специалисты.

Например, в реестре Blueprints for Healthy Youth Development («Программы здорового развития молодежи», США) сотрудники в течение 8—10 недель изучают материалы практик/программ, самостоятельно подаваемых разработчиками — в первую очередь, статьи и отчеты по результатам оценочных исследований (руководства по внедрению практик на этом этапе не рассматриваются). Затем сотрудники Blueprints готовят детальное описание практики/программы: что она собой представляет, какая методология использовалась для проверки достигнутых социальных результатов и каковы сами результаты. Подготовку описания практики/программы завершают два сотрудника старшего звена, которые редактируют текст и вносят в него финальные правки.

Национальный реестр программ и практик с эмпирически подтвержденной эффективностью США (The National Registry of Evidence-based Programs and Practices, USA) назначает двух аккредитованных (сертифицированных) экспертов, которые независимо друг от друга готовят отчет о практике согласно утвержденному формату на основе предоставленных научных данных и пр. Если отчеты экспертов значительно отличаются друг от друга, то координатор реестра организует процесс диалога между экспертами, в результате которого они могут выработать некоторый консенсус. Важно отметить, что эксперты не проводят оценки самой практики/программы, они оценивают лишь качество предоставленных сведений.

К экспертам есть особые требования: они должны иметь ученую степень, а также обладать специальными знаниями методов, используемых для оценки программ в области защиты психического здоровья. Кроме того, эксперты проходят специальную подготовку и сертификацию. Первоначально кандидатура эксперта утверждается владельцем реестра — Управлением по вопросам наркозависимости и психического здоровья (Substance Abuse and Mental Health Services Administration) Министерства здравоохранения и социального обеспечения США, учитываются сведения об опыте кандидата и пр. Затем канди-

дат в эксперты участвует в онлайн-тренинге по методологии, принятой в Национальном реестре, после прохождения которого выполняет проверочный тест — готовит отчет по оценочному исследованию и участвует в его обсуждении (также онлайн). В случае успешного выполнения теста кандидат становится сертифицированным экспертом и ему предоставляется право подготовки отчетов.

4. Независимая экспертиза

Практика, описанная в доказательном ключе в соответствии с требованиями реестра, отправляется на независимую экспертизу, на основании которой принимается решение о присвоении практике определенного статуса (рейтингового значения) и размещении (или не размещении) в реестре.

Процедуры экспертизы, предусмотренные каждым реестром, отличаются друг от друга: некоторые носят сложный многоэтапный характер и требуют больших затрат (таковы, например, процедуры экспертизы уже упомянутых Национального реестра США и реестра Калифорнийского информационного центра); другие, напротив, предполагают гораздо меньшие затраты, такие реестры, как правило, ориентированы на то, чтобы быть доступными для пользователей и давать им максимально полную информацию о работающих в той или иной области организациях и специалистах-практиках (таков, например, реестр Child Trends' What Works Фонда детского развития США).

Качество экспертизы обеспечивается не только строгостью ее методологии, но и действием механизма распределенной ответственности за ее результаты (наличием научного совета, национальной экспертной панели и др.). Так, например, в формировании реестра Калифорнийского информационного центра доказательных практик в области детского благополучия принимают участие три структуры:

— консультативный совет, который формируется из экспертов в области благополучия детей, представителей организаций, оказывающих соответствующие услуги, и авторитетных профильных госструктур;

— научный совет (Scientific Panel), в который включены семь признанных экспертов национального уровня (исследователи и практики в области благополучия детей);

— научный совет по внедрению (Implementation Science Panel), состоящий из пяти признанных экспертов национального уровня в области прикладных научных исследований детского благополучия.

Консультативный совет реестра Blueprints for Healthy Youth Development включает в себя семь экспертов по тематике реестра. В него направляются практики и программы, описанные согласно правилам реестра и соответствующие его критериям. Консультативный совет заседает два раза в год, и именно он выносит финальное решение. В некоторых случаях Консультативный совет может запросить дополнительные материалы для анализа. По итогам экспертизы практике/программе может быть присвоено два типа рейтинговых значений:

— обещающая (promising) — отвечает минимальным стандартам об эффективности достижения социального результата;

— модельная (model) — демонстрирует высокую эффективность достижения социального результата, ее достоверность тоже очень высокая.

Во многих реестрах разработаны инструменты оценки, которые используют эксперты, анализируя практики/программы. В качестве примера можно сослаться на инструмент

оценки результатов, разработанный специалистами Национального реестра доказательных программ и практик США (NREPP Outcome Rating Instrument). По 5-балльным шкалам (от 0 до 4) эксперты оценивают качество имеющихся доказательств о достижении практикой заявленных социальных результатов. Оценка производится по 4-м параметрам:

1. методологическая строгость исследовательских процедур;
2. размер эффекта/социального воздействия;
3. реализация программы в соответствии с первоначальным дизайном (соблюдение изначального плана, протокола);
4. убедительность рамочной концепции (четкость формулировки целей; адекватность действий; правдоподобность теории изменений и др.).

Подготовленный экспертами отчет включает в себя финальное суждение (рейтинг) относительно достоверных сведений (доказательств) достижения практикой каждого из заявленных социальных результатов [2, с. 4—5] (см. таблицу).

Таблица

Рейтинг практики, присваиваемый в результате независимой экспертизы в рамках Национального реестра программ и практик с эмпирически подтвержденной эффективностью США (The National Registry of Evidence-based Programs and Practices, USA)

Оценка достижения практикой заявленного социального результата (Outcome Evidence Rating)	Пояснение
 Эффективная (Effective)	Имеющиеся сведения о достижении результата основаны на строгих в методологическом плане оценочных исследованиях, краткосрочный эффект данного результата положительный. Размер исследуемой группы и статистическая значимость эффекта являются существенными
 Перспективная, обещающая (Promising)	Имеющиеся сведения о достижении результата основаны на достаточно строгих в методологическом плане оценочных исследованиях, краткосрочный эффект данного результата представляется положительным. Размер исследуемой группы и статистическая значимость эффекта представляются достаточными
 Нет эффекта (Ineffective)	Имеющиеся сведения о достижении результата основаны на достаточно строгих в методологическом плане оценочных исследованиях; однако краткосрочный эффект минимален или отсутствует. Размер исследуемой группы и статистическая значимость эффекта не представляются достаточными. В некоторых случаях, данные свидетельствуют о негативном эффекте в краткосрочной перспективе. В таких случаях краткосрочный эффект наносит вред исследуемой группе, а сам эффект представляется вполне ощутимым
 Нет возможности сделать однозначный вывод (Inconclusive)	Данные оценочных исследований имеют недостаточную строгость в методологическом плане, чтобы установить социальное воздействие программы. Размер краткосрочного эффекта невозможно измерить

Как можно видеть, в результате независимой экспертизы каждая практика/программа получает достаточно однозначную итоговую оценку. Именно понятность, однозначность отнесения практики к тому или другому типу делают реестры удобными в использовании целевой аудиторией.

5. Информирование о результатах экспертизы

Разработчики практики извещаются об итогах экспертизы и принятом решении и дают согласие на размещение в реестре либо могут высказать свое несогласие с оценкой и в отдельных случаях даже подать апелляцию.

6. Размещение в реестре

Краткое описание практики размещается в открытом доступе на платформе в соответствии с матрицей, предложенной в реестре. В отдельных случаях реестр обеспечивает доступ ко всем предоставленным на экспертизу материалам и полному описанию практики.

7. Пересмотр практик

В большинстве реестров предусмотрена процедура регулярного пересмотра практик, включенных в реестр. Раз в год или в несколько лет проходит инвентаризация содержания реестра, у разработчиков уточняется актуальный статус практики, обновляются и дополняются материалы.

В целом можно сказать, что реестр — это постоянная весьма динамическая работа по отбору практик, их размещению и пересмотру размещенной информации. На наш взгляд, именно этот динамический характер «жизни» реестра и необходимо иметь в виду, задумывая создание нового реестра в новых условиях.

Принцип иерархии методологий в экспертизе практик и его проблематизация в эпистемологии социальных наук

Обратим внимание, что работа большинства реестров социальных практик и программ опирается на представления о доказательной практике, заимствуемые из доказательной медицины. Чтобы считаться практикой с эмпирически подтвержденной (доказанной) эффективностью, практика должна удовлетворять четырем критериям: 1) она должна быть стандартизована и описана в соответствующих руководствах; 2) ее эффекты должны быть оценены посредством применения рандомизированных контролируемых исследований; 3) наиболее важные результаты должны быть продемонстрированы путем объективного измерения; 4) исследования должны проводиться независимыми исследовательскими командами [19].

В основу работы экспертизы практик положен принцип иерархии исследовательских методологий, а именно: рандомизированные контролируемые исследования считаются «золотым стандартом» проверки эффективности практик, поэтому в процессе экспертизы максимальные баллы по достоверности социальных результатов получают практики, разработчики которых предоставили данные об их «строгих» экспериментальных проверках, идеально — о метаанализе ряда таких проверок, в котором демонстрируется достаточная величина эффекта. Вместе с тем к настоящему времени появилось немало эпистемологических работ, авторы которых обосновывают необходимость обращения к более широкому кругу исследовательских методологий при изучении эффектов практик [5; 6; 10; 11; 14; 20].

Далеко не всегда комплексные эффекты практик можно уловить стандартизованными измерениями отдельных параметров, обеспечить случайность выборки в формировании экспериментальных и контрольных групп во многих случаях не представляется возможным по этическим соображениям, часто затруднительно уравнивать группы по релевантным для данного исследования параметрам, поскольку не до конца понятно, какие именно параметры необходимо учитывать в первую очередь, и др. Дизайн рандомизированного контролируемого исследования может оказаться нечувствительным к изменениям по причине довольно грубых методик измерения, которые, как правило, используются в подобных исследованиях. А. Эбрахим [5] убедительно показывает, что в социальной сфере мы зачастую должны учитывать сложный характер отношений между деятельностью и ее эффектами. Лишь в отдельных случаях деятельность основана на сфокусированной теории изменений, когда предполагается, что отношения между ней и ее эффектами линейны и отчетливы. В большинстве же случаев деятельность построена на комплексной теории изменений, когда взаимосвязи между действиями и эффектом неочевидны и есть высокая вероятность влияния большого числа других факторов. Экспериментальные методы оценки эффектов хорошо работают в случае сфокусированной теории изменений. А в случае комплексной теории нужны другие методы: метод отображения (картирования) промежуточных изменений (*outcome mapping*), методология определения наиболее значимых изменений, методы получения обратной связи от различных аудиторий, методы исследования сложных систем и системный анализ, — все эти методы позволяют реализовать то, что А. Эбрахим определяет как *контрибутивную* исследовательскую стратегию взамен *атрибутивной*. А. Эбрахим отмечает, что такая стратегия и связанные с ней методы менее популярны, чем экспериментальные, но они тем не менее представляются весьма перспективными, так как именно они могут помочь преодолевать трудности, с которыми сталкивается исследователь при оценке результатов в сложном и непредсказуемом окружении [5].

На наш взгляд, организация исследовательской поддержки и отлаживание механизмов экспертизы практик сегодня невозможны без учета тех методологических инноваций, которые активно обсуждаются в области исследований социальных практик. Разделение атрибутивных и контрибутивных исследовательских стратегий, рефлексия возможностей и ограничений связанных с ними методов, а также разработка методов исследования эффектов социальных практик, реализующих контрибутивную исследовательскую стратегию, — один из примеров подобных инноваций.

Заключение

В статье мы попытались в общих чертах раскрыть особенности формирования реестров доказательных практик на примере реестров, созданных в США и Великобритании. Мы подчеркиваем, что в настоящее время реестр нельзя понимать, как просто «контейнер», наполненный «лучшими практиками». Реестр практик необходимо определять в динамической логике как один из постоянно действующих механизмов доказательной социальной политики. Главная характеристика доказательного подхода в социальной сфере — тесная взаимосвязь практической работы и научных исследований, формирование комплекса сотрудничающих друг с другом *научно обоснованной практики* и *практико-ориентированной науки* [1]. В этом контексте работа реестра должна пониматься как один из путей реализации доказательного подхода в социальной сфере, способ обеспечения отмеченной взаимосвязи науки и практики.

В настоящее время в России также предпринимаются усилия по созданию национального реестра доказательных практик². Рамка доказательного описания практики задается разработанным «Стандартом доказательности в сфере детства» [3]. В оценку реестра положены единые критерии оценки социальных практик:

- соответствие практики целям Десятилетия Детства;
- подтвержденный социальный эффект практики;
- потенциал практики к масштабированию и тиражированию.

На основании анализа международного опыта по созданию реестров мы можем сформулировать несколько первоочередных задач, которые необходимо решить, чтобы работа создаваемого реестра отвечала принципу развития социальной сферы в доказательном ключе:

1) необходима доработка представленной в Стандарте рамки доказательного описания практики, в которой основной акцент будет поставлен на описание социального результата и способов его проверки (эмпирические свидетельства эффективности практики, полученные в соответствующих научных исследованиях);

2) необходимо обеспечить сопровождение и методическую помощь разработчикам практик в подготовке доказательного описания предлагаемых ими практик; возможно, потребуется организация специального обучения специалистов по доказательному описанию практик, которые, в свою очередь, смогут оказывать помощь в презентации практики ее разработчикам;

3) в современных российских условиях разработки и реализации социальных и психологических практик необходимо обеспечить не только качественную независимую экспертизу практик, но и методическое сопровождение исследований их эффектов; безусловно, функции экспертизы и помощь в исследованиях должны быть разделены между разными организациями;

4) для работы реестра необходима организация механизма независимой экспертизы практик; как показывает международный опыт, качество экспертизы обеспечивается не только строгостью ее методологии, но и действием механизма распределенной ответственности за ее результаты (наличием консультативных и научных советов и т.п.); определить, как именно должно быть организовано распределение ответственности в условиях российских реалий, — одна из первостепенных задач;

5) необходима организация сети национальных исследовательских центров, планирующих и осуществляющих исследования эффектов социальных и психологических практик;

6) особая роль в формировании и экспертном сопровождении работы реестра должна быть закреплена за вузами и научно-исследовательскими институтами (центрами), которые являются носителями академического знания и осуществляют экспертизу в области исследовательской методологии;

7) в осуществлении исследований и независимой экспертизы практик необходимо не только руководствоваться классическими принципами доказательности, воплощением которых становится представление об иерархии исследовательских методологий, но и учи-

² В Платформе основных мероприятий до 2020 года, проводившихся в рамках Десятилетия детства, была поставлена задача создания Реестра лучших практик, выявленных в ходе реализации данной программы. Исполнителями выступают Агентство стратегических инициатив, Московский государственный психолого-педагогический университет, Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. На Платформе обмена практиками устойчивого развития «Смартека» (<https://smarteka.com>) Агентства стратегических инициатив в 2021 году создан специальный раздел — Практики с доказанной эффективностью — прототип будущего реестра.

тывать актуальные тенденции в эпистемологии социальных наук, обращать внимание на методологические инновации, обсуждаемые в области исследований социальных практик.

Литература

1. Бусыгина Н.П., Подушкина Т.Г., Станилевский В.В. Доказательный подход в социальной сфере: основные понятия и принципы, история, перспективы [Электронный ресурс] // Социальные науки и детство. 2020. Том 1. № 1. С. 8—26. DOI:10.17759/ssc.2020010101
2. Реестры на основе доказательного подхода: обзор международного опыта [Электронный ресурс] // Социальные результаты и показатели: подготовлено АНО «Эволюция и Филантропия» по заказу Фонда Тимченко, 2018. URL: https://socialvalue.ru/wp-content/uploads/2018/04/Реестры_evidence-based.pdf (дата обращения: 02.05.2021).
3. Стандарт доказательности социальных практик в сфере детства [Электронный ресурс] // Об оценке просто: подготовлено АНО «Эволюция и Филантропия», август 2018. URL: https://ep.org.ru/wp-content/uploads/2019/11/sbornik_small_13_11-1.pdf (дата обращения: 02.05.2021).
4. Drisko J., Grady M. Evidence-Based Practice. New York: Springer, 2012.
5. Ebrahim A. Measuring Social Change: Performance and Accountability in a Complex World. Stanford University Press, 2019. 311 p.
6. Ebrahim A., Rangan V.K. What Impact: A Framework for Measuring the Scale and Scope of Social Performance // California Management Review. 2014. Vol. 56(3). P. 118—141.
7. Evidence-Based Medicine Working Group Evidence-based medicine. A new approach to teaching the practice of medicine // JAMA. 1992. Vol. 268(17). P. 2420—2425.
8. Evidence-Based Practice in Psychology // American Psychologist. 2006. Vol. 61(4). P. 271—285.
9. Gambrell E.D. Evidence-Based Practice: An Alternative to Authority-Based Practice // Families in Society: The Journal of Contemporary Human Services. 2018. Vol. 99(3). P. 283—294. DOI:10.1177/1044389418786699
10. Kozleski E.B. The Uses of Qualitative Research: Powerful Methods to Inform Evidence-Based Practice in Education // Research and Practice for Persons with Severe Disabilities. 2017. Vol. 42(1). P. 19—32.
11. Liamputtong P. Qualitative Research Methodology and Evidence-Based Practice in Public Health / In P. Liamputtong (Ed.) // Public Health: Local and Global Perspectives. 2016. P. 171—187.
12. Mullen E.J. Reconsidering the “Idea” of Evidence in Evidence-Based Policy & Practice // European Journal of Social Work. 2015. P. 310—335.
13. Nutley S.M., Powell A.E., Davies H.T.O. What Counts as Good Evidence. London: Alliance for Useful Evidence, 2013. 40 p.
14. Pearson A. Evidence-Based Healthcare and Qualitative Research // Journal of Research in Nursing. 2010. Vol. 15(6). P. 489—493.
15. Roberts A.R., Yeager K.R., Regehr Ch. Bridging Evidence-Based Health Care and Social Work: How to Search For, Develop and Use Evidence-Based Studies / In Roberts A.R., Yeager K.R. (Eds.) // Foundations of Evidence-Based Social Work Practice. Oxford University Press, 2006. P. 3—20.
16. Rosenthal R.N. Overview of Evidence-Based Practices / In Roberts A.R., Yeager K.R. (Eds.) // Foundations of Evidence-Based Social Work Practice. Oxford University Press, 2006. P. 67—80.
17. Sackett D.L., Rosenberg W.M., Gray J.A., Haynes R.B., Richardson W.S. Evidence-Based Medicine: What It Is and What It Isn't // British Medical Journal. 1996. Vol. 312(7023). P. 71—72.
18. Thyer B.A. What Is Evidence-Based Practice? / In Roberts A.R., Yeager K.R. (Eds.) // Foundations of Evidence-Based Social Work Practice. Oxford University Press, 2006. P. 35—46.
19. Torrey W.C., Drake R.E., Dixon L., Burns B.J., Flynn L., Rush A.J. et al. Implementing Evidence-Based Practices for Persons with Severe Mental Illnesses // Psychiatric Services. 2001. Vol. 52. P. 45—50.
20. Zwet R van der. Implementing Evidence-Based Practice in Social Work: A Shared Responsibility. Ipskamp Drukkers BV, Enschede, the Netherlands, 2018. 172 p.

References

1. Busygina N.P., Podushkina T.G., Stanilevskii V.V. Dokazatel'nyi podkhod v sotsial'noi sfere: osnovnye poniatia i printsipy, istoriia, perspektivy [Elektronnyi resurs] [Evidence-Based Approach in the Social Area: Basic Concepts and Guidelines, History, Prospects]. *Sotsial'nye nauki i detstvo = Social Sciences and Childhood*, 2020. Vol. 1, no 1, pp. 8—26. DOI:10.17759/ssc.2020010101. (In Russ., abstr. in Engl.).
2. Reestry na osnove dokazatel'nogo podkhoda: obzor mezhdunarodnogo opyta [Elektronnyi resurs] [Evidence-Based Registries: A Review of International Experience]. Sotsial'nye rezul'taty i pokazateli: podgotovleno ANO «Evolutsiia i Filantropiia» po zakazu Fonda Timchenko [Social outputs and impacts, prepared by NPO “Evolution and Philanthropy”, commissioned by Timchenko Fund], 2018. Available at: https://socialvalue.ru/wp-content/uploads/2018/04/Реестры_evidence-based.pdf (Accessed 02.05.2021).
3. Standart dokazatel'nosti social'nykh praktik v sfere detstva [Elektronnyi resurs] [Standards of Evidence for Psychosocial Practices for Children]. Ob ocenke prosto: podgotovleno ANO «Evoljucii i Filantropiia» [On Assessment Simply, prepared by NPO “Evolution and Philanthropy”], august, 2018. Available at: https://ep.org.ru/wp-content/uploads/2019/11/sbornik_small_13_11-1.pdf (Accessed 02.05.2021).
4. Drisko J., Grady M. Evidence-Based Practice. New York: Springer, 2012.
5. Ebrahim A. Measuring Social Change: Performance and Accountability in a Complex World. Stanford University Press, 2019. 311 p.
6. Ebrahim A., Rangan V.K. What Impact: A Framework for Measuring the Scale and Scope of Social Performance. *California Management Review*, 2014. Vol. 56(3), pp. 118—141.
7. Evidence-Based Medicine Working Group Evidence-based medicine. A new approach to teaching the practice of medicine. *JAMA*, 1992. Vol. 268(17), pp. 2420—2425.
8. Evidence-Based Practice in Psychology. *American Psychologist*, 2006. Vol. 61(4), pp. 271—285.
9. Gambrill E.D. Evidence-Based Practice: An Alternative to Authority-Based Practice. *Families in Society: The Journal of Contemporary Human Services*, 2018. Vol. 99(3), pp. 283—294. DOI:10.1177/1044389418786699
10. Kozleski E.B. The Uses of Qualitative Research: Powerful Methods to Inform Evidence-Based Practice in Education. *Research and Practice for Persons with Severe Disabilities*, 2017. Vol. 42(1), pp. 19—32.
11. Liamputtong, P. Qualitative Research Methodology and Evidence-Based Practice in Public Health. In P. Liamputtong (Ed.) *Public Health: Local and Global Perspectives*, 2016, pp. 171—187.
12. Mullen E.J. Reconsidering the “Idea” of Evidence in Evidence-Based Policy & Practice. *European Journal of Social Work*, 2015, pp. 310—335.
13. Nutley S.M., Powell A.E., Davies H.T.O. What Counts as Good Evidence. London: Alliance for Useful Evidence, 2013. 40 p.
14. Pearson A. Evidence-Based Healthcare and Qualitative Research. *Journal of Research in Nursing*, 2010. Vol. 15(6), pp. 489—493.
15. Roberts A.R., Yeager K.R., Regehr Ch. Bridging Evidence-Based Health Care and Social Work: How to Search For, Develop and Use Evidence-Based Studies. In Roberts A.R., Yeager K.R. (Eds.) *Foundations of Evidence-Based Social Work Practice*. Oxford University Press, 2006, pp. 3—20.
16. Rosenthal R.N. Overview of Evidence-Based Practices. In Roberts A.R., Yeager K.R. (Eds.) *Foundations of Evidence-Based Social Work Practice*. Oxford University Press, 2006, pp. 67—80.
17. Sackett D.L., Rosenberg W.M., Gray J.A., Haynes R.B., Richardson W.S. Evidence-Based Medicine: What It Is and What It Isn't. *British Medical Journal*, 1996. Vol. 312(7023), pp. 71—72.
18. Thyer B.A. What Is Evidence-Based Practice? In Roberts A.R., Yeager K.R. (Eds.) *Foundations of Evidence-Based Social Work Practice*. Oxford University Press, 2006, pp. 35—46.
19. Torrey W.C., Drake R.E., Dixon L., Burns B.J., Flynn L., Rush A.J. et al. Implementing Evidence-Based Practices for Persons with Severe Mental Illnesses. *Psychiatric Services*, 2001. Vol. 52, pp. 45—50.
20. Zwet R van der. Implementing Evidence-Based Practice in Social Work: A Shared Responsibility. Ipskamp Drukkers BV, Enschede, the Netherlands, 2018. 172 p.

Информация об авторах

Бусыгина Наталья Петровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры индивидуальной и групповой психотерапии факультета консультативной и клинической психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2344-9543>, e-mail: boussyguina@yandex.ru

Подушкина Татьяна Геннадьевна, психолог, руководитель сектора «Центр доказательного социального проектирования», ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5966-8342>, e-mail: poduschkina@mail.ru

Фреик Наталия Викторовна, независимый исследователь, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4635-5131>, e-mail: nfreik@gmail.ru

Information about the authors

Natalia P. Busygina, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Counselling and Clinical Psychology, Chair of Individual and Group Psychotherapy, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2344-9543>, e-mail: boussyguina@yandex.ru

Tatyana G. Podushkina, Psychologist, Head of the Sector «Center for Evidence-Based Social Design», Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5966-8342>, e-mail: poduschkina@mail.ru

Nataliya V. Freik, an independent researcher, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4635-5131>, e-mail: nfreik@gmail.ru

Получена 25.06.2021

Received 25.06.2021

Принята в печать 15.07.2021

Accepted 15.07.2021

Методологические проблемы доказательного описания психологических и социальных практик

Бусыгина Н.П.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2344-9543>, e-mail: boussyguina@yandex.ru

Подушкина Т.Г.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5966-8342>, e-mail: poduschkina@mail.ru

Зевина Д.А.

Благотворительный фонд «Дети наши» (БФ «Дети наши»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9311-6648>, e-mail: dianazevina@yandex.ru

В статье обсуждаются сложности реализации доказательного подхода в области психологических и социальных практик. Рассматривается роль «Стандарта доказательности социальных практик в сфере детства» для формирования комплекса сотрудничающих друг с другом научно обоснованной практики и практико-ориентированной науки. Обсуждаются четыре ключевых направления анализа практики: регламентированность практики, ее обоснованность, результативность практики (достижение социальных результатов), обоснованность данных о социальных результатах практики. На основании опыта экспертизы авторы выделяют несколько методологических сложностей, с которыми сталкиваются разработчики практик в процессе их доказательного описания и представления: сложности с выделением сути интервенций, приводящих к изменениям; сложности с поиском теоретических оснований практики; дефицит навыков построения логической рамки; сложности с поиском исследовательского инструментария для оценки эффектов практики. В качестве примера удачного, по мнению авторов, разрешения указанных методологических сложностей приводится описание социальной практики «Не разлей вода» Благотворительного фонда «Дети наши».

Ключевые слова: доказательная практика, стандарт, теория изменений, логическая рамка изменений.

Для цитаты: Бусыгина Н.П., Подушкина Т.Г., Зевина Д.А. Методологические проблемы доказательного описания психологических и социальных практик // Социальные науки и детство. 2021. Том 2. № 1. С. 24—36. DOI:<https://doi.org/10.17759/ssc.2021020102>

Methodological problems of evidential description of psychological and social practices

Natalia P. Busygina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2344-9543>, e-mail: boussyguina@yandex.ru
CC BY-NC

Tatyana G. Podushkina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5966-8342>, e-mail: poduschkina@mail.ru

Diana A. Zevina

Charity found «Our children», Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9311-6648>, e-mail: dianazevina@yandex.ru

The article discusses the challenges of implementing an evidence-based approach in the field of psychological and social practices. The role of the “Standard of Evidence of Social Practices in the Sphere of Childhood” for the formation of a complex of collaborating science-based practice and practice-oriented science is considered. Four key areas of practice analysis are discussed: the regulation of practice, its validity, the effectiveness of practice (achievement of social results), the validity of data on the social results of practice. Based on the experience of expertise, the authors highlight several methodological difficulties faced by developers of practices in the process of their evidence-based description and presentation: difficulties in highlighting the essence of interventions that lead to change; difficulties in finding theoretical foundations for practices; lack of skills in building a logical framework; difficulties in finding research tools to assess the effects of practices. As an example of a successful, in the opinion of the authors, resolution of these methodological difficulties, a description of the social practice “Do not spill the water” (as in meaning “Thick as Thieves”) of the Charity Foundation “Our Children”.

Keywords: Evidence-based practice, standard, theory of change, logical framework for change.

For citation: Busygina N.P., Podushkina T.G., Zevina D.A. Methodological problems of evidential description of psychological and social practices. *Social'ny'e nauki i detstvo = Social Sciences and Childhood*, 2021. Vol. 2, no. 1, pp. 24—36. DOI:<https://doi.org/10.17759/ssc.2021020102> (In Russ.).

Введение

Доказательный подход, основанный на применении исследовательских методов для обоснования эффективности социальных практик, открыл новую перспективу развития социальной политики в сфере детства [2]. Сегодня в большинстве стран отбор и масштабирование программ и практик социальной и психологической помощи детям и семьям осуществляется с опорой на показатели их эффективности и безопасности, полученные в научных исследованиях [17; 18; 20]¹.

В статье, посвященной реестрам практик², мы рассматриваем ряд институциональных ограничений, препятствующих внедрению доказательного подхода в нашей стране, таких как отсутствие института независимой оценки эффективности инноваций в социальной сфере, дефицит экспертных организаций, призванных такую оценку осуществлять, и другие. Отметим, что проводимый в России отбор лучших практик по сей день не предполагает, что их разработчики представляют убедительные свидетельства результативности предлагаемых ими инициатив. И такая ситуация сложилась отнюдь не случайно. Долгое время социальные

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации «Разработка методологических оснований для формирования единого национального подхода к определению социальных (в том числе образовательных) практик с доказанной эффективностью», регистрационный номер № 121061500111-9.

² Подробнее тема раскрывается в опубликованной в данном журнале статье Бусыгиной Н.П., Подушкиной Т.Г., Фрейк Н.В. Реестры практик как механизм доказательной социальной политики в сфере защиты детства: анализ международного опыта.

науки и социальная практика в нашей стране существовали как две почти не пересекающиеся друг с другом области — каждая в своих экономических реалиях, у каждой были свои предметы интереса и свое экспертное сообщество. Даже институционально эти две сферы оказались закреплены за разными площадками: наука и научное сообщество живут и развиваются в вузах и исследовательских институтах, практики работают в государственных, некоммерческих и коммерческих организациях или оказывают услуги частным образом.

Описанные особенности существования «академиков» и «практиков» находят отражение и в том, как те и другие понимают, принимают и применяют идеи доказательного подхода. Практики, как правило, неплохо подготовлены в области методической работы, достаточно успешно справляются со стандартизацией, описанием социальных технологий, алгоритмов и процедур. На высоком уровне подготовка специалистов-практиков и в области трансляции опыта, разработки тренингов для специалистов. Если в команде, разрабатывающей социальную практику, есть представители науки, теоретическое обоснование практики также может быть выполнено на достаточно высоком уровне. За последнее десятилетие, осваивая методы социального проектирования, специалисты-практики научились мыслить в логике постановки целей и достижения социальных результатов. И тем не менее последовательное обоснование применяемых практиками методов работы и технологий по-прежнему выглядит недостаточным. Необходимость серьезных научных исследований результативности социальной и психологической работы с детьми и семьями далеко не всегда осознается практиками, точнее, часто им сложно сориентироваться в требуемом масштабе таких исследований и в том, кто именно может их осуществить. Что же касается представителей академического сообщества, то следует признать, что они не всегда готовы прояснять особенности социальной ситуации, в которой приходится делать свою работу практикам, и подбирать исследовательский инструментарий, чувствительный к этой работе. В целом можно констатировать, что формирование комплекса сотрудничающих друг с другом научно обоснованной практики и практико-ориентированной науки в нашей стране наталкивается на ряд сложностей, но ситуация действительно меняется. В частности, в настоящее время ряд организаций (в том числе региональных) активно обращаются к независимой научной оценке своей работы и заключают продуктивные альянсы с исследовательскими группами.

В 2018 году Межотраслевым профессиональным объединением «Оценка программ в сфере детства» [12] был разработан «Стандарт доказательности социальных практик в сфере детства» [16] (далее — Стандарт). Разработку Стандарта поддержали Благотворительный фонд Елены и Геннадия Тимченко, Фонд президентских грантов, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (МГППУ).

Стандарт решает три основные задачи: во-первых, задает рамку для систематизации информации о практике, определяет формат описания практики в доказательном ключе; во-вторых, предлагает структуру сбора доказательств и обоснований практики; в-третьих, представляет требования, позволяющие оценивать уровень доказанности результатов практики. По сути, Стандарт очерчивает возможную область взаимодействия науки и практики, ориентируя специалистов-практиков на систематическое обоснование собственной практической работы путем обращения к научным теориям и данным исследований [12].

В Стандарте предлагаются четыре ключевых направления анализа практики, которые должны быть представлены в ее доказательном описании и по которым она может быть оценена экспертами с позиции регламентированности практики, обоснованности практики, ее результативности (достижение социальных результатов), а также обоснованности данных о социальных результатах практики.

Регламентированность практики.

Практика анализируется на предмет стандартизованности ее процедур — насколько действия, осуществляемые в рамках практики, носят устоявшийся, предсказуемый и воспроизводимый характер. Максимальный балл при оценивании получает практика, алгоритм которой четко и подробно описан в соответствующих руководствах. Оцениваются наличие и качество документов, в которых закреплены процедуры практики, формы и методы обеспечения качества работы специалистов, реализующих практику, зафиксированы обязательные требования к процессу реализации практики.

Обоснованность практики.

Анализ фокусируется на оценке замысла практики — насколько действия, осуществляемые в рамках практики, позволяют достигать заявленных социальных результатов. Максимальный балл при оценивании получает практика, в описании которой четко и подробно представлен механизм, посредством которого предпринимаемые действия ведут к социальным результатам. Анализируется непротиворечивость и убедительность причинно-следственных связей между деятельностью и ожидаемыми изменениями, обоснованность практики с точки зрения научных теорий и исследований, а также с точки зрения того, насколько практика отвечает на запросы благополучателей (детей и их семей) и представляется важной и продуктивной специалистам-практикам.

Результативность практики (достижение социальных результатов).

Анализируется, в какой мере достигаются заявленные результаты, как меняется ситуация благополучателей благодаря практике. Максимальный балл при оценивании получает практика, результативность которой была верифицирована в научных исследованиях с представлением соответствующих данных. Оценивается устойчивость достигаемых социальных результатов в краткосрочной и долгосрочной перспективе; отсутствие негативного эффекта практики (или анализ его причин в случае его наличия) в краткосрочной и долгосрочной перспективе для благополучателей или сообщества.

Обоснованность данных о социальных результатах практики.

Анализ фокусируется на корректности применения исследовательских инструментов в ходе сбора данных относительно результативности практики: в какой мере удачен выбор методов сбора и анализа данных, насколько строгой является методология оценочных исследований, достаточно ли данных и пр. Максимальный балл при оценивании получает практика, в исследованиях которой процедура сбора и анализа данных носила системный характер, достижение практикой социальных результатов многократно подтверждено, использованные в исследованиях инструменты и методы соответствуют особенностям благополучателей и характеру социальных результатов (подходят показателям социального результата), учтены внешние факторы, оказывающие влияние на достижение социального результата.

Основываясь на опыте экспертизы доказательных описаний практик, представляемых их разработчиками, мы можем указать на ряд методологических проблем, с которыми они сталкиваются при подготовке таких описаний.

1. ***Сложности в определении необходимого и достаточного комплекса действий, составляющего суть интервенции, приводящей к изменениям в ситуации:*** что собой представляет социальная практика, к какой области знания она может относиться (социальная помощь, психологическое консультирование, психотерапия, здравоохранение, психологическая коррекция, реабилитация и прочее); например, можно ли к социальной практике отнести образовательную программу, психологическую методику, подход или школу. По-видимому, дан-

ная методологическая проблема отчасти может быть разрешена путем конкретизации понятия социальной практики в Стандарте. Однако мы полагаем, что разработчики практик испытывают сложности с самим выделением «ядра» собственной работы, аналитическим обобщением сути предпринимаемых ими интервенций и лежащего в их основе механизма изменения (влияния), иными словами, специалисты-практики испытывают сложности с представлением того, что в социальном проектировании принято называть «теорией изменений».

2. Сложности определения теоретических оснований практики. К сожалению, далеко не всегда специалисты-практики имеют возможность опираться на фундаментальные теории психологии и социальных наук — для практиков такие теории выглядят как чересчур абстрактные и не описывающие то, с чем они имеют дело в своей работе. И здесь мы опять вынуждены констатировать по-прежнему существующий парадигмальный разрыв между академической наукой и практической работой специалистов социальной сферы.

3. Дефицит навыков построения логической рамки, или логической модели практики. Доказательный подход в социальной сфере развивался в тесной связи со становлением представлений о возможностях социального конструирования (применения инженерного подхода к управлению социальными изменениями) и практикой социального проектирования. В этих областях наработаны свои методологические инструменты, без обращения к которым, повидимому, невозможно предложить полноценное обоснование практики. Одним из таких инструментов, пришедших из социального проектирования, является логическая модель, или логическая рамка [19]. В ней предлагается различать нескольких уровней результатов социальных практик: результаты отдельных действий и активностей (проведенные мероприятия), результаты реализации комплекса деятельности в целом (запланированные изменения в ситуации целевых групп) и результаты социального влияния практики (ее отсроченный эффект). Разработка логической модели практики не входит в число компетенций ни специалистов помогающих профессий, ни академических исследователей, поскольку социальное проектирование — довольно молодая для нашей страны область и знакомство отечественных специалистов с ее теоретическим и методическим аппаратом пока происходит лишь очень фрагментарно. Освоение новой методологической рамки в процессе доказательного обоснования практики является дополнительной ресурсоемкой задачей для разработчиков этой практики.

4. Сложности, связанные с подбором и применением исследовательского инструментария для оценки эффектов практик. Оценка практик и программ предполагает хорошее владение исследовательским инструментарием, что обычно не является сильной стороной специалистов-практиков. Именно в области проведения оценочных исследований можно было бы прогнозировать продуктивное сотрудничество науки и практики. Но для представителей академической науки в нашей стране оценка — это весьма новая, недостаточно освоенная пока область применения исследовательских компетенций. В настоящее время сотрудничество практиков с научным сообществом еще только начинает складываться. Ситуация осложняется некоторой ригидностью академии, приверженностью ее представителей лишь определенным типам исследовательских дизайнов, основанных на позитивистской эпистемологии и использовании преимущественно количественных измерений, что не всегда применимо для исследования эффектов социальных практик.

Далее мы представляем практику, описанную по формату Стандарта и получившую достаточно высокие оценки экспертов, прошедшую верификацию в рамках партнерских проектов АНО «Эволюция и Филантропия» и Благотворительного фонда Елены и Геннадия Тимченко. Нам важно дать пример достаточно удачного, на наш взгляд, решения задачи описания практики согласно требо-

ваниям Стандарта и разрешения указанных нами методологических проблем, а также пригласить профессиональные сообщества к обсуждению разработанного формата описания.

Доказательное описание практики

Одной из первых организаций в России, которые начали изучение вопроса о легитимации кровных родственников в детских учреждениях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, стал Благотворительный фонд «Дети наши». Специалистами фонда была разработана и описана социальная практика «Не разлей вода»³ [8; 11; 14], направленная на улучшение психологического состояния воспитанников учреждений через нормализацию детско-родительских отношений. Апробация практики проводилась начиная с 2014 года на базе двух детских учреждений в Смоленской области (Шаталовский и Сафоновский детские дома).

Суть практики заключается в комплексной работе специалистов (как с самим воспитанником организации, так и с имеющимися родственниками ребенка), направленной на улучшение психологического состояния воспитанника, укрепление его эмоционального статуса и психологической устойчивости, повышение ресурсности ребенка и снижение последствий травматического опыта путем восстановления и нормализации родственных отношений и регулярных контактов с кровными родителями и родственниками.

Целевые группы практики:

- Дети — воспитанники учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.
- Кровные родители и родственники воспитанников интернатных учреждений.

Цели.

Цели и мероприятия, направленные на решение конкретных (индивидуальных) задач, зависят от сложности ситуации: как минимум это реконструкция семейной истории ребенка; как максимум — восстановление контакта, организация регулярного общения с кровными родителями и родственниками или возвращение в кровную семью.

Деятельность, программа и комплекс мероприятий.

С воспитанниками учреждений для детей-сирот проводится индивидуальная психолого-социальная работа, направленная на проработку психологических травм, связанных с потерей кровной семьи, устранение пробелов, ошибочных мифов и навязанных стереотипов в восприятии собственной семейной истории, восстановление контактов с кровными родителями/родственниками (работа с использованием методики «Книга жизни» с детьми 7—12 лет, групповая работа с подростками).

Параллельно с этим, по мере возможности, осуществляется индивидуальная социально-психологическая работа с кровными родителями и родственниками воспитанника учреждения для детей-сирот, цель которой — восстановление детско-родительских отношений, обеспечение внутреннего ресурса и внешней поддержки для восстановления отношений с ребенком, помещенным в учреждение, обеспечение регулярного контакта воспитанника с кровными родственниками. В среднем работа с ребенком и его кровной семьей продолжается 19 месяцев.

Социальные результаты.

В зависимости от уровня сложности ситуации работа по восстановлению отношений ребенка с кровными родителями и/или родственниками может иметь разный результат:

³ Описание практики подготовлено коллективом авторов под руководством А.С. Омельченко. Из данного описания мы берем ряд ключевых моментов, иллюстрирующих решение методологических проблем и задач описания практики согласно требованиям Стандарта.

возвращение ребенка в кровную семью; экологичное для ребенка общение без возвращения ребенка в семью; завершение отношений (в случае невозможности их продолжения или смерти). Однако вне зависимости от намеченного социального результата в процессе участия в программе «Не разлей вода» и по ее завершению наблюдается улучшение психологического состояния воспитанников учреждений [7].

Социальный результат 1: Улучшение психологического состояния воспитанников учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Показатель: Количество воспитанников учреждений, улучшивших психологическое состояние.

Социальный результат 2: Восстановление отношений воспитанников учреждений с кровными родителями или родственниками.

Показатель: Количество воспитанников учреждений, вернувшихся в кровные семьи и/или поддерживающих регулярный контакт с кровными родителями/родственниками.

Регламентированность практики (стандартизированные элементы практики).

К настоящему времени основные элементы практики отработаны и могут использоваться как технология работы в детских учреждениях.

Имеется описание практики, подготовленное для внутреннего пользования, разработанное пособие «Книга жизни» [3] и руководство для помощника (специалиста) по работе с «Книгой жизни» [4].

Для реализации данной социальной практики специалисты должны обладать минимальной базовой и дополнительной профессиональной подготовкой, то есть иметь профессиональное образование в области психологии, социальной педагогики/социальной работы и дополнительное обучение по темам «Привязанность», «Травма», «Особенности детей в интернатных учреждениях», «Профилактика сиротства», «Технология работы со случаем». В связи с этим в рамках социальной практики предусмотрены регулярное (несколько раз в год для каждого специалиста) обучение на внешних семинарах, супервизии — по запросу, примерно 1 раз в 1—2 месяца.

Описание практики и достижение социальных результатов в ходе ее реализации зафиксированы в статьях сборника «Работа с кровной семьей воспитанников интернатных учреждений. Профилактика социального сиротства» [9; 10; 14].

Научно-теоретическое обоснование практики.

В качестве базовых теоретических оснований для начала практики выступили две известные психологические теории [1; 15]:

— теория привязанности, важнейшим принципом которой является то, что для успешного социально-эмоционального развития и, в частности, для того, чтобы научиться эффективно регулировать свои чувства, ребенок должен развивать отношения как минимум с одним значимым взрослым;

— теория семейных систем М. Боуэна, описывающая семью как эмоциональное поле, в котором эмоционально детерминированное функционирование членов семьи создает эмоциональную атмосферу и, в свою очередь, влияет на каждого. Даже не проживая со своими родителями, ребенок все равно остается частью своей семейной системы, которая продолжает оказывать на него влияние.

Результаты.

Чтобы проверить теоретические положения относительно потребностей общения с кровными семьями или родственниками и изучить отношение к практике у самих детей, были проведены несколько исследований:

• «Отношение к кровной семье у детей, воспитывающихся в интернатных учреждениях» [10], направленное на получение целостной картины восприятия кровной семьи у воспитанников интернатных учреждений с позиции самого ребенка.

• Личностный опыт выпускников детских домов в контексте значимых жизненных событий [5; 6]. Исследование было проведено дважды (в 2017 и 2019 гг.) и позволило углубиться в понимание проблем выпускников детских домов и получить более целостную картину их потребностей и ресурсов, разработать механизм поддержки.

Результаты исследований подтвердили значимость отношений с кровными родственниками для воспитанников детских учреждений, помогли уточнить направления сопровождения и возможные результаты работы специалистов. Механизм изменений представлен на рисунке.

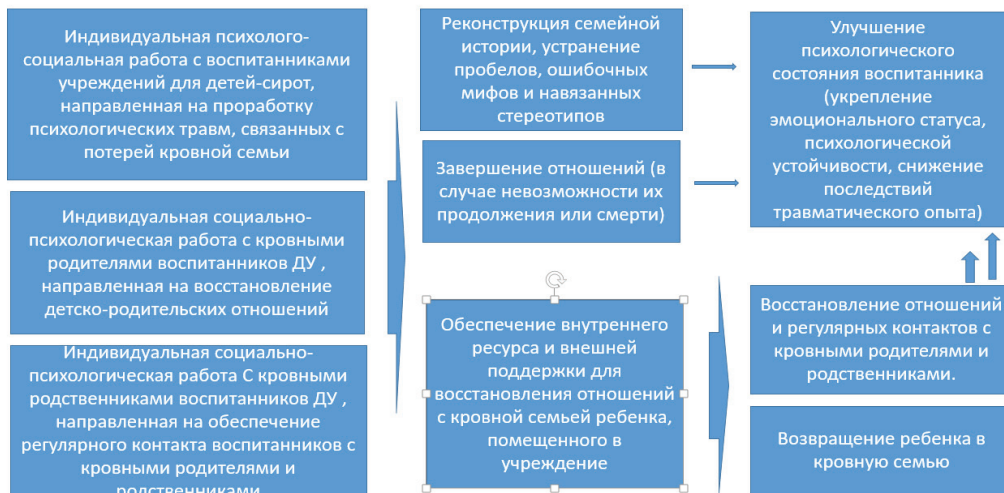


Рис. Механизм изменений в практике «Не разлей вода»

Результаты практики в рамках теории изменений

С ноября 2017 г. по июнь 2018 г. отделом исследований БФ «Нужна помощь» по заказу Фонда «Дети наши» была проведена оценка технологии работы с кровными семьями воспитанников учреждений, реализуемой в рамках проекта «Не разлей вода. Смоленская область». Результаты исследования представлены в «Отчете о результатах Оценки технологии работы с кровными семьями воспитанников, реализуемой в рамках проекта “Не разлей вода. Смоленская область”» (2019) [13]. По итогам исследования можно сделать следующие выводы относительно влияния практики и достижения запланированных изменений:

Социальный результат 1. Улучшение психологического состояния воспитанника учреждения (укрепление эмоционального статуса, повышение психологической устойчивости, снижение последствий травматического опыта, связанного с темой кровной семьи)

Мероприятия программы (в частности, работа с кровной семьей) не оказывают существенного влияния на изменение социальной ситуации семьи (материально-бытовые аспекты, финан-

совая устойчивость и т.д.). При этом даже в этом случае регулярные контакты детей с кровной семьей, улучшение отношений с родителями и родственниками и последующее возвращение ребенка в кровную семью значительно влияют на улучшение его эмоционального благополучия, что отмечали сами дети и специалисты, которые с ними работают. Иными словами, дети могут чувствовать себя комфортно и даже счастливо, когда у них хорошие отношения с родителями, даже в том случае, когда семья продолжает находиться в трудной жизненной ситуации.

Оценка показала, что у 29 из 31 детей, участвующих в программе, наблюдаются положительные изменения психологического и эмоционального состояния; кроме того, в большинстве случаев фиксируются положительные изменения в поведении ребенка, его взаимодействии со сверстниками, что также подтверждает улучшение психологического состояния детей участников.

Всего был изучен 31 случай — все текущие случаи на момент проведения исследования, а также завершенные в течение последних 12 календарных месяцев перед запуском исследования.

Устойчивость результата: на данный момент нет сведений, так как состояние детей после завершения участия в проекте не оценивается.

Социальный результат 2: Восстановление отношений воспитанников учреждения с кровными родителями/родственниками (количество воспитанников учреждения, вернувшихся в кровные семьи и/или поддерживающих регулярный контакт с кровными родителями/родственниками)

Всего в ходе реализации практики (с 2014 по 2018 годы) 50 воспитанников восстановили отношения с родителями или кровными родственниками: вернулись в кровную семью 25 детей, остальные 25 детей регулярно контактируют с кровными родственниками, причем контакты оцениваются как безопасные и «экологичные» для ребенка.

Зафиксированы 15 случаев из 31 (48,4%), которые специалисты признают успешными: 7 детей вернулись из учреждений в кровные семьи (к родителям или кровным родственникам); 7 детей остались в учреждении, однако улучшились регулярность и качество их контактов с семьей; 1 ребенок сознательно перешел в приемную семью.

Также стоит отметить 10 случаев (32,3%), которые были признаны неуспешными.

По 3 случаям (9,7%) данных было недостаточно или данные расходились. К моменту передачи данных 3 случая (9,7%) были не завершены.

Устойчивость социального результата подтверждается количественными и качественными данными: из всех возвращенных в кровные семьи детей (25 детей) только 1 ребенок был повторно помещен кровной мамой в интернат, а остальные возвращенные дети продолжают воспитываться в кровных семьях.

Для сбора информации использовались следующие инструменты и источники данных:

- форма описания случая (для сбора информации от специалистов);
- анкета для детей (самостоятельное заполнение ребенком в ходе интервью со специалистом фонда, который не работал с этим ребенком);
- отдельный комплект инструментов для сбора информации от детей в семьях и их родителей (опросный лист для родителей, опросный лист для детей, бланк наблюдения специалиста для заполнения сразу после посещения семьи);
- беседы специалистов с детьми и родителями;

- наблюдение специалистов (фиксация наблюдений в ежеквартальных и ежегодных отчетах специалистов фонда, работающих в рамках практики);
- сведения о возвращении детей в кровные семьи и регулярных контактах с расширенной кровной семьей (представлены в ежеквартальных и ежегодных отчетах специалистов фонда, работающих по практике).

Рассматриваемая практика имеет адекватное теоретическое обоснование, в достаточной степени регламентирована (разработаны алгоритмы сбора информации и работы, формы анкет, опросных листов, протоколы наблюдений и пр.); используется психодиагностический комплекс, который сам имеет доказательство эффективности, информация о достижимости социальных результатов получена из разных источников, в том числе независимых, результаты отслеживаются в течение нескольких лет. Все это позволяет рекомендовать включить практику в Реестр практик с доказанной эффективностью («СМАР-ТЕКА»), который сейчас формируется Агентством социальных инициатив совместно с Московским государственным психолого-педагогическим университетом в рамках реализации мероприятий Десятилетия детства, и тиражировать ее.

Литература

1. Авдеева Н.Н. Теория привязанности: современные исследования и перспективы [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2017. Т. 6. № 2. С. 7—14. DOI:10.17759/jmfp.2017060201
2. Бусыгина Н.П., Подушкина Т.Г., Станилевский В.В. Доказательный подход в социальной сфере: основные понятия и принципы, история, перспективы [Электронный ресурс] // Социальные науки и детство. 2020. Том 1. № 1. С. 8—26. DOI:10.17759/ssc.2020010101
3. Герасимова А.С. Книга жизни: пособие [Электронный ресурс] // Благотворительный фонд «Дети наши». Тверская область: Из-во ООО «ИПК Парето-Принт», 2016. 80 с. URL: https://detinashi.ru/wp-content/material/kniga_gizni_2.pdf (дата обращения: 13.05.2021).
4. Герасимова А.С. Руководство к работе над «Книгой жизни» [Электронный ресурс] // Благотворительный фонд «Дети наши». 2016. 24 с. URL: <https://detinashi.ru/o-fonde-2/materials/> (дата обращения: 13.05.2021).
5. Личностный опыт выпускников детских домов в контексте значимых жизненных событий: отчет по результатам исследования [Электронный ресурс] // Благотворительный фонд «Дети наши». 2017. 47 с. URL: https://detinashi.ru/wp-content/uploads/2018/04/2018_Opros_vy-pusknikov_E-tap2_final.pdf (дата обращения: 13.05.2021).
6. Личностный опыт выпускников детских домов в контексте значимых жизненных событий: отчет по результатам исследования [Электронный ресурс] // Благотворительный фонд «Дети наши». 2019. 56 с. URL: <https://drive.google.com/file/d/1BE0x95pEjk8XB-2ZerQ8UeFJGhLClAE/view> (дата обращения: 13.05.2021).
7. Омельченко А.С. Критерии выбора случая для работы по восстановлению отношений воспитанников учреждений для детей-сирот с кровными семьями и распределение обязанностей специалистов проекта // Работа с кровной семьей воспитанников учреждений для детей-сирот и профилактика социального сиротства. М., 2017. 25 с. URL: https://detinashi.ru/wp-content/uploads/2017/09/Siroty2_site.pdf (дата обращения: 16.05.2021).
8. Омельченко А.С. Проект «Не разлей вода. Смоленская область» Благотворительного фонда «Дети наши» и описание практики работы с кровными семьями воспитанников учреждений для детей-сирот // Работа с кровной семьей воспитанников учреждений для детей-сирот и профилактика социального сиротства. М., 2017. 11 с. URL: https://detinashi.ru/wp-content/uploads/2017/09/Siroty2_site.pdf (дата обращения: 16.05.2021).

9. Омельченко А.С., Исаченко П.В., Киприч А.Л., Сорокина У.В., Якусевич К.А. Технология работы с кровными семьями воспитанников учреждений для детей-сирот // Работа с кровной семьей воспитанников учреждений для детей-сирот и профилактика социального сиротства. Опыт Смоленской области. М., 2018. 11 с. URL: https://detinashi.ru/wp-content/uploads/2017/04/Siroty4_block.pdf (дата обращения: 16.05.2021).
10. Омельченко А.С., Язневич Е., Подушкина Т.Г. Отношение к кровной семье у детей, воспитывающихся в интернатных учреждениях [Электронный ресурс] // Благотворительный фонд «Дети наши». 2016. 47 с. URL: https://detinashi.ru/wp-content/material/krovnaya_semya_2017.pdf (дата обращения: 13.05.2021).
11. Описание практики «Неразлей вода» БФ «Дети наши» [Электронный ресурс] // Благотворительный фонд Елены и Геннадия Тимченко. 2019. 13 с. URL: https://deti.timchenkofoundation.org/wp-content/uploads/2019/11/Дети_наши_описание.pdf (дата обращения: 16.05.2021).
12. Положение о деятельности Межотраслевого профессионального объединения «Оценка программ в сфере детства» [Электронный ресурс] // Об оценке. 2015. 4 с. URL: <http://ozenka.info/partners/> (дата обращения: 13.05.2021).
13. Профилактика социального сиротства. Опыт Благотворительного фонда «Дети наши» и других организаций / под ред. А.С. Омельченко. М.: БФ «Дети наши», 2019. 194 с.
14. Работа с кровной семьей воспитанников учреждений для детей-сирот и профилактика социального сиротства. Опыт Смоленской и Вологодской областей: сборник статей / под ред. А.С. Омельченко. М.; Смоленск: БФ «Дети наши», 2017. 268 с.
15. Рассказова А.Л. Психическое развитие ребенка в контексте теории привязанности // Современные тенденции развития системы образования: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Чебоксары, 25 апреля 2019 г.). Чебоксары: ИД «Среда», 2019. С. 355—358.
16. Стандарт доказательности социальных практик в сфере детства [Электронный ресурс] // Об оценке просто: подготовлено АНО «Эволюция и Филантропия». 2018. URL: https://ep.org.ru/wp-content/uploads/2019/11/sbornik_small_13_11-1.pdf (дата обращения: 02.05.2021).
17. Ebrahim A. Measuring Social Change: Performance and Accountability in a Complex World. Stanford University Press, 2019. 311 p.
18. Ebrahim A., Rangan V.K. What Impact: A Framework for Measuring the Scale and Scope of Social Performance // California Management Review. 2014. Vol. 56(3). P. 118—141.
19. Evidence-Based Practice in Psychology // American Psychologist. 2006. Vol. 61(4). P. 271—285.
20. Gambrell E.D. Evidence-Based Practice: An Alternative to Authority-Based Practice // Families in Society: The Journal of Contemporary Human Services. 2018. Vol. 99(3). P. 283—294. DOI:10.1177/1044389418786699

References

1. Avdeeva N.N. Teoriya privyazannosti: sovremennye issledovaniya i perspektivy [Elektronnyi resurs] [Child-Parent Relationship Therapy: Child-Parent Interaction Therapy of Sheila Eyberg (on foreign sources)]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2017. Vol. 6, no. 2, pp. 7—14. DOI:10.17759/jmfp.2017060201 (In Russ., Abstr. in Engl.).
2. Busygina N.P., Podushkina T.G., Stanilevskii V.V. Dokazatel'nyi podkhod v sotsial'noi sfere: osnovnye poniatia i printsipy, istoriia, perspektivy [Elektronnyi resurs] [Evidence-Based Approach in the Social Area: Basic Concepts and Guidelines, History, Prospects]. *Sotsial'nye nauki i detstvo = Social Sciences and Childhood*, 2020. Vol. 1, no 1, pp. 8—26. DOI:10.17759/ssc.2020010101 (In Russ., abstr. in Engl.).
3. Gerasimova A.S. Kniga zhizni: posobie [Elektronnyi resurs] [The Life's Book: handbook]. Bлаготvoritel'nyi fond «Deti nashi» [Charitable Foundation “Our Children”]. Tverskaya oblast': Publ. OOO «IPK Pareto-Print», 2016, p. 80. Available at: https://detinashi.ru/wp-content/material/kniga_gizni_2.pdf (Accessed 13.05.2021).
4. Gerasimova A.S. Rukovodstvo k rabote nad «Knigoi zhizni» [Elektronnyi resurs] [Guide to working on the “Life's Book”]. Bлаготvoritel'nyi fond «Deti nashi» [Charitable Foundation “Our Children”]. 2016, p. 24. Available at: <https://detinashi.ru/o-fonde-2/materials/> (Accessed 13.05.2021).

5. Lichnostnyi opyt vypusnikov detskikh domov v kontekste znachimyykh zhiznennykh sobytii: otchet po rezul'tatam issledovaniya [Elektronnyi resurs] [Personal experience of orphanage graduates in the context of significant life events: report on the results of the study]. Blagotvoritel'nyi fond «Deti nashi» [Charitable Foundation "Our Children"]. 2017, p. 47. Available at: https://detinashi.ru/wp-content/uploads/2018/04/2018_Opros_vy-pusnikov_E-tap2_final.pdf (Accessed 13.05.2021).
6. Lichnostnyi opyt vypusnikov detskikh domov v kontekste znachimyykh zhiznennykh sobytii: otchet po rezul'tatam issledovaniya [Elektronnyi resurs] [Personal experience of orphanage graduates in the context of significant life events: report on the results of the study]. Blagotvoritel'nyi fond «Deti nashi» [Charitable Foundation "Our Children"]. 2019, p. 56. Available at: <https://drive.google.com/file/d/1BE0x95Ejk8XB-2ZerQ8UeFJGGhLClAE/view> (Accessed 13.05.2021).
7. Omel'chenko A.S. Kriterii vybora sluchaya dlya raboty vosstanovleniyu otnoshenii vospitannikov uchrezhdenii dlya detei-sirot s krovnymi sem'yami i raspredelenie obyazannostei spetsialistov proekta [Criteria for selecting a case to work with orphanage pupils' relationships with their birth families and the distribution of responsibilities of project specialists]. Rabota s krovnnoi sem'ei vospitannikov uchrezhdenii dlya detei-sirot i profilaktika sotsial'nogo sirotstva [Working with the birth families of orphanage pupils and preventing social orphanhood]. Moscow, 2017, p. 25. Available at: https://detinashi.ru/wp-content/uploads/2017/09/Sirot2_site.pdf (Accessed 16.05.2021).
8. Omel'chenko A.S. Proekt «Ne razlei voda. Smolenskaya oblast'» blagotvoritel'nogo fonda «Deti nashi» i opisaniye praktiki raboty s krovnymi sem'yami vospitannikov uchrezhdenii dlya detei-sirot [Project "Do not split the water". Smolensk region" of the charitable foundation "Deti Nashi" and description of practices of work with blood families of pupils of institutions for orphans]. Rabota s krovnnoi sem'ei vospitannikov uchrezhdenii dlya detei-sirot i profilaktika sotsial'nogo sirotstva [Work with blood families of pupils of institutions for orphans and prevention of social orphanhood]. Moscow, 2017, p. 11. Available at: https://detinashi.ru/wp-content/uploads/2017/09/Sirot2_site.pdf (Accessed 16.05.2021).
9. Omel'chenko A.S., Isachenko P.V., Kiprich A.L., Sorokina U.V., Yakusevich K.A. Tekhnologiya raboty s krovnymi sem'yami vospitannikov uchrezhdenii dlya detei-sirot [Technology of work with blood families of pupils of institutions for orphans]. Rabota s krovnnoi sem'ei vospitannikov uchrezhdenii dlya detei-sirot i profilaktika sotsial'nogo sirotstva. Opyt Smolenskoj oblasti [Work with blood families of pupils of institutions for orphans and prevention of social orphanhood. Experience of the Smolensk region]. Moscow, 2018, p. 11. Available at: https://detinashi.ru/wp-content/uploads/2017/04/Sirot4_block.pdf (Accessed 16.05.2021).
10. Omel'chenko A.S., Yaznevich E., Podushkina T.G. Otnoshenie k krovnnoi sem'ei u detei, vospityvayushchikhsya v internatnykh uchrezhdeniyakh [Elektronnyi resurs] [Attitude to the blood family among children brought up in residential institutions]. Blagotvoritel'nyi fond «Deti nashi» [Charitable Foundation "Our Children"]. 2016, p. 47. Available at: https://detinashi.ru/wp-content/material/krovnaya_semya_2017.pdf (Accessed 13.05.2021).
11. Opisaniye praktiki «Ne razlei voda» BF «Deti nashi» [Elektronnyi resurs] [Description of the "Do not split the water" practice of the Charitable Foundation "Our Children"]. Blagotvoritel'nyi Fond Eleny i Gennadiya Timchenko [Elena & Gennady Timchenko Foundation]. 2019, p. 13. Available at: https://deti.timchenkofoundation.org/wp-content/uploads/2019/11/Deti_nashi_opisaniye.pdf (Accessed 16.05.2021).
12. Polozheniye o deyatel'nosti Mezhotraslevogo professional'nogo ob'edineniya «Otsenka programm v sfere detstva» [Elektronnyi resurs] [Regulation on the activities of the Interindustry Professional Association "Evaluation of programs in the field of childhood"]. Ob Otsenke [About Evaluation]. 2015, p. 4. Available at: <http://ozenka.info/partners/> (Accessed 13.05.2021).
13. Profilaktika sotsial'nogo sirotstva. Opyt blagotvoritel'nogo fonda «Deti nashi» i drugikh organizatsii [Preventing Social Orphanhood. Experience of the "Our Children" Charitable Foundation and other organizations]. Edited by A.S. Omel'chenko. Moscow, BF «Deti nashi» [Charitable Foundation "Our Children"], 2019, p. 194.
14. Rabota s krovnnoi sem'ei vospitannikov uchrezhdenii dlya detei-sirot i profilaktika sotsial'nogo sirotstva. Opyt Smolenskoj i Vologodskoj oblasti: sbornik statei [Work with the blood family of children raised in

institutions for orphans and the prevention of social orphanhood. Experience of Smolensk and Vologda regions: collection of articles]. Ed. by A.S. Omel'chenko. Moscow, Smolensk: BF «Deti nashi» [Charitable Foundation “Our Children”], 2017, p. 268.

15. Rasskazova A.L. Psikhicheskoe razvitiye rebenka v kontekste teorii privyazannosti [Mental development of the child in the context of attachment theory]. *Sovremennyye tendentsii razvitiya sistemy obrazovaniya: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Cheboksary, 25 apr. 2019 g.)* [Modern trends in the development of the education system: proceedings of the International Scientific-Practical Conference. (Cheboksary, 25 Apr. 2019)] Cheboksary: Publ. «Sreda», 2019, pp. 355—358.

16. Standart dokazatel'nosti social'nykh praktik v sfere detstva [Elektronnyi resurs] [Standards of Evidence for Psychosocial Practices for Children]. Ob ocenke prosto: podgotovleno ANO «Evoljuciya i Filantropiya» [On Assessment Simply, prepared by NPO “Evolution and Philanthropy”], august, 2018. Available at: https://ep.org.ru/wp-content/uploads/2019/11/sbornik_small_13_11-1.pdf (Accessed 02.05.2021).

17. Ebrahim A. Measuring Social Change: Performance and Accountability in a Complex World. Stanford University Press, 2019. 311 p.

18. Ebrahim A., Rangan V.K. What Impact: A Framework for Measuring the Scale and Scope of Social Performance. *California Management Review*, 2014. Vol. 56(3), pp. 118—141.

19. Evidence-Based Practice in Psychology. *American Psychologist*, 2006. Vol. 61(4), pp. 271—285.

20. Gambrill E.D. Evidence-Based Practice: An Alternative to Authority-Based Practice. *Families in Society: The Journal of Contemporary Human Services*, 2018. Vol. 99(3), pp. 283—294. DOI:10.1177/1044389418786699

Информация об авторах

Бусыгина Наталья Петровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры индивидуальной и групповой психотерапии факультета консультативной и клинической психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2344-9543>, e-mail: boussyguina@yandex.ru

Подушкина Татьяна Геннадьевна, психолог, руководитель сектора «Центр доказательного социального проектирования», ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5966-8342>, e-mail: poduschkina@mail.ru

Зевина Диана Аркадьевна, эксперт социальной практики «Не разлей вода», Благотворительный фонд «Дети наши» (БФ «Дети наши»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9311-6648>, e-mail: dianazevina@yandex.ru

Information about the authors

Natalia P. Busygina, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Counselling and Clinical Psychology, Chair of Individual and Group Psychotherapy, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2344-9543>, e-mail: boussyguina@yandex.ru

Tatyana G. Podushkina, Psychologist, Head of the Sector «Center for Evidence-Based Social Design», Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5966-8342>, e-mail: poduschkina@mail.ru

Diana A. Zevina, senior advisor of the social practice “Do not spill the water”, Charity found «Our children», Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9311-6648>, e-mail: dianazevina@yandex.ru

Получена 25.06.2021

Принята в печать 15.07.2021

Received 25.06.2021

Accepted 15.07.2021

РЕБЕНОК И СЕМЬЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ
THE CHILD AND THE FAMILY IN THE CONTEXT OF A PANDEMIC

Негативное воздействие последствий коронавируса на благополучие детей и семей — клиентов органов защиты детей Финляндии

Куокканен Ю.

«Центральный союз защиты детей Финляндии» (ЦСЗД), г. Хельсинки, Финляндия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2982-2043>, e-mail: julia.kuokkanen@lskl.fi

Тиили А.

«Центральный союз защиты детей Финляндии» (ЦСЗД), г. Хельсинки, Финляндия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0164-2868>, e-mail: anna.tiili@lskl.fi

Паасивирта А.

«Центральный союз защиты детей Финляндии» (ЦСЗД), г. Хельсинки, Финляндия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3520-6231>, e-mail: annukka.paasivirta@lskl.fi

Весной 2020 года первая волна эпидемии коронавируса быстро распространилась по Финляндии, вызвав существенные негативные последствия для условий жизни людей. 16 марта 2020 года Правительство Финляндии объявило чрезвычайное положение и установило ряд ограничительных мер, которые действовали до 16 июля 2020 года [13; 16]. Коронавирус и его последствия ослабили устойчивость финской государственной системы всеобщего благополучия (welfare state) и тем самым поставили под сомнение способность данной структуры защитить тех, кто больше всего нуждается в ее поддержке. Последние национальные и международные исследования показали, что самые уязвимые группы населения больше всех подвержены негативным последствиям эпидемии [5; 9; 11; 14; 18]. Осенью 2020 года Центральный союз защиты детей Финляндии (ЦСЗД) и Национальный институт здравоохранения и социального обеспечения (THL) провели масштабный опрос среди руководителей органов защиты детей (15.08.—13.10.2020), целью которого было выяснить, как последствия коронавируса и правительственные ограничения повлияли на благополучие детей и их семей, являющихся клиентами органов защиты детей. В данной статье представлены основные результаты и выводы проведенного опроса.

Ключевые слова: коронавирус, благополучие, дети, семьи, защита детей.

Для цитаты: Куокканен Ю., Тиили А., Паасивирта А. Негативное воздействие последствий коронавируса на благополучие детей и семей — клиентов органов защиты детей Финляндии // Социальные науки и детство. 2021. Том 2. № 1. С. 37—46. DOI:<https://doi.org/10.17759/ssc.2021020103>

The negative impact of the effects of coronavirus on the well-being of children and families who are clients of child protection authorities in Finland

Julia Kuokkanen

Central Union for Child Welfare (CUCW), Helsinki, Finland

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2982-2043>, e-mail: julia.kuokkanen@lskl.fi

Anna Tiili

Central Union for Child Welfare (CUCW), Helsinki, Finland

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0164-2868>, e-mail: anna.tiili@lskl.fi

Annukka Paasivirta

Central Union for Child Welfare (CUCW), Helsinki, Finland

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3520-6231>, e-mail: annukka.paasivirta@lskl.fi

In the spring 2020, the first wave of the coronavirus pandemic quickly spread across Finland, having significant negative consequences for people's living conditions. On March 16, 2020, the Finnish government declared a state of emergency and imposed several restrictive measures that were in effect until July 16, 2020 [13; 16]. The coronavirus and its aftermath have weakened the resilience of the Finnish welfare state, thereby challenging the welfare state's ability to protect those most in need of its support. Recent studies have shown that the most vulnerable populations, such as children, are most affected by the negative effects of the pandemic in Finland and worldwide [5; 9; 11; 14; 18]. In autumn 2020, the Central Union for Child Welfare (CUCW) and the National Institute for Health and Welfare (THL) conducted a large-scale survey among the heads of child protection authorities (15.08.—13.10.2020), the aim of which was to find out how the consequences of the coronavirus and government restrictions have affected the well-being of children and their families who are clients of child protection authorities during the fall 2020. This article presents the main results and conclusions of the survey.

Keywords: coronavirus, well-being, children, families, child protection.

For citation: Kuokkanen J., Tiili A., Paasivirta A. The negative impact of the effects of coronavirus on the well-being of children and families who are clients of child protection authorities in Finland. *Social'ny'e nauki i detstvo = Social Sciences and Childhood*, 2021. Vol. 2, no. 1, pp. 37—46. DOI:<https://doi.org/10.17759/ssc.2021020103> (In Russ.).

Введение

Действующая система всеобщего благополучия и социального обеспечения в странах Скандинавии стала результатом длительного обсуждения морально-политической платформы в этих странах, основанной на идее равенства и вовлеченности человека в общество. Данная система строилась постепенно, благополучие детей и их семей всегда было приоритетом при принятии политических решений. Важное значение в развитии системы оказало влияние международных правовых договоров (например, Конвенция о правах ребенка, 1989), которые были внесены в Конституцию Финляндии [2; 3]. Успех социально-экономического роста скандинавских стран, который был отмечен во многих мировых исследованиях, в значительной степени объясняется высоким качеством развития социальных и межличностных отношений

в этих странах. Финское государство всеобщего благосостояния — это сложная система отношений, включающая такие понятия, как доверие и равенство, а именно — всеобщее доверие к человеческой личности и ее социальному взаимодействию с другими членами общества. Вышеупомянутое так называемое активное доверие развивает творческую активность личности и помогает ей быть активным членом данного общества в целом. Близкие и прозрачные отношения между отдельным гражданином и государством имеют решающее значение в становлении и формировании социально ориентированного общества [9; 12].

Согласно недавнему отчету ЮНИСЕФ — Детский фонд ООН [19; 20], Финляндия входит в число самых благополучных стран со здоровым образом жизни детей среди 41 стран-членов ЕС и ОЭСР. Инвестиции в детство составляют 3,2% ВВП (в среднем по Европе — 2,4%; 2015). Доля финансирования из госбюджета на эти цели в 2020 году составила 14% [10; 19]. На данный момент большинство детей Финляндии действительно достаточно благополучны. Однако сегрегация между благополучными и неблагополучными семьями продолжает расти.

В странах Северной Европы применяется принцип универсализма, который обеспечивает равенство всех граждан при обеспечении благополучия и защиты детей. Универсальный подход подчеркивает важность предоставления обширных базовых услуг для всех граждан [9]. Своевременность является важным индикатором эффективности предоставленных услуг. В спектр обширных базовых/универсальных услуг входит дневной уход, образование, хобби, здравоохранение, социальная поддержка, материальные субсидии и т.д. [1]. Таким образом, при принятии решений, касающихся детского и семейного благополучия, учитывается комплексный подход к потребностям детей и их семей. Функции семейных услуг поддержки и защиты детей относятся к компетенции коммун, а социальные работники оказывают помощь детям и родителям в проблемных ситуациях.

Северные страны придерживаются одинакового идеологического подхода к вопросам решения проблем семейного благополучия и защиты прав и интересов детей. Например, Норвегия и Финляндия относятся к группе стран, где применяются «системы семейных услуг поддержки», которые, в первую очередь, направлены на поддержку, реабилитацию и воссоединение семей и которые отличаются, например, от американской системы, в основном направленной на защиту детей [5; 6]. Помещение детей вне родной семьи является самой крайней мерой, а воссоединение семьи является приоритетом. В Финляндии не существует ювенальных судов/юстиции, поэтому большинство несовершеннолетних с криминальной деятельностью помещаются в учреждения защиты детей.

Когда система поддержки детей и их семей полностью не справляется с потребностями населения, происходит рост в потребности более специализированных/адресных услуг.

18 марта 2020 года все учебные заведения перешли на двухмесячное дистанционное обучение. Закрытие школ и детских садов весной 2020 года, а также безработица или ее угроза оказали значительное влияние на благополучие и жизненную ситуацию семей, которые являются клиентами органов защиты детей [4; 8; 9; 15]. Важно отметить, что уже весной 2020 года последствия коронавируса оказывали существенное негативное влияние на благополучие детей и молодых людей [7; 11]. В этот период количество уведомлений в социальные службы по поводу защиты детей частично сократилось [11]. В то же время наблюдался скачок в росте случаев домашнего насилия [11; 17]. В марте 2020 года доля случаев домашнего насилия увеличилась на 14% по сравнению с прошлым годом. Это нашло свое отражение в рапортах полиции [6]. В большинстве случаев уведомления поступают в органы опеки из учебных заведений и правоохранительных органов. Однако во время карантина информация

из учебных заведений была недоступна. Возникли опасения относительно того, отразится ли сокращение количества уведомлений на резком росте специализированных/адресных услуг по защите детей в будущем. По оценкам рабочей группы, назначенной в рамках разработки Национальной детской стратегии [6], в краткосрочной перспективе рост потребности в услугах защиты детей превысит объем предоставляемых услуг. Недостаточное наличие базовых услуг приведет к долгосрочному негативному воздействию на благополучие тех детей и молодых людей, которые уже сталкиваются с разными жизненными проблемами.

Результаты опроса

Осенью 2020 года Центральный союз защиты детей Финляндии (LSKL) и Национальный институт здравоохранения и социального обеспечения (THL) провели масштабный опрос (15.08.—13.10.2020), который был адресован руководителям служб амбулаторной поддержки, служб опеки и попечительства и служб последующего ухода. Электронный опрос состоял из 27 вопросов и касался коронавируса и его последствий для жизни семей и детей, являющихся клиентами органов защиты детей. На опрос ответили руководители органов защиты детей из 41 муниципалитета и муниципальных консорциумов. Полученные данные были проанализированы методом описательной статистики (descriptive statistics).

Согласно опросу, 71% респондентов считают, что осенью 2020 года в результате последствий коронакризиса увеличились трудности во взаимодействии между членами семьи. Респонденты отметили, что значительное количество семей испытали финансовые трудности. Последствия коронакризиса также создали дополнительные сложности в воспитании детей и усилили проявления проблемного поведения среди детей школьного возраста. Более того, последствия коронавируса отразились на росте семейного насилия среди взрослых членов семьи и вызвали усугубление разногласий при бракоразводных процессах. Респонденты также отметили ухудшение состояния психического здоровья у родителей и детей. Заметно увеличились проблемы, связанные с употреблением алкоголя и других веществ родителями и подростками. Насилие в отношении детей также стало более выраженным во время коронакризиса (рис. 1).

Жизненная ситуация семей во многом зависит от того, насколько эффективно работают остальные службы здравоохранения и социальной защиты. Как правило, данные семьи нуждаются в дополнительной комплексной поддержке, поэтому, несмотря на правительственные ограничения, система социальной поддержки должна непрерывно выполнять свои функции [13; 15].

Во время кризиса необходимо искать новые способы оказания помощи, поэтому потребность в сотрудничестве между производителями различных услуг становится более очевидной. В рамках опроса респонденты оценили степень доступности других социально-медицинских услуг, необходимых для поддержки семьи. Результаты опроса показали, что осенью 2020 года услуги в сфере детской и подростковой психиатрии оказались особенно труднодоступными для семей (рис. 2).

В соответствии с законодательством Финляндии специалисты и представители органов власти обязаны сделать уведомление о защите детей, если ребенок нуждается в услугах органов опеки [20]. По мнению респондентов, осенью 2020 года наблюдался прирост количества уведомлений о защите детей. Как видно из рис. 3, доля вызовов на основании составленных полицейских протоколов составляет 32%. Второе место по количеству направленных уведомлений заняли учебные заведения (27%). Кроме того, значительно увеличилось количество уведомлений от частных лиц (20%), государственных районных женских и детских поликлиник (17%) и медицинских учреждений (15%).



Рис. 1. Воздействие последствий коронавируса на благополучие детей и семей, которые являются клиентами органов защиты детей (осень 2020 года)



Рис. 2. Степень доступности других социально-медицинских услуг, необходимых для поддержки семьи (осень 2020 года)

По данным опроса, потребность в помещении ребенка вне семьи, установлении замещающей опеки или немедленном изъятии из семьи осенью 2020 года увеличилась. Опрос показал, что наибольшая часть респондентов считает, что ситуация не изменилась (54%). С другой стороны, почти 40% респондентов считают, что потребность, наоборот, выросла, что является довольно значительным показателем роста проблем (рис. 4).

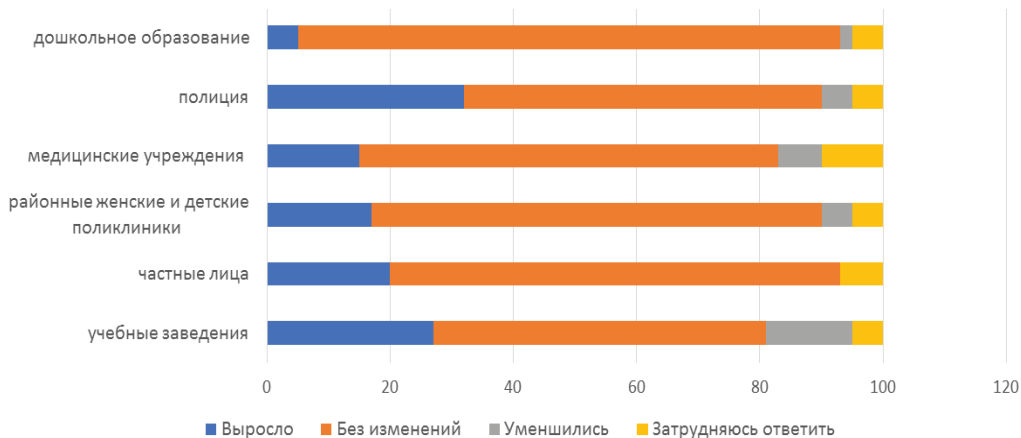


Рис. 3. Изменения в количестве уведомлений о защите детей осенью 2020 года

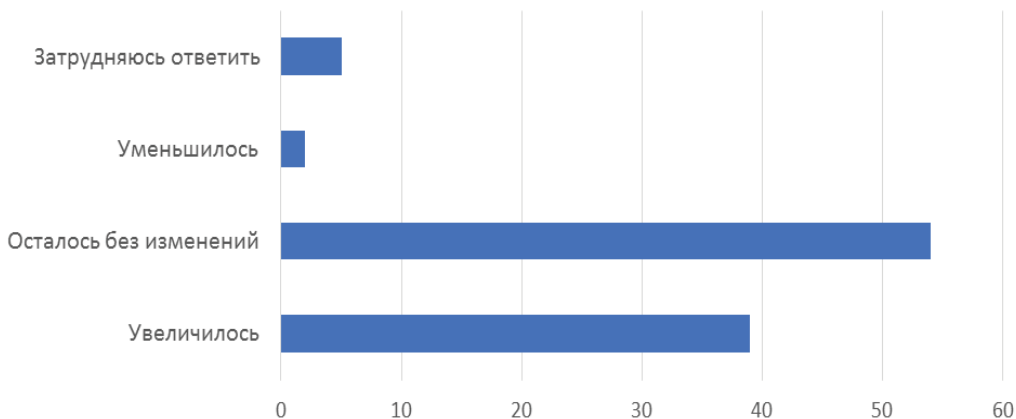


Рис. 4. Потребность в помещении ребенка вне семьи, установлении опеки или немедленном изъятии из семьи

На данный момент сложно точно определить степень влияния коронакризиса на заменяющее попечение. Однако 66% респондентов считают, что в долгосрочной перспективе коронакризис отразится на росте количества помещений детей в замещающее попечение.

Следует отметить, что все респонденты были едины в своих предположениях о долгосрочном негативном воздействии последствий коронавируса на благополучие детей и их семей. Более 80% респондентов считают, что данные последствия будут способствовать росту клиентов органов защиты детей, и 66% респондентов считают, что ситуация отразится в некоторой степени на росте потребности помещения ребенка вне семьи.

Выводы

По сравнению с 2019 годом социальное положение семей осенью 2020 года ухудшилось. Многие семьи не получили полного пакета услуг поддержки, что привело к ухуд-

шению качества их жизни. Весной 2020 года количество уведомлений о защите прав и интересов детей заметно снизилось, однако уже осенью количество уведомлений начало стремительно расти. Особенно выросло число уведомлений, сделанных полицией [11; 15].

Исходя из результатов опроса и последних исследований, очевидно, что последствия коронавируса поставили под угрозу эффективное использование государством механизма по защите прав ребенка в части обеспечения его социального роста и внутреннего развития, а также поддержания необходимого уровня его жизненного благополучия. Коронакризис и его последствия повлияли на благополучие детей и их семей, а некоторые эффекты пандемии проявятся только в будущем.

Во время кризиса важно уделить особое внимание тенденциям резкого обострения внутрисемейных проблем и роста труднодоступности услуг поддержки, в частности, услуг в области психического здоровья для детей и молодежи. В целом также ухудшилось финансовое положение семей. Чтобы уменьшить растущую сегрегацию и сохранить вовлеченность в общество, необходимо обеспечить своевременную финансовую поддержку семей с детьми.

Необходимы действия для повышения устойчивости системы перед возможными будущими кризисами. Во время коронакризиса приоритетные направления и функции существующей системы стали более понятными. Выявлены острая необходимость обеспечения гибкости в деятельности всей системы обслуживания и значимость межсекторного взаимодействия. В свою очередь, услуги поддержки должны функционировать, исходя из потребностей клиентов. Недостаток информации и исследований, а также проблемы со сбором статистических данных о воздействии кризиса на благополучие детей и семей стали наиболее актуальной проблемой. На национальном уровне необходимо больше информации об эффективности услуг.

В данный момент мы имеем возможность оценить влияние последствий коронавируса на благополучие детей и их семей только в краткосрочной перспективе. Однако все респонденты опроса были крайне озабочены долгосрочным воздействием последствий коронавируса на благополучие детей и их семей. Сбои в существующих структурах поддержки детей и их семей приводят к росту потребности в более специализированных/ адресных услугах. По прогнозам респондентов опроса, в будущем потребность в услугах органов защиты детей будет продолжать расти.

Литература

1. Закон о защите детей от 13.04.2007 № 417 (417/2007) с изменениями и дополнениями, вступившими в силу 01.01.2014 (976/2013) и 01.08.2014 (1292/2013) [Электронный ресурс] // Министерство социального обеспечения и здравоохранения. URL: https://www.finlex.fi/fi/laki/kaannokset/2007/ru20070417_20131292.pdf (дата обращения: 20.01.2021).
2. Конвенция о правах ребенка. Комментарий к статье 31 [Электронный ресурс] // Электронный сборник статей портала психологических изданий PsyJournals.ru. 2013-1. Том 4. № 2013-1. URL: https://psyjournals.ru/pj/2013_1/58133.shtml (дата обращения: 08.10.2020).
3. Конвенция ООН о правах ребенка 1989 г. // Основные международные договоры по правам человека. Нью-Йорк и Женева: Организация Объединенных Наций, 2014. С. 131—161.
4. *Крюкова Т.Л., Екимчик О.А., Опекина Т.П., Шипова Н.С.* Стресс и совладание в семье в период самоизоляции во время пандемии COVID-19 // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 4. С. 120—134. DOI:10.17759/sps.2020110409 (дата обращения: 18.04.2021).
5. *Berrick J., Dickens J., Pösö T., Skivenes M.* Parents involvement in care order decisions: a cross-country study of front-line practice // *Child and Family Social Work*. 2016. P. 626—637.

6. Burns K., Skivenes M., Pösö Tarja. Child Welfare Removals by the State: A Cross-Country Analysis of Decision-Making Systems. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 252.
7. Eronen A., Hiilamo H., Ilmarinen K., Jokela M., Karjalainen P., Karvonen S., Kivipelto M., Koponen E., Leemann L., Londén P., Saikku P. Sosiaalibarometri 2020 [Электронный ресурс] // Suomen sosiaali ja terveys ry. Helsinki, 2020. 132 p. URL: <https://www.soste.fi/wp-content/uploads/2020/07/SOSTE-Sosiaalibarometri-2020.pdf> (дата обращения: 08.03.2021).
8. Heino T., Weckroth N., Ranta H. Koronan vaikutukset lastensuojelun 24/7-yksiköiden toimintaan: palveluntuottajien ja toimintayksiköiden näkökulma [Электронный ресурс] // Julkari Terveyden ja hyvinvoinnin laitos THL. 2020. № 32. URL: https://www.julkari.fi/bitstream/handle/10024/140689/URN_ISBN_978-952-343-585-8.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 18.03.2021).
9. Hietanen-Peltola M., Vaara S., Hakulinen T., Hastrup A. Lasten, nuorten ja perheiden peruspalvelut koronakeväänä blerhekeskusverkoston tiedonkeruista: Tuloksia kouluterveydenhuollon verkoston ja perhekeskusverkoston tiedonkeruista [Электронный ресурс] // Julkari Terveyden ja hyvinvoinnin laitos THL. 2020. № 26. URL: <https://www.julkari.fi/handle/10024/140127> (дата обращения: 18.03.2021).
10. Hänninen M., Lehtelä K-M., Saikkonen P. The relational Nordic welfare state. Between Utopia and ideology. Cheltenham, UK.: Edward Elgar Publishing Ltd, 2019. 288 p. DOI:10.4337/9781788974653
11. Haapakangas K. Parisuhdeväkivallasta tehdyt ilmoitukset lisääntyivät kevään aikana [Электронный ресурс] // Tilastokeskus. 2020. URL: <https://www.stat.fi/tietotrendit/artikkelit/2020/parisuhdevakivallasta-tehdyt-ilmoitukset-lisaantyivat-kevaan-aikana/> (дата обращения: 15.03.2021).
12. Jokiranta V., Peltonen M., Rissanen A., Rosenqvist S., Voltti S., Käsmä L., Luoma J., Falk S., Kuokkanen J. Child-focused budgeting. Publications of the Government’s analysis, assessment and research activities. Prime Minister’s Office [Электронный ресурс] // Julkari Terveyden ja hyvinvoinnin laitos THL. 2020. № 23. URL: https://julkaisut.valtioneuvosto.fi/bitstream/handle/10024/162217/VNTEAS_2020_23.pdf (дата обращения: 15.03.2021).
13. Lasten ja nuorten hyvinvointi koronakriisin jälkihoidossa: lapsistrategian koronatyöryhmän raportti lapsen oikeuksien toteutumisesta [Электронный ресурс] // Valtioneuvosto Statsrådet, 2020. № 21. URL: <https://julkaisut.valtioneuvosto.fi/handle/10024/162318> (дата обращения: 13.04.2021).
14. Pelastakaa Lapset. Stressi, huoli ja yksinäisyys — koronapandemian vaikutukset lasten ja nuorten elämää: Lapsen ääni. 2020. 19 p. URL: https://s3-eu-west-1.amazonaws.com/pelastakaalapsset/main/2020/10/21163820/Lapsen-Aani-2020_garortti_F11.pdf (дата обращения: 18.03.2021).
15. Petrelius P., Eriksson P. Uudistuva lastensuojelu — kohti asiakkaiden ja ammattilaisten yhteistoimintaa [Электронный ресурс] // Julkari Terveyden ja hyvinvoinnin laitos THL. 2018. № 32. URL: https://www.julkari.fi/bitstream/handle/10024/137112/URN_ISBN_978-952-343-208-6.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 22.03.2021).
16. Rissanen P., Parhiala K., Kestilä L., Härmä V., Honkatukia J., Jormanainen V. COVID-19-epidemian vaikutukset väestön palvelutarpeisiin ja palvelujärjestelmään: nopea vaikutusarvio [Электронный ресурс] // Julkari Terveyden ja hyvinvoinnin laitos THL. 2020. № 8. URL: <https://www.julkari.fi/handle/10024/139694> (дата обращения: 22.03.2021).
17. Tiili A., Paasivirta A., Kuokkanen J., Eriksson P., Nelimarkka S. Koronan vaikutukset lastensuojeluun [Электронный ресурс] // Julkari Terveyden ja hyvinvoinnin laitos THL. 2020. № 34. 11 p. URL: <https://www.julkari.fi/handle/10024/140789> (дата обращения: 15.03.2021).
18. Wennberg M., Luukkonen T., Haila K. Selvitys: Sosiaalihuollon ja lastensuojelun kantokyky koronakriisin aikana — haastavat tekijät ja uudet ratkaisukeinot kriisistä selviämiseksi [Электронный ресурс] // Itlan raportit ja selvitykset. 2020. № 1. URL: <https://itla.fi/selvitys-sosiaalihuollon-ja-lastensuojelun-kantokyky-koronakriisin-aikana-haastavat-tekijat-ja-uu-det-ratkaisukeinot-kriisista-selviamiseksi/> (дата обращения: 20.03.2021).
19. Worlds of Influence Understanding What Shapes Child Well-being in Rich Countries [Электронный ресурс] // Innocenti Report Card 16. 2020. URL: <https://www.unicef-irc.org/publications/pdf/Report-Card-16-Worlds-of-Influence-child-wellbeing.pdf> (дата обращения: 20.03.2021).
20. UNICEF Global COVID-19 focus: education/ early childhood development [Электронный ресурс] // UNICEF GLOBAL COVID-19 Situation Report. UNICEF for every child. 2020. № 15. URL: <https://www.unicef.org/media/89506/file/GlobalCOVID-19SitRepNo.15-Nov2020.pdf> (дата обращения: 20.03.2021).

References

1. Zakon o zashchite detei ot 13.04.2007 № 417 (417/2007) s izmeneniyami i dopolneniyami, vstupivshimi v silu 01.01.2014 (976/2013) i 01.08.2014 (1292/2013) [Elektronnyi resurs] [The Law on the Protection of Children 13.4.2007/417 (417/2007); with amendments and additions that entered into force on 01.01.2014 (976/2013) and entered into force on 01.08.2014 (1292/2013)]. Ministry of Social Security and Health. URL: https://www.finlex.fi/fi/laki/kaannokset/2007/ru20070417_20131292.pdf (Accessed 20.01.2021).
2. Konventsiya o pravakh rebenka. Kommentarii k stat'e 31 [Elektronnyi resurs] [Convention on the Rights of the Child. Commentary on Article 31]. Elektronnyi sbornik statei portala psikhologicheskikh izdaniy PsyJournals.ru [Russian Psychology Review], 2013-1. Vol. 4, no. 2013-1. Available at: https://psyjournals.ru/pj/2013_1/58133.shtml (Accessed 08.10.2020).
3. Konventsiya OON o pravakh rebenka 1989 g. [Convention of the Rights of the Child, 1989]. Osnovnye mezhdunarodnye dogovory po pravam cheloveka. N'yu-Iork i Zheneva: Organizatsiya Ob'edinennykh Natsii [Major of International Human Rights Treaties. New York and Geneva. United Nations]. 2014, pp. 131—161.
4. Kryukova T.L., Ekimchik O.A., Opekina T.P., Shipova N.S. Stress and Coping in a Self-Isolated Family during COVID-19 Pandemic. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 4, pp. 120—134. DOI:10.17759/sps.2020110409 (In Russ.).
5. Berrick J., Dickens J., Pösö T., Skivenes M. Parents involvement in care order decisions: a cross-country study of front-line practice. *Child and Family Social Work*, 2016, pp. 626—637.
6. Burns K., Skivenes M., Pösö Tarja. Child Welfare Removals by the State: A Cross-Country Analysis of Decision-Making Systems. Oxford: Oxford University Press, 2016. 252 p.
7. Eronen A., Hiilamo H., Ilmarinen K., Jokela M., Karjalainen P., Karvonen S., Kivipelto M., Koponen E., Leemann L., Londén P., Saikku P. Sosiaali barometri 2020 [Social barometer 2020] [Electronic resource]. *Suomen sosiaali ja terveys ry*. Helsinki, 2020. 132 p. URL: <https://www.soste.fi/wp-content/uploads/2020/07/SOSTE-Sosiaalibarometri-2020.pdf> (Accessed 08.03.2021).
8. Heino T., Weckroth N., Ranta H. Koronan vaikutukset lastensuojelun 24/7-yksiköiden toimintaan: palveluntuottajien ja toimintayksiköiden näkökulma [Electronic resource]. [Corona's impact on the activities of 24/7 Child Protection Units: the perspective of service providers and operating units]. *Julkari Terveiden ja hyvinvoinnin laitos THL*, 2020, no. 32. URL: https://www.julkari.fi/bitstream/handle/10024/140689/URN_ISBN_978-952-343-585-8.pdf?sequence=1&isAllowed=y (Accessed 18.03.2021).
9. Hietanen-Peltola M., Vaara S., Hakulinen T., Hastrup A. Lasten, nuorten ja perheiden peruspalvelut koronakeväänä blerhekeskusverkoston tiedonkeruista: Tuloksia kouluterveydenhuollon verkoston ja perhekeskusverkoston tiedonkeruista [Electronic resource]. [Basic services for children, young people and families as a spring from the data collections of the blerheet Centre Network: results from the data collections of the school health care network and the Family Centre Network]. *Julkari Terveiden ja hyvinvoinnin laitos THL*, 2020, no. 26. URL: <https://www.julkari.fi/handle/10024/140127> (Accessed 18.03.2021).
10. Hänninen M., Lehtelä K-M., Saikkonen P. The relational Nordic welfare state. Between Utopia and ideology. Cheltenham, UK.: Edward Elgar Publishing Ltd, 2019. 288 p. DOI:10.4337/9781788974653
11. Haapakangas K. Parisuhdeväkivallasta tehdyt ilmoitukset lisääntyivät kevään aikana [Electronic resource]. *Tilastokeskus*, 2020. URL: <https://www.stat.fi/tietotrendit/artikkelit/2020/parisuhdevakivallasta-tehdyt-ilmoitukset-lisaantyivat-kevaan-aikana/> (Accessed 15.03.2021).
12. Jokiranta V., Peltonen M., Rissanen A., Rosenqvist S., Voltti S., Käsmä L., Luoma J., Falk S., Kuokkanen J. Child-focused budgeting. Publications of the Government's analysis, assessment and research activities. Prime Minister's Office [Electronic resource]. *Julkari Terveiden ja hyvinvoinnin laitos THL*, 2020, no. 23. URL: https://julkaisut.valtioneuvosto.fi/bitstream/handle/10024/162217/VNTEAS_2020_23.pdf (Accessed 15.03.2021).
13. Lasten ja nuorten hyvinvointi koronakriisin jälkihoidossa: lapsistrategian koronatyöryhmän raportti lapsen oikeuksien toteutumisesta [Electronic resource]. [Children and young people's well-being in the aftermath of the corona Crisis: report of the corona working group on child strategy on the realisation of the rights of the child]. *Valtioneuvosto Statsrådet*, 2020, no. 21. URL: <https://julkaisut.valtioneuvosto.fi/handle/10024/162318> (Accessed 13.04.2021).

14. Pelastakaa Lapset. Stressi, huoli ja yksinäisyys — koronapandemian vaikutukset lasten ja nuorten elämään: Lapsen ääni [Stress, worry and loneliness — the effects of the corona pandemic on the lives of children and young people: The Voice of a child]. 2020. 19 p. URL: https://s3-eu-west-1.amazonaws.com/pelastakaaalapset/main/2020/10/21163820/Lapsen-Aani-2020_raportti1_FI1.pdf (Accessed 18.03.2021).
15. Petrelius P., Eriksson P. Uudistuva lastensuojelu — kohti asiakkaiden ja ammattilaisten yhteistoimintaa [Electronic resource]. [Renewing child protection-towards cooperation between customers and professionals]. *Julkari Terveiden ja hyvinvoinnin laitos THL*, 2018, no. 32. URL: https://www.julkari.fi/bitstream/handle/10024/137112/URN_ISBN_978-952-343-208-6.pdf?sequence=1&isAllowed=y (Accessed 22.03.2021).
16. Rissanen P., Parhiala K., Kestilä L., Härmä V., Honkatukia J., Jormanainen V. COVID-19-epidemian vaikutukset väestön palvelutarpeisiin ja palvelujärjestelmään: nopea vaikutusarvio [Electronic resource]. [Effects of the COVID-19 outbreak on population needs and service system: rapid impact assessment]. *Julkari Terveiden ja hyvinvoinnin laitos THL*, 2020, no. 8. URL: <https://www.julkari.fi/handle/10024/139694> (Accessed 22.03.2021).
17. Tiili A., Paasivirta A., Kuokkanen J., Eriksson P., Nelimarkka S. Koronan vaikutukset lastensuojeluun [Electronic resource]. [Effects of Corona on child protection]. *Julkari Terveiden ja hyvinvoinnin laitos THL*, 2020, no. 34. 11 p. URL: <https://www.julkari.fi/handle/10024/140789> (Accessed 15.03.2021).
18. Wennberg M., Luukkonen T., Haila K. Selvitys: Sosiaalihuollon ja lastensuojelun kantokyky koronakriisin aikana — haastavat tekijät ja uudet ratkaisukeinot kriisistä selviämiseksi [Electronic resource]. [The carrying capacity of social care and child protection during the corona crisis-challenging factors and new solutions to overcome the crisis]. *Itlan raportit ja selvitykset*, 2020, no. 1. URL: <https://itla.fi/selvitys-sosiaalihuollon-ja-lastensuojelun-kantokyky-koronakriisin-aikana-haastavat-tekijat-ja-uudet-ratkaisukeinot-kriisista-selviamiseksi/> (Accessed 20.03.2021).
19. Worlds of Influence Understanding What Shapes Child Well-being in Rich Countries. Innocenti Report Card 16. 2020. URL: <https://www.unicef-irc.org/publications/pdf/Report-Card-16-Worlds-of-Influence-child-wellbeing.pdf> (Accessed 20.03.2021).
20. UNICEF Global COVID-19 focus: education/ early childhood development [Electronic resource]. UNICEF GLOBAL COVID-19 Situation Report. UNICEF for every child, 2020, no. 15. URL: <https://www.unicef.org/media/89506/file/GlobalCOVID-19SitRepNo.15-Nov2020.pdf> (Accessed 20.03.2021).

Информация об авторах

Куокканен Юлия Сергеевна, магистр политических наук, старший эксперт, Центральный союз защиты детей Финляндии, г. Хельсинки, Финляндия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2982-2043>, e-mail: julia.kuokkanen@lskl.fi

Тишли Анна, магистр социальных наук, старший эксперт, Центральный союз защиты детей Финляндии, г. Хельсинки, Финляндия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0164-2868>, e-mail: anna.tiili@lskl.fi

Паасивирта Аннука, Лицензиат социальных наук, старший эксперт, Центральный союз защиты детей Финляндии, г. Хельсинки, Финляндия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3520-6231>, e-mail: annukka.paasivirta@lskl.fi

Information about the authors

Julia Kuokkanen, Master of Political Sciences (University of Helsinki), senior advisor, Central Union for Child welfare, Helsinki, Finland, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2982-2043>, e-mail: julia.kuokkanen@lskl.fi

Anna Tiili, Master of Social Sciences (MSc), (Tampere University), senior advisor, Central Union for Child welfare, Helsinki, Finland, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0164-2868>, e-mail: anna.tiili@lskl.fi

Annukka Paasivirta, Licentiate of Social Sciences (Lic.Sc), (University of Turku), senior advisor, Central Union for Child welfare, Helsinki, Finland, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3520-6231>, e-mail: annukka.paasivirta@lskl.fi

Получена 25.06.2021

Received 25.06.2021

Принята в печать 15.07.2021

Accepted 15.07.2021

Пандемия коронавируса (COVID-19): отложенные последствия для системы профилактики социального сиротства

Семья Г.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9583-8698>, e-mail: gvsemia@yandex.ru

Гарифулина Э.Ш.

Благотворительный фонд Елены и Геннадия Тимченко,
ФГБОУ ВО «Московский государственный
психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4306-3899>, e-mail: egarifulina@timchenkofoundation.org

Фреик Н.В.

Независимый исследователь, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4635-5131>, e-mail: nfreik@gmail.com

В статье представлен экспертный анализ влияния ограничений, введенных для предотвращения распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) в России, на положение семей с детьми и детей, а также отложенных последствий для системы социального сиротства в России. В основу экспертной оценки положены результаты социологических опросов представителей сферы защиты детства, их мнение о влиянии пандемии на благополучие семей с детьми и детей в 9 регионах, анализ отдельных организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Соотносятся данные о различии оценки ситуации специалистами и представителями некоммерческого сектора. Сделаны выводы об усилении «медицинского подхода» в оценке благополучия ребенка в ущерб социальным и личностным потребностям, отсутствию гибкости в организации работы субъектов системы профилактики сиротства в период ограничительных мер, а также об объективных ограничениях дистанционного формата оказания социальных услуг и недоступности таких услуг для отдельных категорий семей. Исследования выполнены по заказу Благотворительного фонда Елены и Геннадия Тимченко.

Ключевые слова: пандемия коронавируса, профилактика социального сиротства, благополучие семей, благополучие детей, уязвимые группы.

Для цитаты: Семья Г.В., Гарифулина Э.Ш., Фреик Н.В. Пандемия коронавируса (COVID-19): отложенные последствия для системы профилактики социального сиротства // Социальные науки и детство. 2021. Том 2. № 1. С. 47—59. DOI:<https://doi.org/10.17759/ssc.2021020104>

Coronavirus pandemic (COVID-19): delayed consequences for the prevention of social orphanhood

Galina V. Semya

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9583-8698>, e-mail: gvsemia@yandex.ru

Elvira Sh. Garifulina

Elena & Gennady Timchenko Foundation, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4306-3899>, e-mail: egarifulina@timchenkofoundation.org

Nataliya V. Freik

An independent researcher, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4635-5131>, e-mail: nfreik@gmail.com

The article presents an expert analysis of the impact of the restrictions imposed to prevent the spread of a new coronavirus infection (COVID-19) in Russia on the situation of families with children and the children, as well as the delayed consequences for the social orphanhood system in Russia. The expert assessment is based on the results of sociological surveys of the child protection representatives, their opinion on the impact of the pandemic on the well-being of families with children and children in 9 regions, the analysis of individual organizations for orphans and children left without parental care. The data on the difference in the assessment of the situation of specialists and representatives of the non-profit sector are correlated. Conclusions are drawn about the strengthening of the “medical approach” in assessing the well-being of a child against social and personal needs, the lack of flexibility in organizing the work of the subjects of the orphanhood prevention system during restrictive measures, as well as objective limitations of the remote form of providing social services and the unavailability of such services for certain family categories. The research was commissioned by the Elena and Gennady Timchenko Charitable Foundation.

Keywords: coronavirus pandemic, prevention of child abandonment, family well-being, child well-being, vulnerable groups.

For citation: Semya G.V., Garifulina E.Sh., Freik N.V. Coronavirus pandemic (COVID-19): delayed consequences for the prevention of social orphanhood. *Social`ny`e nauki i detstvo = Social Sciences and Childhood*, 2021. Vol. 2, no. 1, pp. 47—59. DOI:<https://doi.org/10.17759/ssc.2021020104> (In Russ.).

Введение

Начиная с 2020 года после объявления пандемии COVID-19 все человечество начало жить в другом мире, в ситуации неопределенности [16]. Введенные для предотвращения ее распространения ограничительные меры оказали значительное влияние на экономическую и социальную жизнь, на здоровье людей [1; 6; 8; 18; 19; 21], изменили их ценности и поведение [11]. Введение режима самоизоляции повлияло и на взаимоотношения в семье, детско-родительские отношения при ежедневном совместном проживании, совмещении работы, учебы, отдыха в одном замкнутом пространстве [3]. Пандемия нанесла ощутимый и исчислимый урон мировой экономике, однако масштабы социального ущерба, прежде всего, благополучию детей в долгосрочной перспективе требуют отдельной оценки. Уже

начали извлекаться первые уроки из полученного опыта в сфере защиты прав детей во время пандемии и после нее [19].

В мае 2020 г. ЮНИСЕФ обратила внимание на потенциальные риски роста социальных издержек, прежде всего, за счет наиболее маргинализированных детей [4], а также на опасность превращения кризиса в области здравоохранения в кризис в сфере прав ребенка. Для снижения влияния мер по противодействию распространению коронавирусной инфекции (COVID-19) ЮНИСЕФ призывала национальные правительства обратить внимание на удовлетворение потребностей детей в медицинских услугах и питании, питьевой воде, надлежащих санитарно-гигиенических условиях, а также на покрытие нужд семей для ухода за детьми и обеспечение условий для продолжения учебы детей. По данным Детского фонда ООН, в мае 2020 г. общенациональное закрытие школ привело к срыву обучения более 1,57 млрд учащихся — 91% во всем мире.

В ноябре 2020 г. в докладе ЮНИСЕФ сделана попытка всесторонне оценить негативные последствия для детей по мере затягивания пандемии и сделано предупреждение о росте последствий по мере приближения второго года пандемии COVID-19 [17]. В качестве ключевых угроз для благополучия целого поколения детей и молодежи эксперты ЮНИСЕФ назвали перебои в предоставлении критически важных медицинских и социальных услуг, резкий рост показателей нищеты, снижение или отсутствие доступа к образованию.

Данные обследований ЮНИСЕФ в 140 странах показали, что примерно в 1/3 исследованных стран на 10% сократились плановая вакцинация, амбулаторное лечение инфекционных болезней детского возраста и услуги по охране здоровья матерей. В 135 странах охват услугами по обеспечению питания для женщин и детей сократился на 40%, а 265 млн детей не получали школьного питания. В 65 странах произошло сокращение числа посещений на дому подопечных социальными работниками по сравнению с тем же периодом 2019 г. На ноябрь 2020 г. общенациональное закрытие школ в 30 странах затронуло 572 млн детей — 33% зачисленных на обучение учащихся во всем мире. В глобальном масштабе число детей, живущих в условиях многомерной нищеты — без доступа к образованию, услугам здравоохранения, жилью, питанию, санитарии или воде, к середине 2020 г. выросло на 15% или на 150 млн детей.

Российская Федерация не вошла в число обследованных стран, но данные открытых национальных исследований в 2020-2021 гг. свидетельствуют, что практически во всех странах пандемия новой коронавирусной инфекции оказывает ощутимое влияние на качество жизни населения и уровень благополучия детей с учетом культурных, политических и социальных особенностей, выбранной стратегии действий в условиях пандемии и действующей национальной системы защиты детства.

В 2020 году по заказу Благотворительного фонда Елены и Геннадия Тимченко были проведены социологические опросы с целью комплексной оценки влияния принятых ограничительных мер на благополучие семей с детьми и детей в России. Обобщенные мнения экспертов позволяют сделать вывод о необходимости более глубокого понимания ключевых факторов, влияющих в краткосрочной и долгосрочной перспективе на систему профилактики социального сиротства в Российской Федерации.

Анализ основан на данных Министерства просвещения Российской Федерации, социологического онлайн-опроса представителей СО НКО и организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (n=258, 56 субъектов РФ), глубинных экспертных интервью (n=13, 2 субъекта РФ), административного онлайн-опроса работников

и волонтеров организаций сферы профилактики сиротства (n=1501) девяти субъектов РФ, представляющих восемь федеральных округов РФ¹.

Влияние ограничительных мер на целевые группы и деятельность субъектов системы профилактики социального сиротства

Ограничительные меры, связанные с противодействием распространению коронавирусной инфекции (COVID-19), на территории Российской Федерации были введены в апреле 2020 г. сначала в г. Москве и Московской области, затем в разное время — в других регионах в зависимости от эпидемиологической обстановки. Социальная изоляция повлекла за собой необходимость изменить привычный образ жизни и дистанцироваться от других людей. В эти ограничения также вошел и доступ к профессиональной помощи, социальной поддержке.

Федеральные органы государственной власти передали субъектам Российской Федерации полномочия регулирования жизнедеятельности на территории регионов, оставив за собой право общей регламентации правил и норм, а также основные решения о введении мер дополнительной поддержки. Мерами поддержки для семей с детьми стали временные выплаты на детей до 17 лет, автоматическое продление назначенных пособий, льгот, установленной группы инвалидности, упрощение процедур получения помощи, дополнительные выплаты родителям, потерявшим работу, и ряд других [7].

В целом регионы руководствовались федеральными документами, в результате чего условия, в которых оказались семьи с детьми, а также дети в стационарных социальных учреждениях, оказались сопоставимы. К ним, в первую очередь, необходимо отнести приостановку деятельности или перевод в дистанционный режим работы всех учреждений, включая судебные органы, что затруднило оформление дополнительных мер социальной поддержки, получение и предоставление услуг субъектов системы профилактики социального сиротства, а также остановило или замедлило процесс семейного устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Неопределенность в работе учебных заведений, учреждений социальной защиты, социальных служб в сочетании с ограничением передвижения привели к тому, что семьи, включая кризисные, оставались в течение долгого времени в изоляции, без контакта со специалистами. Переориентация системы здравоохранения на противодействие новой коронавирусной инфекции привела к тому, что были значительно ограничены или прекращены плановая медицинская помощь и доступ к медицинским услугам, в том числе семьям с детьми-инвалидами и детьми с ОВЗ.

Оценка общего положения уязвимых групп

Специалисты сферы профилактики сиротства, принявшие участие в анализе данных исследований, отмечают усиление «медицинского подхода» к оценке благополучия ребенка: усилия государственной системы направлены на предотвращение распространения коронавируса среди детей², тогда как иные потребности и права детей (на общение, развитие, образование, воспитание в семье) отошли на «второй план».

¹ Социологические опросы проведены по заказу Благотворительного фонда Елены и Геннадия Тимченко коллективом социологов Центра полевых исследований ИНСАП РАНХиГС под руководством Д.М. Рогозина.

² Согласно данным Минздрава России, не менее четверти заболевших детей переносят коронавирус бессимптомно; госпитализация требуется менее чем 10% заболевших детей; в тяжелой форме болеет примерно 1% детей (как правило, это дети с тяжелыми сопутствующими заболеваниями).

Согласно данным административного опроса, 39% опрошенных специалистов сферы защиты детства считают, что распространение коронавируса и введение ограничительных мер ухудшили общее положение уязвимых групп (семьи с детьми и дети — клиенты системы профилактики сиротства), из них 12% отмечают значительное ухудшение, 27% — незначительное. Еще 39% опрошенных полагают, что все осталось без изменений, 6% видят улучшение.

Чаще всего об ухудшении общего положения благополучателей сообщают сотрудники организаций, оказывающих нестационарные услуги детям, — 49%, в т.ч. 15% заявляют о существенном ухудшении. Об ухудшении положения воспитанников стационарных организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, сообщили 41% специалистов данных организаций, о существенном ухудшении — 17%.

Количество запросов от благополучателей в связи с ограничениями, связанными с коронавирусной инфекцией, по мнению 46% участников опроса, осталось без изменений. В Нижегородской области 39% опрошенных специалистов отметили снижение числа запросов, а в Ингушетии 61% респондентов утверждают, что их количество увеличилось. Факторами роста и снижения обращений могут быть как доступность дополнительных мер государственной поддержки, так и ограниченные возможности уязвимых групп обратиться за помощью. Данные исследования не позволяют с достаточной долей достоверности оценить причины.

Эффективность дистанционных услуг уязвимым группам

Эксперты положительно оценили введенные Роспотребнадзором правила [9], но ряд из них считают, что такое решение для сферы профилактики сиротства упрощенное и недальновидное («закрыть проще, чем продумать, как работать в новых условиях»), с отложенными негативными последствиями.

По данным административного опроса, 56% участников сообщили, что их организация перешла на дистанционный формат работы (частично или полностью), 6% — о полной приостановке деятельности. Большинство специалистов не считает дистанционный формат работы с уязвимыми группами удобным для себя лично (76%) и для благополучателей (74%), а также что услуги, оказываемые в дистанционном формате, обеспечат доступность и качество (75%).

По мнению 49% респондентов, эффективность — только в сочетании дистанционного формата с традиционными способами профилактики сиротства. По данным административного опроса, в регионах, где сотрудники субъектов системы профилактики сиротства продолжали работать очно, выше доля тех, кто не отметил ухудшение положения целевых групп и роста числа обращений (Краснодарский край).

В числе основных причин невысокой эффективности дистанционной работы в системе профилактики сиротства — отсутствие или ограниченный доступ к техническим средствам коммуникации как у целевых групп, так и специалистов, «капсулирование» представителем целевых групп и неразвитый навык поиска информации и помощи, ограниченное число отвечающих специфике работы платформ и ресурсов.

Эксперты отмечают, что ограничениями для более эффективного применения дистанционных форматов социальных услуг целевым группам стали отсутствие нормативной базы и непродуманные механизмы организации работы и взаимодействия субъектов системы профилактики сиротства в условиях ограничений. Обострилась и так непростая

проблема подготовки специалистов для работы с уязвимыми категориями детей, семей, находящихся в трудной жизненной ситуации и социально опасном положении [13].

В долгосрочной перспективе одним из значимых рисков отмечены объективные сложности своевременного выявления семей и детей, нуждающихся в помощи: в дистанционном формате, они недостижимы для субъектов системы профилактики социального сиротства.

Положение детей в стационарных социальных учреждениях

В течение 2020—2021 годов в штатном режиме работали 58 регионов, интернатные учреждения в них не закрывались. В остальных регионах воспитатели были переведены на вахтовый режим работы (две недели), а в части организаций воспитанники были частично или полностью «разобраны» по семьям (гостевой режим), включая семьи сотрудников. По данным Минпросвещения России, в июле 2020 года переболели коронавирусом 110 воспитанников и 251 сотрудник организаций для детей-сирот, а в январе 2021 года — 96 воспитанников и уже 590 сотрудников³. При этом органы опеки и попечительства продолжали работать в полном объеме, используя все возможные меры защиты.

Реализация требований Роспотребнадзора (социальная дистанция, средства индивидуальной защиты, медикаменты и др.) по обеспечению медицинской безопасности детей в институциональной системе, а также профилактика основных рисков были возложены преимущественно на руководителей социальных учреждений для детей. Среди факторов риска эксперты назвали снижение возможностей семейного устройства и возвращения в кровную семью из-за прекращения контактов с родителями и родственниками, ограничение общения с наставниками, ухудшение психологического состояния в условиях замкнутой социальной группы, а также ограничение доступа к образованию и отдыху.

Примером новых форм работы в условиях карантина может служить модель ТОГБОУ «Горельская школа-интернат для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья» (Тамбовская область), где коллектив перешел работать в режим обсерватора — сотрудники круглосуточно оставались на рабочих местах, в учреждении были выделены три зоны: красная (грязная), зеленая (чистая) и пограничная (с признаками заболевания). В условиях сокращения персонала в связи с заболеванием COVID-19 и увольнений из-за высоких нагрузок учреждение организовало постоянный учебный процесс, воспитательную работу, вовлекало детей в организацию своей жизни, предоставляло доступ к онлайн-площадкам (онлайн-ресурс «Большая перемена», мастер-класс «Секреты популярности в ТикТок», викторина от ФГБУ «Центр защиты прав и интересов детей» и др.).

Вместе с тем на период карантинных мер родителям детей-инвалидов активно предлагали временно забрать своих детей из интернатных учреждений. Некоторые эксперты отмечают: «Коррекционная школа самоустранилась, социальные службы не работали».

Опрошенные специалисты не отметили резкого роста случаев жестокого обращения с детьми в стационарных социальных учреждениях, роста агрессии, суицидов, случаев побегов. Исследования субъективного благополучия воспитанников организаций для

³ Выступление директора Департамента государственной политики в сфере защиты прав детей Министерства просвещения Российской Федерации Л.П. Фальковской на VIII Всероссийском Съезде руководителей организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и руководителей органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющих управление в сфере опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан, 28 октября 2020 г.

детей-сирот [10] показали увеличение числа детей, оценивающих положительно свою безопасность⁴. Данные о положении детей в условиях изоляции из разных источников противоречивы и требуют дальнейшего анализа.

По мнению опрошенных специалистов, наиболее заметное влияние введенные ограничения оказали на семейное устройство детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, — в ряде регионов процесс был фактически остановлен из-за прекращения или изменения формата работы судебных органов, медицинских организаций, органов опеки и попечительства, приостановки деятельности школ приемных родителей, а также прекращения или значительного ограничения доступа кандидатов в стационарные социальные учреждения. В период с 1 апреля по 1 октября 2020 года в семьи из организаций временно было передано 6540 детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в том числе 3490 чел. из организаций, находящихся в сфере образования, 2932 чел. — из организаций сферы социальной защиты и 91 чел. — из организаций сферы здравоохранения (передача детей из медицинских организаций почти полностью была приостановлена)⁵.

Вместе с тем, по данным федерального статистического наблюдения, и общее число детей-сирот, переданных на все формы семейного устройства, начало снижаться: в 2018 г. 41,6 тыс. детей были переданы в семьи граждан, в 2019 г. — 39,5 тыс. детей и в 2020 г. — 33,8 тыс. детей [14].

Специалисты также считают, что дистантная форма подготовки кандидатов в замещающие родители негативно отразится на качестве подготовки, что в будущем приведет к увеличению числа возвратов детей из приемных семей.

Положение детей в семьях

Ограничительные меры и связанные с ними экономические и социальные процессы привели к ухудшению положения семей, находящихся в зоне контроля системы профилактики, включая низкоресурсные, асоциальные семьи и семьи, воспитывающие детей-инвалидов. Кроме того, эксперты отмечают рост риска социального сиротства у детей, родители которых имеют низкие родительские компетенции или являются представителями старшего возраста, а также расширение категорий семей, попавших в трудную жизненную ситуацию.

Как и до пандемии, ухудшение семейной ситуации связано с комбинацией неблагоприятных факторов (дефицитов ресурсов). Сложные ситуации возникают в благополучных с точки зрения риска сиротства семьях, например, если единственный кормилец потерял доход в условиях пандемии; или мать-одиночка не может выйти на работу, если ей не с кем оставить детей из-за закрытия садов и школ.

Сложность и принципиальное отличие ситуации, вызванной пандемией коронавируса, — массовость явления, резкое и общее ухудшение экономического положения и рост

⁴ Выступление Г.В. Семья «Динамика субъективного благополучия воспитанников в организациях для детей-сирот в 2018-2020 годы» на IX Всероссийском Съезде руководителей организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и руководителей органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющих управление в сфере опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан, 2 июля 2021 г.

⁵ Выступление директора Департамента государственной политики в сфере защиты прав детей Министерства просвещения Российской Федерации Л.П. Фальковской на VIII Всероссийском Съезде руководителей организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и руководителей органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющих управление в сфере опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан, 28 октября 2020 г.

психологического давления на все семьи, разрыв семейных связей со старшими родственниками, ослабление социальных связей. Материальное благополучие семей в условиях ограничений стало важным условием, обеспечивающим их способность адаптироваться к ситуации и получать базовые услуги — медицинскую помощь, образование, психологическую поддержку и другие, что в дистанционном формате критически зависит от наличия необходимого телекоммуникационного оборудования и доступа к сети Интернет.

Существенной проблемой для семей, имеющих детей с ограниченными возможностями здоровья, детей-инвалидов, стало получение медицинской и реабилитационной помощи, так как на закрытый режим работы были переведены практически все организации, где они получали услуги.

Доступность образования

Проблема доступности и качества получения образования — общая для детей в институциональной и семейной системах, актуальная для всех стран мира [5; 20]. Исследование Центра демографических наук Оксфордского университета в Нидерландах, где были созданы лучшие в Европе условия для дистанционного образования, показало, что школьники младших классов потеряли в среднем 20% прогресса в знаниях, а дети родителей с низким уровнем образования отстали от одноклассников на 50% [20].

В России сопоставимых исследований пока не проводилось, однако Институт образования НИУ ВШЭ проанализировал техническую готовность учителей и учащихся к дистанционному обучению [12]. Согласно полученным данным, 69% учителей в городах-миллионниках сообщили о наличии у них оборудования для проведения видеоконференций, 53% — в сельской местности. Такая же возможность есть у 25% учеников в мегаполисах и только у 8% — в сельской местности.

Доступность дистанционного обучения и качество самостоятельной работы детей в институциональной системе зависели от степени оснащенности стационарных учреждений, а также готовности сотрудников выполнять роль репетитора или тьютора. Для детей в семьях из уязвимых групп доступность онлайн-уроков и возможность учиться самостоятельно зависят от наличия техники, количества членов семей и ресурсности родителей. В отсутствие поддержки такие дети менее мотивированы на самостоятельное обучение, и с высокой долей вероятности объем полученных ими знаний в дистанционном формате снизится. В связи с этим вырастает потребность в психологической помощи как у родителей, так и у детей [2].

Прогнозы изменений в системе профилактики социального сиротства

Прогнозы экспертов относительно изменений в системе профилактики социального сиротства после отмены ограничений, связанных с пандемией коронавируса, в целом можно назвать умеренно оптимистичными. Однако оценка зависит от типа организации, которую эксперты представляют, а также от региона и характера принимаемых в нем мер: представители НКО в целом более пессимистичны в своих прогнозах, чем представители государственного сектора.

Негативные прогнозы специалистов на ближайший год преимущественно касаются кровных семей: рост числа родителей с зависимостями (58% специалистов), семей в социально опасном положении (52%) и глубоком кризисе в связи с поздним выявлением неблагополучия (55%), рост случаев домашнего насилия (53%).

Эксперты не ожидают резкого ухудшения ситуации в сфере семейного устройства в отношении [19]: темпов семейного устройства (41%), вторичных отказов от детей из замещающих семей (38%) и численности кандидатов в замещающие родители (34%).

Общее положение уязвимых групп в связи с пандемией COVID-19 ухудшилось — так считают 39% опрошенных специалистов административного опроса; другие 39% полагают, что все осталось без изменений. По оценкам специалистов, пандемия в разной степени затронула уязвимые группы семей и детей, соответственно, на основе их мнения предварительно прогнозируется разный уровень риска социального сиротства и воспитания детей вне семьи.

Выводы

Первая попытка оценки и осмысления влияния ограничений, связанных с противодействием распространению COVID-19, на систему профилактики социального сиротства позволила систематизировать очевидные риски, которые в целом коррелируют с выводами, сделанными по результатам обследования ЮНИСЕФ.

Проблема долгосрочного влияния пандемии на благополучие детей в России требует более глубокого, предметного изучения целого ряда вопросов, в том числе представленных в настоящей статье:

какое влияние оказали различные стратегии организации жизни и обучения детей в институциональной системе;

как отразился на уровне обучения детей из уязвимых групп режим дистанционного образования;

каким был уровень доступности медицинских, образовательных, социальных и других жизненно важных услуг для уязвимых групп и какое влияние он окажет в долгосрочной перспективе;

какие факторы окажут наиболее сильное воздействие на эффективность системы профилактики социального сиротства в долгосрочной перспективе;

и ряд других.

Одновременно пандемия COVID-19 показала основные уязвимости действующей системы и актуализировала в очередной раз вопросы реформирования системы детских институциональных учреждений и поиска альтернативных форм жизнеустройства детей, такие как профессиональные семьи, межведомственное взаимодействие, реформирование органов опеки и попечительства [15], активизация разнообразных ресурсов для поддержки семей с детьми, а также использование адресного, индивидуального подхода к кризисным семьям (технология ведения случая).

Литература

1. *Битюцкая Е.В.* Смысл угрозы и угроза смыслу: моделирование восприятия ситуации пандемии COVID-19 [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 4. С. 21—39. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smysl-ugrozy-i-ugroza-smyslu-modelirovanie-voSPIriyatIya-situatsii-pandemii-covid-19> (дата обращения: 12.06.2021).
2. *Гаязова Л.А., Вихристюк О.В.* Особенности запросов на дистанционную психологическую помощь в период самоизоляции (COVID-19) [Электронный ресурс] // Вестник практической психологии образования. 2020. Том 17. № 2. С. 118—129. DOI:10.17759/bppe.2020170211

3. Елисеева Н.Д. Семья как социальный капитал личности в эпоху пандемии [Электронный ресурс] // Человеческий капитал. 2020. № 10(142). С. 132—144. DOI:10.25629/НС.2020.10.10
4. Защита наиболее уязвимых детей от воздействия Коронавируса: призыв к действию [Электронный ресурс] // ЮНИСЕФ для каждого ребенка. Бишкек: ЮНИСЕФ, 2020. URL: <https://www.unicef.org/kyrgyzstan/ru/Новостные-заметки/защита-наиболее-уязвимых-детей-от-воздействия-коронавируса-призыв-к-действию> (дата обращения: 08.06.2021).
5. Кириллова Т.В., Корицунова А.А. Проблемы организации образовательного процесса с применением дистанционных технологий обучения в условиях пандемии // Вопросы педагогики. 2020. № 4-2. С. 180—182.
6. Луковцева З.В. Пандемия COVID-19 как социальный стрессор: факторы психолого-психиатрического риска (по материалам зарубежных исследований) // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 4. С. 13—25. DOI:10.17759/sps.2020110402
7. Меры поддержки граждан в период COVID-19 [Электронный ресурс] // Минтруд России. 2020, апрель. URL: <https://mintrud.gov.ru/social/social/1217>. (дата обращения: 08.06.2021).
8. Мухаджиева Т.А., Дубаева Е.Ч. Социально-психологический аспект реагирования человека в чрезвычайной ситуации COVID-19 // Гуманитарные науки. 2020. № 4(52). С. 145—149. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskii-aspekt-reagirovaniya-cheloveka-v-chrezvychaynoy-situatsii-covid-19> (дата обращения: 08.06.2021).
9. О новой коронавирусной инфекции [Электронный ресурс] // Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзор). URL: https://www.gospotrebnadzor.ru/region/korono_virus/punkt.php.2020 (дата обращения: 18.06.2021).
10. Ослон В.Н., Семья Г.В., Прокопьева Л.М., Колесникова У.В. Операциональная модель и инструментарий для изучения субъективного благополучия детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Психологическая наука и образование. 2020. Том 25. № 6. С. 41—50. DOI:10.17759/pse.2020250604
11. Похилько А.Д., Шабалиова Н.М. Изменения общественного сознания под влиянием современной пандемии [Электронный ресурс] // Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izmeneniya-obshchestvennogo-soznaniya-pod-vliyaniem-sovremennoy-pandemii> (дата обращения: 08.07.2021).
12. Проблемы перехода на дистанционное обучение в Российской Федерации глазами учителей / Д.И. Сапрыкина, А.А. Волохович; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. М.: НИУ ВШЭ, 2020. 32 с.
13. Рубцов В.В., Алехина С.В., Вихристюк О.В., Войтас С.А., Забродин Ю.М., Зарецкий В.К., Леонова О.И., Марголис А.А., Саитгалиева Г.Г., Семья Г.В., Холмогорова А.Б., Шариков С.В. О проблемах профессиональной подготовки специалистов социальной сферы для работы с уязвимыми категориями населения [Электронный ресурс] // Вестник практической психологии образования. 2020. Том 17. № 2. С. 8—34. DOI:10.17759/bpre.2020170201
14. Сводные отчеты по форме федерального статистического наблюдения № 103-рик по России в целом и субъектам Российской Федерации «Сведения о выявлении и устройстве детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» за 2020 год [Электронный ресурс] // Форма федерального статистического наблюдения № 103-РИК. 2021, март. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/17bc19963749a7f29e59d09c0c7e6faa/> (дата обращения: 14.06.2021).
15. Семья Г.В., Лаикул М.В. Возможные модели органа опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан как результат реформирования и совершенствования деятельности системы // Ежегодник российского образовательного законодательства. 2020. Т. 15. № 20. С. 160—180.
16. Скотникова И.Г., Егорова П.И., Огаркова Ю.Л., Жиганов Л.С. Психологические особенности переживания неопределенности при эпидемии COVID-19 // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 13. № 2(18). С. 245—268.

17. Averting a lost COVID generation. A six-point plan to respond, recover and reimagine a post-pandemic world for every child [Электронный ресурс] // United Nations Children's Fund (UNICEF). New York: UNICEF, 2020. P. 19. URL: <https://www.unicef.org/reports/averting-lost-generation-covid19-world-childrens-day-2020-brief> (дата обращения: 08.06.2021).
18. COVID-19 pandemic responses. Lessons learnt from management and adaptation to ensure that children are treated as rights holders during the pandemic and beyond [Электронный ресурс] // Building a Europe for and with children, CDENF summary report. Strasbourg: Council of Europe, 2020. P. 15. URL: <https://rm.coe.int/final-summary-report-covid-19-pandemic-responses/16809f8032> (дата обращения: 18.06.2021).
19. Dong L., Wenjun L., Marcus R., Jie Z., Fuhai Z. The Mental Health Impacts of COVID-19 on Pediatric Patients Following Recovery // *Frontiers in Psychology*. 2021. Vol. 12. № 628707. P. 1—5. DOI:10.3389/fpsyg.2021.628707
20. Engzell P., Frey A., Verhagen M.D. Learning loss due to school closures during the COVID-19 pandemic. [Электронный ресурс] // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2021. Vol. 118, no. 17. DOI:10.1073/pnas.2022376118
21. Holmes E.A. et al. Multidisciplinary research priorities for the COVID-19 pandemic: A call for action for mental health science // *Lancet Psychiatry*. 2020. No. 7(6). P. 547—560. DOI:10.1016/S2215-0366(20)30168-1

References

1. Bityutskaya E.V. Smysl ugrozy i ugroza smyslu: modelirovanie vospriyatiya situatsii pandemii COVID-19 [Elektronnyi resurs] [The Meaning of Threat and Threat to Meaning: Modelling Perceptions of a COVID-19 Pandemic Situation]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki = Bulletin MSRU serie 'Psychology'*, 2020, no. 4, pp. 21—39. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/smysl-ugrozy-i-ugroza-smyslu-modelirovanie-vospriyatiya-situatsii-pandemii-covid-19> (Accessed 12.06.2021).
2. Gayazova L.A., Vikhristyuk O.V. Osobennosti zaprosov na distantsionnyu psikhologicheskuyu pomoshch' v period samoizolyatsii (COVID-19) [Elektronnyi resurs] [Peculiarities of Requests for Distance Psychological Assistance During the Period of Self-Isolation (COVID-19)]. *Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya = Bulletin of Psychological Practice in Education*, 2020. Vol. 17, no. 2, pp. 118—129. DOI:10.17759/bppe.2020170211. (In Russ., abstr. in Engl.).
3. Eliseeva N.D. Sem'ya kak sotsial'nyi kapital lichnosti v epokhu pandemii [Elektronnyi resurs] [The family as the social capital of the individual in an era of pandemic]. *Chelovecheskii kapital = Human capital*, 2020, no. 10(142), pp. 132—144. DOI:10.25629/HC.2020.10.10
4. Zashchita naibolee uyazvimykh detei ot vozdeistviya Koronavirusa: prizyv k deistviyu. [Elektronnyi resurs] [Protecting the most vulnerable children from the impact of coronavirus: An agenda for action]. *YuNISEF dlya kazhdogo rebenka [UNICEF for every child]*. Bishkek: UNICEF, 2020. Available at: <https://www.unicef.org/kyrgyzstan/stories/protecting-most-vulnerable-children-impact-coronavirus-agenda-action> (Accessed 08.06.2021).
5. Kirillova T.V., Korshunova A.A. Problemy organizatsii obrazovatel'nogo protsessa s primeneniem distantsionnykh tekhnologii obucheniya v usloviyakh pandemii [Problems of organizing the educational process with the use of distance learning technologies in pandemic conditions]. *Voprosy pedagogiki = Pedagogical Issues*, 2020, no. 4-2, pp. 180—182.
6. Lukovtseva Z.V. Pandemiya COVID-19 kak sotsial'nyi stressor: faktory psikhologo-psixiatricheskogo riska (po materialam zarubezhnykh issledovaniy) [The COVID-19 Pandemic as a Social Stressor: Psychological and Psychiatric Risk Factors (Based on Foreign Studies)]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 4, pp. 13—25. DOI:10.17759/sp.2020110402. (In Russ., abstr. in Engl.).
7. Mery podderzhki grazhdan v period COVID-19 [Elektronnyi resurs] [Measures to support citizens during COVID-19]. *Mintrud Rossii [Ministry of Labour of Russia]*, 2020. Available at: <https://mintrud.gov.ru/social/social/1217>. (Accessed 08.06.2021).

8. Muskhadzheva T.A., Dubaeva E.Ch. Sotsial'no-psikhologicheskii aspekt reagirovaniya cheloveka v chrezvychainoi situatsii COVID-19 [Socio-psychological aspect of human response in an emergency situation COVID-19]. *Gumanitarnye nauki = The Humanities*, 2020, no. 4(52), pp. 145—149. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskii-aspekt-reagirovaniya-cheloveka-v-chrezvychaynoy-situatsii-covid-19> (Accessed 08.06.2021).
9. O novoi koronavirusnoi infektsii [Elektronnyi resurs] [About new coronavirus infection]. Federal'naya sluzhba po nadzoru v sfere zashchity prav potrebiteli i blagopoluchiya cheloveka (Rospotrebnadzor) [Federal Service for Surveillance on Consumer Rights Protection and Human Welfare (Rospotrebnadzor)]. Available at: <https://www.rospotrebnadzor.ru/region/koronavirus/punkt.php.2020> (Accessed 18.06.2021).
10. Oslon V.N., Semya G.V., Prokopenko L.M., Kolesnikova U.V. Operatsional'naya model' i instrumentarii dlya izucheniya sub'ektivnogo blagopoluchiya detei-sirot i detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditel'nykh [Operational Model and Tools for Studying Subjective Well-Being of Orphans and Children Without Parental Care]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2020, no. 25(6), pp. 41—50. DOI:10.17759/pse.2020250604. (In Russ., abstr. in Engl.).
11. Pokhil'ko A.D., Shabashova N.M. Izmeneniya obshchestvennogo soznaniya pod vliyaniem sovremennoi pandemii [Elektronnyi resurs] [Changes of public consciousness under the influence of the modern pandemic]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki = Humanities and Social Sciences*, 2020, no. 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/izmeneniya-obshchestvennogo-soznaniya-pod-vliyaniem-sovremennoy-pandemii> (Accessed 08.07.2021).
12. Problemy perekhoda na distantsionnoe obuchenie v Rossiiskoi Federatsii glazami uchitelei [Problems of transition to distance learning in the Russian Federation through the eyes of teachers]. Edited by D.I. Saprykina, A.A. Volokhovich. Natsional'nyi issledovatel'skii universitet «Vysshaya shkola ekonomiki», Institut obrazovaniya. Moscow: National Research University Higher School of Economics, Institute of Education, 2020, p. 32.
13. Rubtsov V.V., Alekhina S.V., Vikhristyuk O.V., Voitas S.A., Zabrodin Yu.M., Zaretskii V.K., Leonova O.I., Margolis A.A., Saitgalieva G.G., Sem'ya G.V., Kholmogorova A.B., Sharikov S.V. O problemakh professional'noi podgotovki spetsialistov sotsial'noi sfery dlya raboty s uyazvimymi kategoriyami naseleniya [Elektronnyi resurs] [On the Problems of Professional Training of Social Sphere Specialists to Work with Vulnerable Categories of the Population]. *Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya = Bulletin of Psychological Practice in Education*, 2020. Vol. 17, no. 2, pp. 8—34. DOI:10.17759/bppe.2020170201. (In Russ., abstr. in Engl.).
14. Svodnye otchety po forme federal'nogo statisticheskogo nablyudeniya № 103-rik po Rossii v tselom i sub'ektam Rossiiskoi Federatsii «Svedeniya o vyavlenii i ustroistve detei-sirot i detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditel'nykh» za 2020 god [Elektronnyi resurs] [Reports on the form of federal statistical observation № 103-rik for Russia as a whole and the Russian Federation subjects, “Information about the identification and placement of orphans and children left without parental care” for 2020]. Forma federal'nogo statisticheskogo nablyudeniya № 103-RIK [Federal Statistical Observation Form № 103-rik], 2021. Available at: <https://docs.edu.gov.ru/document/17bc19963749a7f29e59d09c0c7e6faa/> (Accessed 14.06.2021).
15. Sem'ya G.V., Lashkul M.V. Vozmozhnye modeli organa opeki i popechitel'stva v otnoshenii nesovershennoletnikh grazhdan kak rezul'tat reformirovaniya i sovershenstvovaniya deyatel'nosti sistemy [The possible models of guardianship and custody authority in relation to minors as a result of reforming and improving the system]. *Ezhegodnik rossiiskogo obrazovatel'nogo zakonodatel'stva = Bulletin of Russian educational legislation*, 2020. Vol. 15, no. 20, pp. 160—180.
16. Skotnikova I.G., Egorova P.I., Ogarkova Yu.L., Zhiganov L.S. Psikhologicheskie osobennosti perezhivaniya neopredelennosti pri epidemii COVID-19 [Psychological features of experiencing uncertainty in COVID-19 epidemic]. *Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya = Institute of psychology Russian Academy of Sciences Social and economic psychology*, 2020. Vol. 13, no. 2(18), pp. 245—268.

17. Averting a lost COVID generation. A six-point plan to respond, recover and reimagine a post-pandemic world for every child [Electronic resource]. *United Nations Children's Fund (UNICEF)*. New York: UNICEF, 2020, p. 19. Available at: <https://www.unicef.org/reports/averting-lost-generation-covid19-world-childrens-day-2020-brief> (Accessed 08.06.2021).
18. COVID-19 pandemic responses. Lessons learnt from management and adaptation to ensure that children are treated as rights holders during the pandemic and beyond [Electronic resource]. *Building a Europe for and with children*, CDENF summary report. Strasbourg: Council of Europe, 2020, p. 15. Available at: <https://rm.coe.int/final-summary-report-covid-19-pandemic-responses/16809f8032> (Accessed 18.06.2021).
19. Dong L., Wenjun L., Marcus R., Jie Z., Fuhai Z. The Mental Health Impacts of COVID-19 on Pediatric Patients Following Recovery. *Frontiers in Psychology*, 2021. Vol. 12, no. 628707, pp. 1—5. DOI:10.3389/fpsyg.2021.628707
20. Engzell P., Frey A., Verhagen M.D. Learning loss due to school closures during the COVID-19 pandemic [Electronic resource]. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2021. Vol. 118, no. 17. DOI:10.1073/pnas.2022376118 (Accessed 08.06.2021).
21. Holmes E.A. et al. Multidisciplinary research priorities for the COVID-19 pandemic: A call for action for mental health science. *Lancet Psychiatry*, 2020, no. 7(6), pp. 547—560. DOI:10.1016/S2215-0366(20)30168-1

Информация об авторах

Семья Галина Владимировна, доктор психологических наук, профессор кафедры «Возрастная психология им. профессора Л.Ф. Обуховой», ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9583-8698>, e-mail: gvsemia@yandex.ru

Гарифулина Эльвира Шамильевна, кандидат социологических наук, руководитель программ Благотворительного фонда Елены и Геннадия Тимченко, доцент кафедры юридической психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4306-3899>, e-mail: egarifulina@timchenkofoundation.org

Фреик Наталия Викторовна, независимый исследователь, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4635-5131>, e-mail: nfreik@gmail.com

Information about the authors

Galina V. Semya, Dr. Sci. (Psychology), Professor, Department Psychology of Education, Chair of Age Psychology Named after L.F. Obukhova, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9583-8698>, e-mail: gvsemia@yandex.ru

Elvira Sh. Garifulina, PhD in Sociology, Program Manager of the Elena & Gennady Timchenko Foundation, Associate Professor of the Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4306-3899>, e-mail: egarifulina@timchenkofoundation.org

Nataliya V. Freik, an independent researcher, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4635-5131>, e-mail: nfreik@gmail.com

Получена 25.06.2021

Received 25.06.2021

Принята в печать 15.07.2021

Accepted 15.07.2021

ПСИХОЛОГИЯ ЗАМЕЩАЮЩЕГО РОДИТЕЛЬСТВА
PSYCHOLOGY OF SUBSTITUTE PARENTING

Особенности социально-психологической готовности замещающих родителей к преодолению трудностей в воспитании детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, подросткового возраста

Волчанская В.О.

АНО «Центр содействия детям, детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей «Два крыла», г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1685-2713>, e-mail: vmerkul@mail.ru

Меркуль И.А.

ФГБУ «Центр защиты прав и интересов детей», г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3808-6076>, e-mail: merkul07@mail.ru

В статье описывается эмпирическое исследование социально-психологической готовности замещающих родителей к приему ребенка в семью. Рассматриваются мотивационно-личностный, когнитивный и деятельностный компоненты, которые образуют собой структуру социально-психологической готовности к приемному родительству. Анализ полученных данных позволяет правильно организовать процесс сопровождения замещающей семьи.

Ключевые слова: дети-сироты, замещающая семья, вторичное сиротство, социально-психологическая готовность.

Для цитаты: Волчанская В.О., Меркуль И.А. Особенности социально-психологической готовности замещающих родителей к преодолению трудностей в воспитании детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, подросткового возраста // Социальные науки и детство. 2021. Том 2. № 1. С. 60—72. DOI:<https://doi.org/10.17759/ssc.2021020105>

Features of the socio-psychological readiness of substitute parents to overcome difficulties in the upbringing of teenagers and children left without parental care

Victoria O. Volchanskaia

Two Wings Family and Children's Assistance Centre,
Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1685-2713>, e-mail: vmerkul@mail.ru

CC BY-NC

Irina A. Merkul

Centre for the Protection of Children's Rights and Interests, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3808-6076>, e-mail: merkul07@mail.ru

The paper describes an empirical study of socio-psychological preparedness of foster parents for taking a child into a family. The motivational and personal, cognitive and activity components that form the structure of socio-psychological readiness for foster parenting are considered. The analysis of the received data allows us to correctly organize the process of support for a foster family.

Keywords: orphans, substitute family, secondary orphanhood, socio-psychological readiness.

For citation: Volchanskaia V.O., Merkul I.A. Features of the socio-psychological readiness of substitute parents to overcome difficulties in the upbringing of teenagers and children left without parental care. *Social'ny'e nauki i detstvo = Social Sciences and Childhood*, 2021. Vol. 2, no. 1, pp. 60—72. DOI:<https://doi.org/10.17759/ssc.2021020105> (In Russ.).

Введение

В соответствии с целями объявленного Президентом Российской Федерации Десятилетия детства в России государственная политика в области социального сиротства направлена на активное устройство детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в замещающие семьи. К сожалению, более 10% таких детей возвращаются из новых семей обратно в детские дома с высоким уровнем психологической травматизации, пережив повторное сиротство. Лучшим вариантом является их повторное помещение обратно в семейную среду, но этот процесс сопровождается проблемами новой адаптации.

От родителей, принявших в свою семью ребенка-сироту, (замещающих родителей) часто требуются значительные усилия по воспитанию приемного ребенка, к которым они оказываются не готовы. Причина этого в том, что ребенок, уже имеющий опыт родительской депривации, часто имеет серьезные эмоциональные и поведенческие трудности, которые наносят значительный вред его интеллектуальному и личностному развитию. Отсюда возникает проблема повышения готовности потенциальных приемных родителей к преодолению тех сложностей, с которыми они могут столкнуться в процессе воспитания. О серьезности данной проблемы свидетельствуют распространенные ситуации, когда приемные родители, оказавшись не в состоянии справиться со всеми трудностями, которые несет с собой воспитание приемного ребенка, возвращают его обратно в организацию для детей-сирот.

Методы

В своем исследовании мы изучали уровень готовности замещающих родителей, когда они берут в свою семью приемного ребенка [2].

Готовность родителей к приему подростка в замещающую семью как целостная характеристика личности имеет в своей основе определенные эмоциональные, интеллектуальные и поведенческие особенности, являющиеся ее компонентами [1].

В качестве методологической основы мы будем рассматривать структуру социально-психологической готовности как систему следующих компонентов (рис. 1):

— первый компонент, мотивационно-личностный, включает в себя мотивацию выбора приемного ребенка, а также индивидуально-типологические особенности родителей [5];

— второй компонент, когнитивный, определяет уровень знаний об особенностях развития ребенка, а также осознание собственной социальной роли в качестве приемного родителя, понимание обязанностей перед ребенком [5];

— третий компонент, деятельностный, отражает особенности семейной адаптации и сплоченности, специфику межличностных отношений в семье, а также владение родителями навыками разрешения проблемных ситуаций [5].

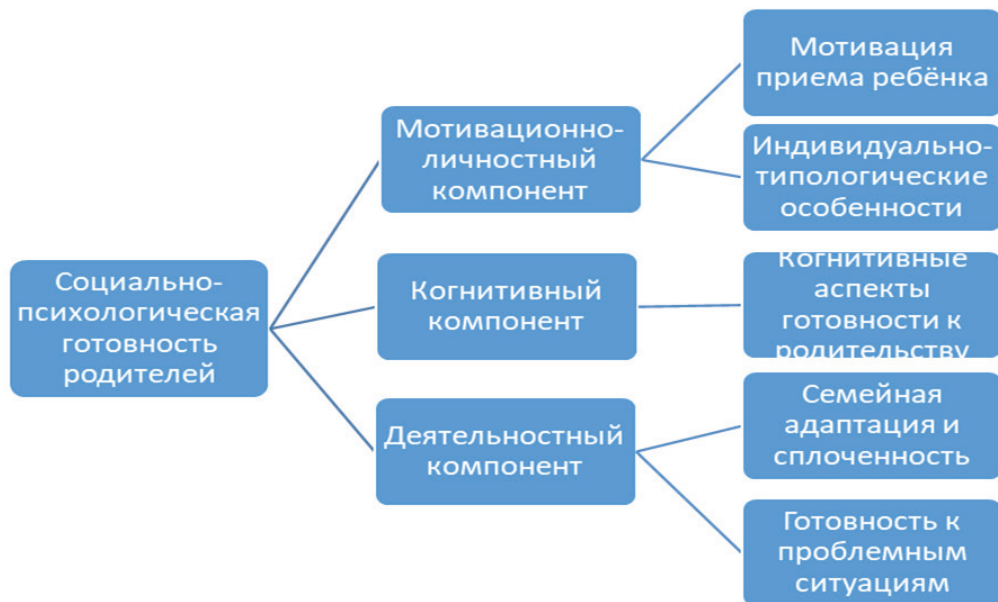


Рис. 1. Структура социально-психологической готовности замещающих родителей

Данные компоненты были взяты за основу эмпирического исследования социально-психологической готовности родителей к приему ребенка в замещающую семью [6; 9; 11].

Сформированность всех 3-х компонентов структуры означает высокий уровень готовности, 2-х компонентов — средний, только 1-го компонента — низкий.

Группа родителей была дифференцирована на 2 подгруппы. В первую были включены родители, находящиеся «на кризисном сопровождении», готовые вернуть подростка (Р«-»); во вторую подгруппу вошли родители, готовые решать проблемы, не рассматривая возможность возврата (Р«+»).

Для выявления мотивации родителей к приему подростка нами использовалась методика «Опросник мотивации выбора приемного ребенка» (Савченко В.В., Соломатина Г.Н.) [14].

Результаты

На рис. 2 в процентах представлены показатели мотивации к приему подростка, повторно помещенного в замещающую семью. Для более удобного соотнесения шкал между собой данные выражены в процентах от максимально возможного. Так, наблюдаются отличия по таким мотивам приема подростка, как: «отсутствие детей», «быть не хуже, чем другие»,

«продолжатель традиций», «воздействие на отношения в семье», «решение материальных проблем», «помощь в старости» и «желание помочь ребенку». Некоторые отличия отмечаются по таким мотивам, как: «желание вырвать ребенка из государственной системы воспитания», а также «желание исправить неудачный опыт и взросление собственных детей». Впрочем, по двум последним характеристикам наблюдаемая разница невелика.



Рис. 2. Компоненты мотивации приема подростка, повторно помещенного в замещающую семью, по методике «Опросник мотивации выбора приемного ребенка» (Савченко В.В., Соломатина Г.Н.)

Достоверные различия имеются по таким показателям мотивации, как:

- «отсутствие детей»;
- «быть не хуже, чем другие»;
- «продолжатель традиций»;
- «помощь в старости»;
- «воздействовать на отношения» [6; 8].

Далее с помощью опросника Л.Н. Собчик, применяемого для изучения личностных особенностей (в основе теоретического обоснования теста — опора на врожденные свойства, которые в процессе социализации трансформируются в черты характера и затем — в особенности личности; количественные показатели методики позволяют отграничить нормальную, уравновешенную личность от акцентированной и дезадаптированной), необходимо было выяснить индивидуально-типологические особенности родителей двух групп (Р«+» и Р«-») [11; 16; 17]. Это особенно важно для выявления личностных противоположностей к приему подростка (повышенная агрессивность, ложь и т.д.).

В соответствии с нормативными данными методики, средние уровни по таким шкалам, как экстраверсия, сензитивность и лабильность можно описать как несколько акцентированные,

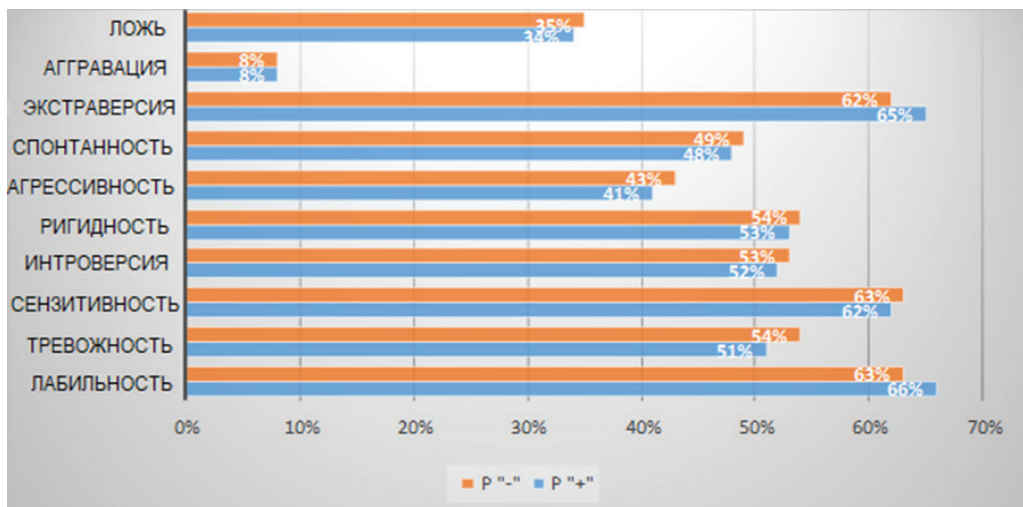


Рис. 3. Сравнение индивидуально-типологических особенностей родителей в группах Р«+» и Р«-»

умеренно выраженные. Показатели по остальным шкалам находятся в пределах нормы (3—4 балла), свойственной гармоничной личности. Видно, что изучаемые личностные качества имеют примерно одинаковую выраженность. Несколько преобладают такие черты, как сензитивность, лабильность и экстраверсия. Наименьшую выраженность имеет агрессивность.

Родители группы Р«+» проявляют большую гибкость, лабильность и открытость в коммуникации. В то же время нежелательных характеристик, препятствующих передаче подростка приемным родителям (таких как агрессивность, ригидность, тревожность, аграрация), не было выявлено в обеих группах. Таким образом, можно сделать вывод, что вся выборка респондентов-родителей соответствует индивидуально-личностным требованиям к приемному родителю.

Далее перейдем ко второму, когнитивному компоненту готовности. Результаты по анкете исследования когнитивной составляющей готовности к замещающему родительству (методика Долгова В.И., Рокицкой Ю.А., Меркуловой Н.А.) [3] представлены на диаграмме (рис. 4). Назначение анкеты — выяснить уровень знаний о ребенке, о вопросах воспитания детей, представления об особенностях «брошенных детей». Она включает в себя вопросы, позволяющие получить первичное представление о кандидате в замещающие родители и о его взаимоотношениях в семье, а также вопросы, посвященные мотивам, знаниям, установкам и отношениям кандидата в замещающие родители.

Как видно из данной диаграммы, показатель по фактору «Внутрисемейная согласованность» выше в семьях Р«+» (59%), в то время как в группе Р«-» этот показатель составляет 50%. Это означает, что, возможно, нарушена структура семьи, обесцениваются или игнорируются основные семейные функции, неравномерно распределяется нагрузка на членов семьи, имеют место жесткие, ригидные правила.

Эти факторы приводят к явным или скрытым дефектам воспитания, в результате чего появляются трудности в адаптации и воспитании приемного ребенка. Показатель по фактору «Отношение к ребенку» составляет 59% в группе Р«-» и 62% в группе Р«+». Этот

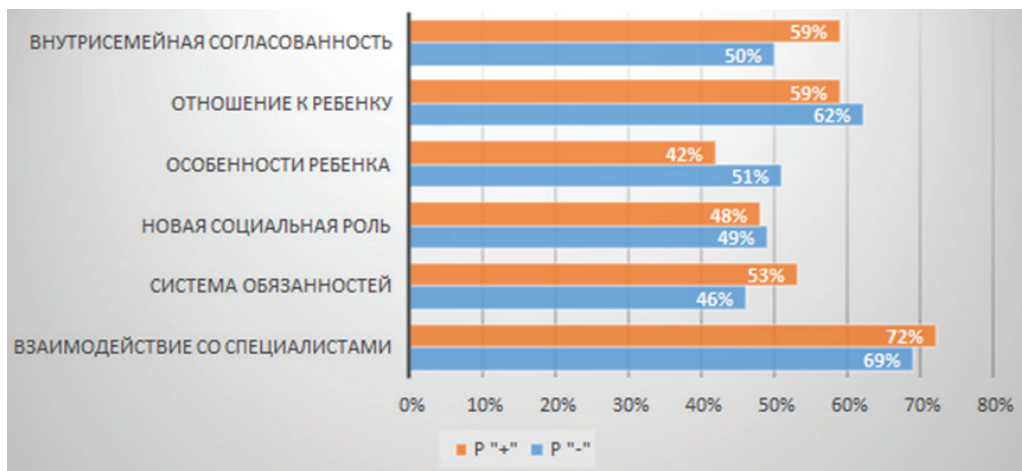


Рис. 4. Когнитивные показатели готовности к приему подростка, повторно помещенного в замещающую семью

показатель раскрывает, что семья считает важным (например, личные качества людей, семейные традиции, приемы воспитания, насколько важна религия, культурные традиции и обычаи, и как это проявляется в повседневной жизни); как они проявляют привязанность (любовь); играет ли важную роль пол, например, мягкость (женственность) в отношении девочек и жесткость по отношению к мальчикам; как они относятся к еде/их мнение о питании; насколько значимы успехи ребенка в обучении; есть ли какие-то увлечения/времяпрепровождение, в которых принимает участие вся семья.

Показатель по фактору «Особенности ребенка» распределился следующим образом: 51% в группе P«+» и 42% — в группе P«-». Этот показатель отражает степень осведомленности родителей о психическом функционировании подростка, понимания его адаптивных и защитных реакций, возможных проявлений травматического поведения, чтобы знать способы совладания как с необычными, так и травматическими переживаниями, а также с возрастающей фрустрацией.

Показатель по фактору «Новая социальная роль», который характеризует осознанное принятие ответственности в связи с ролью приемного родителя, его новыми обязанностями и ответственностью, равномерно представлен в обеих группах: 48% и 49% соответственно.

Показатель по фактору «Система обязанностей» выше в группе P«+» и составляет 53%, в то время как в группе P«-» — 41%, что свидетельствует о более равномерном распределении нагрузки и обязанностей между всеми членами семьи и является основой гармоничного функционирования семейной системы.

Показатель по фактору «Взаимодействия со специалистами», характеризующий открытость семьи и готовность к сотрудничеству, представлен 69% в группе P«-», 72% — в группе P«+».

Далее перейдем к анализу деятельностного компонента готовности родителей [6; 10; 12; 15; 16]. Оценка ресурсного потенциала замещающей семьи состоит из определения

семейной сплоченности, где среднее значение по выборке составляет 41,4, что соотносится с нормой оценок. При максимальной выраженности степени эмоциональной связи (22,2%) между членами семьи возникает эмоциональная взаимозависимость, при минимальной (30,6%) — автономность и удаление друг от друга.

Результаты по методике «Шкала семейной адаптации и сплоченности» FACES-3 (Олсон Д.Х.), предназначенной для определения типа структуры семьи и позволяющей оценить уровень семейной сплоченности и уровень семейной адаптации, можно считать высокими как по сплоченности, так и по адаптации. Данные выражены в процентах от максимально возможного значения (рис. 5).

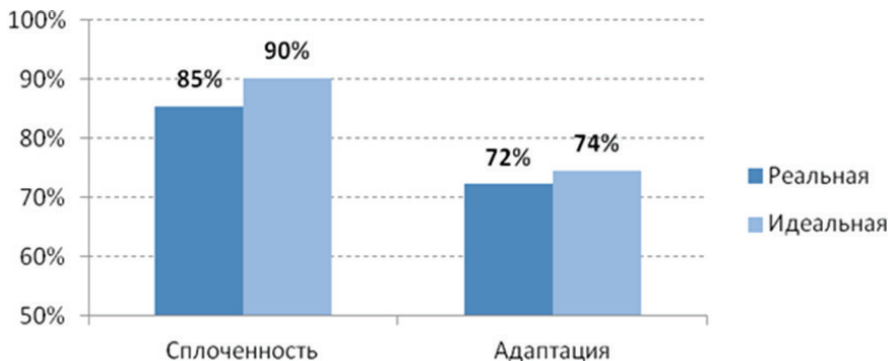


Рис. 5. Средние значения по результатам исследования группы родителей, готовых справляться с возникающими трудностями. Шкала семейной адаптации и сплоченности FACES-3 (Олсон Д.Х.)

Как видно по результатам, есть некоторые расхождения между реальной сплоченностью (90%) и идеальной (85%), что характеризует уровень удовлетворенности супругов. Расхождения в идеальную и реальную адаптацию выражены меньше (74 и 72% соответственно), что свидетельствует об адекватном восприятии семейных взаимодействий.

Таким образом, можно сделать вывод, что некоторые различия по типам семейной сплоченности в данных подгруппах отличались. В группе Р«-» в большей степени были выявлены разобщенный и разделенный виды сплоченности, но по интегральным характеристикам сплоченности и адаптации значимых отличий выявлено не было, семьи обеих выборок относятся к числу функциональных.

В заключение рассмотрим способности замещающих родителей к решению проблемных ситуаций (Анкета проблемных педагогических ситуаций, Волков Б.С., Волкова Н.В.).

Структура педагогических ситуаций внешне проста. В нее входят родитель, подросток и их эмоционально-интеллектуальное взаимодействие. Но такая простота обманлива, так как они проявляются в совместном действии двух сложных внутренних миров как родителя, так и подростка [4; 7; 13; 14; 20; 21]. Рассмотрим результаты, полученные с помощью анкеты проблемных ситуаций. Данные представлены в таблице.

Наблюдаемые результаты группы можно описать как низкие. Исходя из процедуры подсчета, они означают, что на большинство вопросов испытуемые ответили неверно ли-

Таблица

Средние значения по результатам исследования способности к решению проблемных ситуаций в группе родителей, готовых справляться с возникающими трудностями, и группе родителей на кризисном сопровождении, готовых вернуть подростка

	Средние значения группы Р«-»	Средние значения группы Р«+»
Закономерности развития	12,3	18,7
Педагогическая компетентность	14,2	17,8
Общая готовность	26,5	32,4

бо не вполне верно. В группе Р«+» средние значения выше по всем шкалам, что говорит о способности не только понимать и уметь анализировать проблему, но и более четко определять действия, средства и осознавать препятствия.

Обсуждение и результаты

Диагностика структуры готовности замещающих родителей к приему подростка, повторно помещенного в семью, позволила сделать следующие выводы. Высокий уровень сформированной готовности предполагает выраженность всех компонентов структуры. Сформированность двух компонентов представляет средний уровень готовности. При сформированности только одного компонента структуры можно говорить о низком уровне готовности.

Выборка родителей в нашем исследовании показала, что все респонденты находятся либо на среднем, либо на высоком уровне готовности приема подростка в семью. При этом в группе родителей на кризисном сопровождении [9; 18; 19], готовых вернуть подростка, 23% выявили высокий уровень готовности и 77% — средний. Низкого уровня готовности выявлено не было.

Если мотивационно-личностный компонент представлен равномерно, то исследование когнитивного и деятельностного компонентов обнаружило их недостаточную сформированность. Это означает, что часто приемным родителям не хватает знаний об особенностях развития своего подростка и практических навыков взаимодействия с ним при возникновении проблемных ситуаций (Анкета проблемных педагогических ситуаций, Волков Б.С., Волкова Н.В.).

В группе родителей, готовых справляться с возникающими трудностями (сталкивающимися с трудностями в воспитании подростков, но не рассматривающих вопрос о возврате — 77% от общего числа испытуемых), 56% обнаружили высокий уровень готовности и 44% — средний. Низкого уровня готовности так же выявлено не было.

Таким образом, можно сказать, что в нашем исследовании отсутствовали родители с низким уровнем готовности, однако высокий уровень в большей степени выявлен в группе нормальных родителей. В группе родителей «кризисного сопровождения» 77% респондентов оказались на среднем уровне готовности, что позволяет предположить недостаток знаний о психических особенностях подростков и отсутствие навыков преодоления трудностей в поведении подростка.

В результате анализа полученных данных мы можем констатировать, что готовность замещающих родителей к приему ребенка — один из важных факторов, который необ-

ходимо учитывать. Ведь учитывая текущее состояние приемных родителей, мы можем разработать программу сопровождения, подходящую именно для этой семьи, что в дальнейшем поможет избежать риска вторичного сиротства.

Совместный анализ особенностей родителей, подростков и их сочетание позволяют в дальнейшей работе специалистов, работающих с замещающими семьями, выявить типовые ситуации и мишени работы с подростком и семьей. Это будет способствовать не только более точному прогнозу успешности реадaptации семьи и подростка с ориентацией на положительный результат, но и определит содержание работы специалистов.

Литература

1. Андриянова Е.А., Новокрещенова И.Г., Аранович И.Ю. Готовность к роли матери: медико-социологический анализ факторов формирования [Электронный ресурс] // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2011. № 4. С. 5—12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gotovnost-k-rol-i-materi-mediko-sotsiologicheskiiy-analiz-faktorov-formirovaniya> (дата обращения: 22.04.2021).
2. Волчанская В.О. Социально-психологические характеристики замещающей семьи. [Электронный ресурс] // «Международный журнал медицины и психологии». 2020. № 4. С. 15—20. URL: <http://ijmp.ru/archives/10390> (дата обращения: 9.04.2021).
3. Долгова В.И., Рокицкая Ю.А., Меркулова Н.А. Готовность родителей к воспитанию детей в замещающей семье. М.: Издательство Перо, 2015. 180 с.
4. Киселева Н.А. Проблема адаптации приемных детей и родителей в замещающих семьях [Электронный ресурс] // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2014. № 4. С. 134—138. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-adaptatsii-priemnyh-detey-i-roditeley-v-zameschayuschih-semyah> (дата обращения: 21.04.2021).
5. Куликовская М.П. Структура социально-психологической готовности родителей к приему ребенка в замещающую семью [Электронный ресурс] // Научное сообщество студентов: междисциплинарные исследования: сб. ст. по мат. XIX междунар. студ. науч.-практ. конф. 2017. № 8(19). URL: [https://sibac.info/archive/meghdis/8\(19\).pdf](https://sibac.info/archive/meghdis/8(19).pdf) (дата обращения: 21.04.2021).
6. Куликовская М.П. Исследование компонентов социально-психологической готовности родителей к приему ребенка в замещающую семью [Электронный ресурс] // Научное сообщество студентов: междисциплинарные исследования: сб. ст. по мат. XIX междунар. студ. науч.-практ. конф. 2017. № 8(19). URL: [https://sibac.info/archive/meghdis/8\(19\).pdf](https://sibac.info/archive/meghdis/8(19).pdf) (дата обращения: 21.04.2021).
7. Лёвушкин А.Н., Данилова И.С. «Вторичное сиротство» и меры реагирования органов государственной власти на отказ приемных родителей от ребенка [Электронный ресурс] // Власть. 2014. № 8. С. 159—163. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vtorichnoe-sirotstvo-i-mery-reagirovaniya-organov-gosudarstvennoy-vlasti-na-otkaz-priemnyh-roditeley-ot-rebenka> (дата обращения: 11.04.2021).
8. Ослон В.Н. Организационная модель психосоциального сопровождения замещающей семьи [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2015. Том 7. № 2. С. 1—13. DOI:10.17759/psyedu.2015070201 (дата обращения: 15.03.2021).
9. Ослон В.Н., Семья Г.В., Прокопьева Л.М., Колесникова У.В. Операционная модель и инструментарий для изучения субъективного благополучия детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Психологическая наука и образование. 2020. Том 25. № 6. С. 41—50. DOI:10.17759/pse.2020250604
10. Ослон В.Н. Модельные программы сопровождения семей, воспитывающих детей-сирот сложных категорий // Психологическая наука и образование. 2017. Том 22. № 3. С. 82—92. DOI:10.17759/pse.2017220309

11. Палиева Н.А., Савченко В.В., Соломатина Г.Н. Мотивация принятия приемного ребенка в замещающую семью [Электронный ресурс] // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2011. № 1. С. 132—137. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsiya-prinyatiya-priemnogo-rebenka-v-zameschayuschuyu-semyu> (дата обращения: 15.04.2021).
12. Семья Г.В., Зайцев Г.О., Зайцева Н.Г. Формирование российской модели преодоления социального сиротства // Психологическая наука и образование. 2016. Том 21. № 1. С. 67—82. DOI:10.17759/pse.2016210105
13. Семья Г.В. Сопоставительный анализ результатов адаптации детей-сирот при национальном и международном усыновлении [Электронный ресурс] // Психическая депривация детей в трудной жизненной ситуации: образовательные технологии профилактики, реабилитации, сопровождения. Сборник статей. М.: Московский государственный психолого-педагогический университет, 2013. С. 185—199. URL: <http://psyjournals.ru/childdeprivation/issue/69215.shtml> (дата обращения: 15.04.2021).
14. Соломатина Г.Н., Слюсарева Е.С. Комплексное сопровождение жизнеустройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: учебное пособие. Ставрополь: Издательство СППИ, 2012. 318 с.
15. Стандарт предоставления услуги «Сопровождение семей, принявших на воспитание детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» в городе Москве. Методические рекомендации по технологиям сопровождения семей, принявших на воспитание детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и рекомендации по их внедрению / Под научной редакцией Г.В. Семья. М.: ООО «Исследовательский проект», ООО «Вариант», 2014. 108 с.
16. Шпакова В.В. Социально-психологические характеристики приемных родителей, взявших на воспитание детей, оставшихся без попечения [Электронный ресурс] // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 314. С. 184—186. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskie-harakteristiki-priemnyh-roditeley-vzyavshih-na-vozpitanie-detey-ostavshih-sya-bez-porecheniya/viewer> (дата обращения: 15.04.2021).
17. Шульба Т.И. Особенности сопровождения замещающих семей с детьми разного возраста [Электронный ресурс] // Психическая депривация детей в трудной жизненной ситуации: образовательные технологии профилактики, реабилитации, сопровождения. Сборник статей. М.: Московский государственный психолого-педагогический университет, 2013. С. 91—96. URL: https://psyjournals.ru/childdeprivation/issue/69107_full.shtml (дата обращения: 16.04.2021).
18. Bergeron J.Jr., Pennington R. Supporting Children and Families When Adoption Dissolution Occurs [Электронный ресурс] // Adoption Advocate. 2013. № 62. URL: https://www.adoptioncouncil.org/images/stories/NCFA_ADOPTION_ADVOCATE_NO62.pdf (дата обращения: 15.04.2021).
19. Collinge S.E. Adoption disruption: the experience of five young women. Doctoral dissertation [Электронный ресурс] // The University of Leeds. UK Leeds: West Yorkshire. 2013. Retrieved from <http://etheses.whiterose.ac.uk/5252/1/d%20clin%20.pdf> (дата обращения: 18.04.2021).
20. Rodrigo M.J., Padrón I., de Vega M., Ferstl E.C. Adolescents' risky decision-making activates neural networks related to social cognition and cognitive control processes [Электронный ресурс] // Frontiers in Human Neuroscience. 2014. № 8. P. 60—84. URL: <http://journal.frontiersin.org/Journal/10.3389/fnhum.2014.00060/full> (дата обращения: 18.04.2021).
21. Steinberg L. A social neuroscience perspective on adolescent risk-taking [Электронный ресурс] // Developmental Review. 2008. № 28. P. 78—106. URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.dr.2007.08.002> (дата обращения: 16.04.2021).

References

1. Andriyanova E.A., Novokreshchenova I.G., Aranovich I.Yu. Gotovnost' k roli materi: mediko-sotsiologicheskii analiz faktorov formirovaniya [Electronic resource] [Motherhood readiness: a medico-sociological analysis of shaping factors]. *Izv. Sarat. un-ta Nov. ser. Ser. Sotsiologiya. Politologiya =*

Izvestiya of Saratov university. New series. Series: Sociology. Politology, 2011, no. 4, pp. 5—12. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/gotovnost-k-rol-i-materi-mediko-sotsiologicheskiiy-analiz-faktorov-formirovaniya> (Accessed 22.04.2021). (In Russ.).

2. Volchanskaya V.O. Sotsial'no-psikhologicheskie kharakteristiki zameshchayushchei sem'i [Electronic resource] [Socio-psychological characteristics of the foster family]. *Mezhdunarodnyi zhurnal meditsiny i psikhologii = International Journal of Medicine and Psychology*, 2020, no. 4, pp. 15—20. Available at: <http://ijmp.ru/archives/10390> (Accessed 9.04.2021). (In Russ.).

3. Dolgova V.I., Rokitskaya Yu.A., Merkulova N.A. Gotovnost' roditelei k vospitaniyu detei v zameshchayushchei sem'e [Parents' readiness to raise children in a foster family]. Moscow: Publishing house Pero, 2015. 180 p.

4. Kiseleva N.A. Problema adaptatsii priemnykh detei i roditelei v zameshchayushchikh sem'yakh [Electronic resource] [The problem of adaptation of foster children and parents in foster families]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki = Bulletin of the Pskov State University. Series: Social Sciences and Humanities*, 2014, no. 4, pp. 134—138. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-adaptatsii-priemnyh-detey-i-roditeley-v-zameschayuschih-semyah> (Accessed 21.04.2021). (In Russ.).

5. Kulikovskaya M.P. Struktura sotsial'no-psikhologicheskoi gotovnosti roditelei k priemu rebenka v zameshchayushchuyu sem'yu [Electronic resource] [The structure of social and psychological readiness of parents to receive a child in a substitute family]. Nauchnoe soobshchestvo studentov: mezhdistsiplinarnye issledovaniya: sb. st. po mat. XIX mezhdunar. stud. nauch.-prakt. konf. [Scientific community of students: interdisciplinary research: collection of articles on Mat. XIX International Student scientific and practical Conference], 2017, no. 8(19). Available at: [https://sibac.info/archive/meghdis/8\(19\).Pdf](https://sibac.info/archive/meghdis/8(19).Pdf). (Accessed 21.04.2021). (In Russ.).

6. Kulikovskaya M.P. Issledovanie komponentov sotsial'no-psikhologicheskoi gotovnosti roditelei k priemu rebenka v zameshchayushchuyu sem'yu [Electronic resource] [Research of components of social and psychological readiness of parents for the reception of a child in a substitute family]. Nauchnoe soobshchestvo studentov: mezhdistsiplinarnye issledovaniya: sb. st. po mat. XIX mezhdunar. stud. nauch.-prakt. konf. [Scientific community of students: interdisciplinary research: collection of articles on Mat. XIX International Student Scientific and Practical Conference], 2017, no. 8(19). Available at: [https://sibac.info/archive/meghdis/8\(19\).pdf](https://sibac.info/archive/meghdis/8(19).pdf) (Accessed 21.04.2021). (In Russ.).

7. Lyovushkin A.N., Danilova I.S. «Vtorichnoe sirotstvo» i mery reagirovaniya organov gosudarstvennoi vlasti na otkaz priemnykh roditelei ot rebenka [Electronic resource] [«Secondary orphanhood» and measures of government authorities' response to the abandonment of a child by adoptive parents]. *Vlast' = Power*, 2014, no. 8, pp. 159—163. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vtorichnoe-sirotstvo-i-mery-reagirovaniya-organov-gosudarstvennoy-vlasti-na-otkaz-priemnyh-roditeley-ot-rebenka> (Accessed 11.04.2021).

8. Oslon V.N. Organizatsionnaya model' psikhosotsial'nogo soprovozhdeniya zameshchayushchei sem'i [Electronic resource] [The Organizational Model of Psychosocial Support of Substitute Families]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru = Psychological Science and Education*, 2015. Vol. 7, no. 2, pp. 1—13. DOI:10.17759/psyedu.2015070201 (In Russ., abstr. in Engl.).

9. Oslon V.N., Semya G.V., Prokopenko L.M., Kolesnikova U.V. Operatsional'naya model' i instrumentarii dlya izucheniya sub'ektivnogo blagopoluchiya detei-sirot i detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditelei [Operational Model and Tools for Studying Subjective Well-Being of Orphans and Children Without Parental Care]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2020, no. 25(6), pp. 41—50. DOI:10.17759/pse.2020250604. (In Russ., abstr. in Engl.).

10. Oslon V.N. Model'nye programmy soprovozhdeniya semei, vospityvayushchikh detei-sirot slozhnykh kategorii [Electronic resource] [Model programmes of support for families raising 'difficult' orphan children]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2017. Vol. 22, no. 3, pp. 82—92. DOI:10.17759/pse.2017220309. (In Russ., abstr. in Engl.).

11. Palieva N.A., Savchenko V.V., Solomatina G.N. Motivatsiya prinyatiya priemnogo rebenka v zameshchayushchuyu sem'yu [Electronic resource] [Motivation for adopting a foster child into a foster family]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana) = Society. Wednesday. Development (Terra Humana)*, 2011, no. 1, pp. 132—137. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsiya-prinyatiya-priemnogo-rebenka-v-zameschayuschuyu-semyu> (Accessed 15.04.2021).
12. Semya G.V., Zaitsev G.O., Zaitseva N.G. Formirovanie rossiiskoi modeli preodoleniya sotsial'nogo sirotstva [Formation of the Russian model of overcoming social orphanhood]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2016. Vol. 21, no. 1, pp. 67—82. DOI:10.17759/pse.2016210105 (In Russ.).
13. Semya G.V. Sopostavitel'nyi analiz rezul'tatov adaptatsii detei-sirot pri natsional'nom i mezhdunarodnom usynovlenii [Electronic resource] [Comparative analysis of the results of adaptation of orphans during national and international adoption]. *Psikhicheskaya deprivatsiya detei v trudnoi zhiznennoi situatsii: obrazovatel'nye tekhnologii profilaktiki, reabilitatsii, soprovozhdeniya. Sbornik statei [Mental deprivation of children in difficult life situations: educational technologies of prevention, rehabilitation, support. Collection of articles]*. Moscow: Moscow State Psychological and Pedagogical University, 2013, pp. 185—199. Available at: <http://psyjournals.ru/childdeprivation/issue/69215.shtml> (Accessed 15.04.2021)
14. Solomatina G.N., Slyusareva E.S. Kompleksnoe soprovozhdenie zhizneustroistva detei-sirot i detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditel'nykh uchebnoe posobie [Comprehensive support for the life of orphans and children left without parental care: textbook]. Stavropol: Publishing house SGPI, 2012. 318 p.
15. Standart predostavleniya uslugi «Soprovozhdenie semei, prinyavshikh na vospitanie detei-sirot i detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditel'nykh v gorode Moskve. Metodicheskie rekomendatsii po tekhnologiyam soprovozhdeniya semei, prinyavshikh na vospitanie detei-sirot i detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditel'nykh, i rekomendatsii po ikh vnedreniyu [Standard for the provision of the service «Accompanying families who have adopted orphans and children left without parental care» in the city of Moscow. Methodological recommendations on technologies for supporting families who have adopted orphans and children left without parental care, and recommendations for their implementation]. Edited by G.V. Semya. Moscow: Research Project LLC, Variant LLC, 2014. 108 p.
16. Shpakova V.V. Sotsial'no-psikhologicheskie kharakteristiki priemnykh roditel'nykh, vzyavshikh na vospitanie detei, ostavshikhsya bez popecheniya [Electronic resource] [Socio-psychological characteristics of adoptive parents who have taken on the upbringing of children left without care]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2008, no. 314, pp. 184—186. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskie-kharakteristiki-priemnykh-roditeley-vzyavshih-na-vospitanie-detey-ostavshikhsya-bez-popecheniya/viewer> (Accessed: 15.04.2021). (In Russ.).
17. Shulga T.I. Osobennosti soprovozhdeniya zameshchayushchikh semei s det'mi raznogo vozrasta [Electronic resource] [Features of accompanying foster families with children of different ages]. *Psikhicheskaya deprivatsiya detei v trudnoi zhiznennoi situatsii: obrazovatel'nye tekhnologii profilaktiki, reabilitatsii, soprovozhdeniya [Mental deprivation of children in difficult life situations: educational technologies of prevention, rehabilitation, support. Collection of articles]*. Moscow: Moscow State Psychological and Pedagogical University, 2013, pp. 185—199. Available at: https://psyjournals.ru/childdeprivation/issue/69107_full.shtml (Accessed 16.04.2021).
18. Bergeron J.Jr., Pennington R. Supporting Children and Families When Adoption Dissolution Occurs [Electronic resource]. *Adoption Advocate*, 2013, no. 62. Available at: https://www.adoptioncouncil.org/images/stories/NCFA_ADOPTION_ADVOCATE_NO62.pdf (Accessed 15.04.2021).
19. Collinge S.E. Adoption disruption: the experience of five young women [Electronic resource]. Doctoral dissertation. The University of Leeds, Leeds, West Yorkshire, UK, 2013. Available at: <http://etheses.whiterose.ac.uk/5252/1/d%20clin%20.pdf> (Accessed 18.04.2021).
20. Rodrigo M.J., Padrón I., de Vega M., Ferstl E.C. Adolescents' risky decision-making activates neural networks related to social cognition and cognitive control processes [Electronic resource]. *Frontiers in*

Human Neuroscience, 2014, no. 8, pp. 60—84. Available at: <http://journal.frontiersin.org/Journal/10.3389/fnhum.2014.00060/full> (Accessed 18.04.2021).

21. Steinberg L. A social neuroscience perspective on adolescent risk-taking [Electronic resource]. *Developmental Review*, 2008, no. 28, pp. 78—106. Available at: <http://dx.doi.org/10.1016/j.dr.2007.08.002> (Accessed 16.04.2021).

Информация об авторах

Волчанская Виктория Олеговна, директор, АНО «Центр содействия детям, детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей «Два крыла», г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1685-2713>, e-mail: vmerkul@mail.ru

Меркуль Ирина Анатольевна, кандидат психологических наук, заместитель директора, ФГБУ «Центр защиты прав и интересов детей», г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3808-6076>, e-mail: merkul07@mail.ru

Information about the authors

Victoria O. Volchanskaia, Director Two Wings Family and Children's Assistance Centre, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1685-2713>, e-mail: vmerkul@mail.ru

Irina A. Merkul, Deputy Director Centre for the Protection of Children's Rights and Interests, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3808-6076>, e-mail: merkul07@mail.ru

Получена 25.06.2021

Received 25.06.2021

Принята в печать 15.07.2021

Accepted 15.07.2021

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ
INTERNATIONAL EXPERIENCE

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ
ANALYTICAL REVIEWS

Обзор международных исследований, посвященных последствиям нахождения ребенка в условиях институционализации: как добиться положительных результатов

Семья Г.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9583-8698>, e-mail: gvsemia@yandex.ru

Обзор посвящен исследованиям в области институционализации детей, оставшихся без попечения родителей, и нацелен на определение того, какие улучшения могут быть сделаны для обеспечения наилучшего результата в развитии детей в этих условиях. Существующая сегодня модель институционализации, основанная на депривации, негативных факторах развития, представляется ограниченной и устаревшей. Результаты исследований рассматриваются в рамках биоэкологической модели развития У. Бронфенбренера. Анализ публикаций показывает, что существуют убедительные доказательства того, что качество институционального ухода на уровне экосистемы оказывает значительное влияние на благополучие детей и обеспечивает длительные положительные результаты в физическом, когнитивном, поведенческом и эмоциональном развитии ребенка. В обзоре показано, что, когда институциональный уход сочетается с определенными защитными факторами, то это не всегда приводит к негативным последствиям в развитии ребенка. Страны, устанавливающие более высокие стандарты ухода за детьми в учреждениях, и специалисты, применяющие меры, соответствующие выявленным предикторам полноценного развития, могут увидеть, что институциональный уход может быть жизнеспособным вариантом, когда адекватный уход на базе замещающей семьи невозможен.

Ключевые слова: дети-сироты, институциональный уход, биоэкологическая модель, вмешательство, воспитатели.

Финансирование. Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации «Научно-методическая разработка системы оценки благополучия ребенка в Российской Федерации» № 121061500154-6.

Для цитаты: Семья Г.В. Обзор международных исследований, посвященных последствиям нахождения ребенка в условиях институционализации: как добиться положительных результатов // Социальные науки и детство. 2021. Том 2. № 1. С. 73—84. DOI:<https://doi.org/10.17759/ssc.2021020106>

The overview of international research on the effects of being a child in the conditions of institutionalisation: how to achieve positive results

Galina V. Semya

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9583-8698>, e-mail: gvsemia@yandex.ru

The review is devoted to research in the field of institutionalization of children left without parental care, and aims to determine what improvements can be made to ensure the best result in the development of children in these conditions. The current model of institutionalization based on deprivation, negative factors of development, seems limited and outdated. The results of the research are considered within the framework of the bioecological model of development of W. Bronfenbrenner. The analysis of publications shows that there is convincing evidence that the quality of institutional care at the exosystem level has a significant impact on the well-being of children and provides long-term positive results in the physical, cognitive, behavioral and emotional development of the child. The review shows that when institutional care is combined with certain protective factors, it does not always lead to negative consequences in the child's development. Countries that set higher standards of institutional care for children, and specialists who apply measures that correspond to the identified predictors of full-fledged development, can see that institutional care can be a viable option when adequate care based on a foster family is not possible.

Keywords: orphans, institutionalization, institutional care, bioecological model of development, intervention, educators.

Funding. The article was written within the state assignment of the Ministry of Education of the Russian Federation “Scientific and methodological development of the children’s well-being assessment system in the Russian Federation” No. 121061500154-6.

For citation: Semya G.V. The overview of international research on the effects of being a child in the conditions of institutionalisation: how to achieve positive results. *Social'ny`e nauki i detstvo = Social Sciences and Childhood*, 2021. Vol. 2, no. 1, pp. 73—84. DOI:<https://doi.org/10.17759/ssc.2021020106> (In Russ.).

Введение

Значительное число исследований, посвященных негативным последствиям институционального ухода, вплоть до смерти детей, привело к тому, что Организация Объединенных Наций опубликовала «Руководящие принципы альтернативного ухода за детьми», в которых было заявлено, что «наилучшей практикой является помещение детей на попечение семьи, и что страны должны принять меры по ликвидации институционализи-

рованных учреждений интернатного типа» [1; 17]. ЮНИСЕФ и другие международные организации по оказанию помощи приняли эти руководящие принципы, заявив, что они перенаправят финансирование и исследовательскую поддержку не на институциональный уход, а на улучшение общественной поддержки семейного ухода [10].

Многие страны признали пагубные последствия и переориентировали свою политику на развитие института замещающей семьи для детей, нуждающихся в альтернативном уходе. К сожалению, не все страны имеют экономические ресурсы или социальную поддержку, чтобы двигаться в направлении этих моделей. По оценкам специалистов, от двух до восьми миллионов детей во всем мире по-прежнему живут в условиях институционального ухода в течение значительной части лет своей жизни, что влияет на их развитие [13; 15; 16; 22; 25; 26; 31].

Но вместе с тем необходимо отметить, в Рекомендациях по применению руководящих принципов есть указание на то, что устройство в учреждение интернатного типа также может быть желательным вариантом, если необходимо избежать разлучения братьев и сестер из многодетных семей. Дети могут себя нормально чувствовать в условиях интернатного учреждения, если там обеспечиваются все условия для полноценного социального и эмоционального развития с учетом индивидуальных потребностей каждого ребенка [13].

Во всем мире институциональный уход за детьми веками использовался в качестве альтернативы семейному уходу. Дети помещаются в учреждения по целому ряду причин, начиная от смерти родителей или их отказа от детей до финансовой нестабильности семьи или иных обстоятельств, не позволяющих родителям предоставлять адекватный уход.

Когда дети попадают в условия институционализации, они получают уход, который обычно не соответствует уходу, получаемому в кровных семьях. Стандарты ухода варьируются от учреждения к учреждению, но чаще всего встречается высокое значение соотношения количества детей к количеству воспитателей, их ротация или рутинный, а не теплый или учитывающий потребности ребенка уход, а также отсутствие стимулов и ресурсов, способствующих развитию [19].

Большая часть исследований сосредоточена на документировании негативных последствий институционального ухода для физического, когнитивного, социального и эмоционального развития ребенка. Доказано, что различные виды депривации, характерные для детских домов, могут привести к неизбирательному социальному поведению, низкому уровню физического развития или его задержке, дефициту когнитивного развития, нарушениям реакций организма на стресс и к нарушениям поведения привязанности к воспитателям как во время, так и после институционализации [13; 31].

Учитывая, что проблема ликвидации институционального ухода и обеспечения достойного, стабильного семейного ухода за всеми детьми на международном уровне еще не решена, очень важно продолжить изучение различных аспектов институционального ухода, чтобы определить, что нужно сделать для обеспечения наилучшего результата в развитии детей в этих условиях.

Исследования последних лет продвинулись в направлении изучения факторов, влияющих на положительные результаты развития (т.е. что соответствует развитию детей в типичных домашних условиях) для детей, находящихся на институциональном попечении, а также вмешательств, которые могут оказаться полезными для этой целевой группы.

В целях данного обзора институциональный уход определяется как среда по уходу за детьми, финансируемая из частных или государственных источников, в которой ребенок

проживает постоянно, вдали от своих биологических родителей в связи с отказом родителей от них, смертью родителей или прекращением родительских прав.

Позитивным результатом является любой физический, когнитивный, эмоциональный или поведенческий результат, который соответствует развитию ребенка, воспитывающегося в семье, или значительно лучше, чем типичное развитие ребенка в институциональных условиях. Большинство исследований рассматривают свои результаты в рамках биоэкологической модели развития У. Бронфенбреннера [8]. Его подход состоит в экологической ориентации на развитие человека через различные среды, в которых он развивается, и которые напрямую влияют на когнитивное, моральное и социальное развитие. Четыре системы, которые составляют экологическую модель: микросистема, мезосистема, экзосистема и макросистема.

Результаты исследований последствий нахождения ребенка в условиях институционализации и предикторы его развития

Основу обзора составили статьи коллективов авторов:

— Wright A.W., Richard S., Sosnowski D.W. et al. Predictors of Better Functioning among Institutionalized Youth: A Systematic Review, в которой авторы обобщают литературу, документирующую индивидуальные характеристики детей и характеристики окружающей среды, связанные с лучшим развитием детей и последствиями вмешательства в виде реабилитационных, обучающих программ [35];

— Salifu Yendork J.S., Somhlaba N.Z. The role of demographic and positive psychological factors on quality of life in Ghanaian orphans placed in orphanages: an exploratory study [29];

— Selcuk B., Yavuz H.M., Etel E., Harma M., Ruffman T. Executive function and theory of mind as predictors of socially withdrawn behavior in institutionalized children [30]. Данные работы анализируют роль демографических и психологических факторов в качестве жизни сирот в организациях.

Результаты нахождения ребенка в условиях институционализации сгруппированы в шесть широких областей: (1) уровень физического роста/физической активности, (2) восприятие ребенком благополучия, (3) социальное функционирование и/или привязанность, (4) достижение контрольных показателей развития, (5) психологическое состояние, проблемы с поведением и (6) когнитивное развитие. Описательные исследования в основном сосредоточены на психологических симптомах или проблемах поведения, за которыми следуют благополучие/устойчивость психики, социальное функционирование, когнитивное развитие и контрольные показатели развития. Чаще всего вмешательства направлены на психологические симптомы и проблемы поведения, за которыми следуют физический рост или уровень активности, когнитивное развитие, контрольные показатели развития, привязанность и благополучие ребенка.

При рассмотрении факторов развития ребенка через призму биоэкологической модели в описательных исследованиях, как правило, изучали несколько переменных факторов на разных уровнях биоэкологической модели, а в интервенционных — обычно фокусировались на одном уровне биоэкологической модели, на котором необходимо вмешательство.

Исследования на уровне индивидуальных характеристик. В рассмотренных исследованиях изучался ряд переменных на индивидуальном уровне, включая пол ребенка, генотип и характеристики или черты личности. Было выявлено, например, при гендерном сравнении, что у мальчиков было значительно меньше симптомов депрессии и тревоги,

чем у девочек, хотя уровень агрессии был выше [4], тогда как у девочек было меньше проблем с регуляцией внимания [18]. Исследования, изучающие влияние генетических различий на поведение детей, показывают различия в темпах интернализации, экстернализации и других проблемных формах поведения в зависимости от генотипов [21; 33].

Характеристики личности ребенка также были еще одним распространенным элементом микроуровня, и некоторые из них влияют на результаты развития ребенка. Например, институционализированные дети с более низким уровнем тревожности и готовностью принять поддержку сообщали о более высоком качестве жизни [27; 28; 29]. Эти же предикторы не были значимыми предикторами качества жизни для группы сравнения, воспитываемой в семьях. Другое исследование показало, что те, у кого была более высокая самооценка, особенно в области социального принятия и внешнего вида, сообщали о более высоком качестве жизни [20]. Более высокий уровень межличностных коммуникативных навыков помог снизить риск суицида среди сирот в Гайане [12]. В другом исследовании выявлено, что высокий уровень исполнительности связан с более низким уровнем социальной изоляции у детей, находящихся в условиях институционального ухода [30].

Важным фактором оказались личные характеристики самих воспитателей, которые способствовали качественному уходу за детьми и приводили к успешности детей, в том числе игровой [11].

Устойчивость психики ребенка была популярной переменной в исследованиях. Было обнаружено, что у девочек и старших подростков уровень устойчивости психики выше, чем у остальной выборки, которая показала в общем средние результаты [18]. Устойчивость также выступает в качестве положительного предиктора самооценки качества жизни молодых людей [29].

Множество работ посвящено результатам применения реабилитационных, развивающих программ. После занятий, направленных на развитие физиологических, когнитивных и поведенческих стратегий преодоления стресса и беспокойства, авторы обнаружили, что риск тревожности снизился у 50% участников, депрессии — у 40% [14]. Хорошо структурированная программа психологического образования и развития жизненных навыков существенно уменьшила поведенческие и эмоциональные проблемы детей, помещенных в учреждения Кении [24].

Исследования на микроуровне. Исследования на микросистемном уровне были сосредоточены исключительно на качестве отношений детей либо с биологическими родителями до помещения в условия институционального ухода, либо с воспитателями и сиблингами во время институционализации. В одном исследовании, посвященном детско-родительским отношениям, было показано, что дети, проживавшие с двумя родителями до институционализации, и дети, имеющие меньшее число проблем при контактах с родителями, проявляли меньше психосоциальных проблем [4]. Переживание потери родителей не оказывало заметного влияния на энурез, нарушения сна, расстройства пищевого поведения, агрессию, депрессию, тревогу или когнитивные показатели, согласно исследованию, в котором дети-сироты, живущие в условиях институционального ухода, сравнивались с детьми-беженцами в семьях, все из которых недавно пережили потерю и травму, связанные с войной [34]. Наличие родного брата и качество этих родственных отношений служили защитой от развития психопатологических симптомов у подростков, находящихся в интернатных учреждениях [23]. То же самое исследование показало, что дети младшего возраста, как правило, имеют более высокие психопатологические симпто-

мы в условиях учреждения, но имеют более высокий уровень просоциального поведения по отношению к своим братьям и сестрам, чем подростки. Дети с более высоким восприятием социальной поддержки сообщили о значительно более высоком уровне качества жизни [28]. При сравнении детей, находящихся на институциональном попечении, с детьми, находящимися в других условиях (домашние хозяйства с детьми, приемные семьи или живущие на улице), выявлено, что дети, находящиеся на институциональном попечении, имели самый высокий уровень восприятия социальной поддержки из всех источников поддержки. Более высокое восприятие поддержки было связано с более высокими уровнями эмоционального благополучия и более низкими уровнями психического расстройства [29; 30; 35]. Неожиданный результат получен в исследовании, посвященном влиянию частоты посещения родителями детей во время пребывания в условиях институционализации на устойчивость психики, — авторы не обнаружили значительного влияния [5].

Исследования на уровне экосистемы. На этом уровне исследовались такие факторы, как уход и качество учреждения в целом, а не взаимодействие воспитателя с каждым конкретным ребенком. Все исследования сходятся во мнении, что дети имеют лучшие результаты в развитии, когда получают адекватную помощь в учреждениях, оцениваемых как имеющие больше ресурсов и более качественный уход.

Более низкий уровень буллинга, насилия со стороны сверстников, больше внеклассных мероприятий, поощрение успехов в образовании, разнообразное и достаточное количество пищи были связаны с меньшим количеством психосоциальных проблем детей [4]. Дети с большей вероятностью имели значимого взрослого (наставника), когда проживали в учреждениях, оцененных исследователями как более качественные, что уменьшало вероятность того, что ребенок будет демонстрировать социальное отчуждение [5]. В исследованиях в трех центральноамериканских учреждениях показано, что в учреждении с наименьшим количеством детей, наименьшим количеством детей на одного воспитателя и несколькими постоянными воспитателями (а не многочисленным сменяющимся персоналом) были дети с лучшим физическим, поведенческим и когнитивным развитием [16].

Неоднократно в исследованиях было показано, что программы обучения воспитателей связаны с улучшением развития ребенка. Тренинги для воспитателей по важности чуткого и отзывчивого ухода, взаимодействия один на один с ребенком, различные стимуляции, игры и непрерывность ухода значительно улучшили качество ухода за детьми и стимулировали их развитие [6; 15].

Значимым для развития оказался размер группы воспитанников. Когда группа была большой (8-10 детей на 1 воспитателя), эффективность программ развития (вмешательство) оказалась низкой [7]. Однако, когда группа была сокращена до двух-четырех детей на одного воспитателя, младенцы и дети постарше, для которых реализовывали программы, показали снижение языковых и когнитивных разрывов в развитии, тогда как отстаивание в развитии в контрольной группе увеличилось.

Одним из потенциально влияющих факторов на мезоуровне может быть общественное мнение о сиротах и брошенных детях в стране проживания. Социальная стигматизация влияет на долгосрочное психосоциальное развитие маргинализированных детей [9; 32].

Если страна рассматривает ребенка как часть стигматизированной группы, он может столкнуться с социальной изоляцией, меньшими ресурсами и более низким уровнем поддержки, что может иметь разрушительные последствия [32]. Имеющаяся литература не рассматривает переменные хроносистемы вне прошлого ребенка. Еще одним потенциаль-

ным предиктором хроносистемы может быть возраст самого учреждения, сравнивающий новые учреждения со старыми, более устоявшимися учреждениями. Новые учреждения могут иметь обновленные ресурсы и более свежие представления об уходе, однако старые учреждения могут работать с использованием проверенных временем управленческих технологий и методов работы, что позволяет им больше времени посвящать уходу за детьми, чем административной работе.

Заключение и обсуждение

Анализ отобранных исследований показал, что на индивидуальном уровне определенные характеристики личности ребенка и стратегии преодоления стресса минимизируют негативные последствия институционального ухода. Ряд программ, направленных на развитие навыков преодоления стресса и укрепление психологического здоровья, оказались эффективными для данной целевой группы. При рассмотрении элементов микросистемы подтверждается, что отношения между ребенком и воспитателем играют важную роль в развитии ребенка. Существуют убедительные доказательства того, что качество институционального ухода на уровне экосистемы оказывает значительное влияние на благополучие детей и может иметь длительные положительные результаты в физическом, когнитивном, поведенческом и эмоциональном развитии ребенка. На уровне хроносистемы возраст ребенка и продолжительность пребывания в институциональном учреждении могут повлиять лишь на некоторые результаты в развитии.

Анализ статей показывает, что не всегда институционализация приводит к негативным последствиям, когда институциональный уход сочетается с определенными защитными факторами. Страны, устанавливающие более высокие стандарты ухода за детьми, и учреждения, применяющие меры или методы работы, соответствующие выявленным предикторам полноценного развития, могут увидеть, что институциональный уход может быть жизнеспособным вариантом, когда адекватный уход на базе замещающей семьи невозможен.

В России начиная с 2016 года реализуется политика создания в организациях для детей-сирот условий более высокого уровня, отвечающих потребностям воспитанников (80% детей подросткового возраста, 48% детей с ОВЗ и инвалидностью, 52% сиблингов), обучения специалистов, работающих с уязвимыми категориями детей [3], что приводит к росту оценки субъективного благополучия самими детьми [2].

Литература

1. *Кантуэлл Н.* От теории к практике: реализация «руководящих указаний по альтернативному уходу за детьми»: пер. с англ. / Н. Кантуэлл, Дж. Дэвисон, С. Эсли, И. Миллиган, Н. Куинн. Великобритания: Центр передового опыта для детей, находящихся под опекой, в Шотландии, 2012. 168 с.
2. *Ослон В.Н., Семыа Г.В., Прокопьева Л.М., Колесникова У.В.* Операциональная модель и инструментарий для изучения субъективного благополучия детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Психологическая наука и образование. 2020. Том 25. № 6. С. 41—50. DOI:10.17759/pse.2020250604
3. *Рубцов В.В., Алехина С.В., Вихристюк О.В., Войтас С.А., Забродин Ю.М., Зарецкий В.К., Леонова О.И., Марголис А.А., Саитгалиева Г.Г., Семыа Г.В., Холмогорова А.Б., Шариков С.В.* О проблемах профессиональной подготовки специалистов социальной сферы для работы с

- уязвимыми категориями населения [Электронный ресурс] // Вестник практической психологии образования. 2020. Т. 17. № 2. С. 8—34. DOI:10.17759/bppe.2020170201
4. *Atar-Schwartz S.* Emotional, behavioral and social problems among Israeli children in residential care: a multi-level analysis // *Children and Youth Services Review*. 2008. № 30. P. 229—248. DOI:10.1016/j.childyouth.2007.09.009.
 5. *Baptista J., Belsky J., Martins C., Silva J., Marques S., Mesquita A., Soares I.* Social withdrawal behavior in institutionalized toddlers: individual, early family and institutional determinants // *Infant Mental Health Journal*. 2013. № 34. P. 562—573. DOI:10.1002/imhj.21416
 6. *Berument S.K.* Environmental enrichment and caregiver training to support the development of birth to 6-year-olds in Turkish orphanages // *Infant Mental Health Journal*. 2013. № 34. P. 189—201. DOI:10.1002/imhj.21380.
 7. *Berument S.K., Sönmez D., Eyüpoğlu H.* Supporting language and cognitive development of infants and young children living in children's homes in Turkey // *Child: Care, Health, and Development*. 2011. № 38. P. 743—752. DOI:10.1111/j.1365-2214.2011.01314.x.
 8. *Bronfenbrenner U., Ceci S.J.* Nature-nurture reconceptualized in developmental perspective: a bioecological model // *Psychological Review*. 1994. № 101. P. 568—586. DOI:10.1037/0033-295X.101.4.568
 9. *Caserta T.A., Pirttila-Backman A.M., Punamaki R.L.* Stigma, marginalization and psychosocial well-being of orphans in Rwanda: exploring the mediation role of social support // *AIDS Care — Psychological and Socio-Medical Aspects of AIDS/HIV*. 2016. № 28. P. 736—744. DOI:10.1080/09540121.2016.1147012
 10. Child Protection: every child has the right to live free from violence, exploitation and abuse [Электронный ресурс] // Programme. Child Protection. UNICEF. 2020, September. URL: https://www.unicef.org/protection/57929_58004.html (дата обращения: 18.06.2021).
 11. *Daunhauer L.A., Coster W.J., Tickle-Degnen L., Cermak S.A.* Effects of caregiver-child interactions on play occupations among young children institutionalized in eastern Europe // *The American Journal of Occupational Therapy*. 2007. № 61. P. 429—440. DOI:10.5014/ajot.61.4.429
 12. *Denton E., Musa G.J., Hoven C.* Suicide behaviour among Guyanese orphans: identification of suicide risk and protective factors in a low— to middle-income country // *Journal of Child and Adolescent Mental Health*. 2017. № 29. P. 187—195. DOI:10.2989/17280583.2017.1372286
 13. *Dozier M., Zeanah C.H., Wallin A.R., Shaffer C.* Institutional care for young children: Review of literature and policy implications // *The Society for the Psychological Study of Social Issues*. 2012. № 6. P. 1—20. DOI:10.1111/j.1751-2409.2011.01033.x
 14. *Gallegos J., Rodríguez A., Gómez G., Rabelo M., Gutiérrez M.F.* The friends for life program for mexican girls living in an orphanage: a pilot study // *Behaviour Change*. 2012. № 29. P. 1—14. DOI:10.1017/bec.2012.8
 15. *Groark C.J., McCall R.B.* Implementing changes in institutions to improve young children's development // *Infant Mental Health Journal*. 2011. № 32. P. 509—525. DOI:10.1002/imhj.20310
 16. *Groark C.J., McCall R.B., McCarthy S.K., Eichner J.C., Gee A.D.* Structure, caregiver—child interactions, and children's general physical and behavioral development in three central American institutions // *International Perspectives in Psychology: Research, Practice, Consultation*. 2013. № 2. P. 207—224. DOI:10.1037/ipp0000007
 17. Guidelines for the alternative care of children [Электронный ресурс] // United Nations General Assembly on the report of the Third Committee (A/64/434). 2010. 23 p. URL: <https://bettercarenetwork.org/sites/default/files/Guidelines%20for%20the%20Alternative%20Care%20of%20Children%20-%20English.pdf> (дата обращения: 18.06.2021).
 18. *Gunnar M.R., Wenner J.A., Thomas K.M., Glatt C.E., McKenna M.C., Clark A.G.* The brain-derived neurotrophic factor Val66Met polymorphism moderates early deprivation effects on attention problems // *Development and Psychopathology*. 2012. № 24. P. 1215—1223. DOI:10.1017/S095457941200065X

19. *Hermenau K., Goessmann K., Rygaard N.P., Landolt M.A., Hecker T.* Fostering child development by improving care quality: a systematic review of the effectiveness of structural interventions and caregiver trainings in institutional care // *Trauma, Violence & Abuse*. 2016. № 18. P. 1—18. DOI:10.1177/1524838016641918
20. *Jozefiak T., Kaye N.S., Ranoyen I., Greger H.K., Wallander J.L., Wichstrom L.* Quality of life among adolescents living in residential youth care: do domain-specific self-esteem and psychopathology contribute? // *Quality of Life Research*. 2017. № 26. P. 2619—2631. DOI:10.1007/s11136-017-1603-8
21. *McAdams T.A., Neiderhiser J.M., Rijdsdijk F.V., Narusyte J., Lichtenstein P., Eley T.C.* Accounting for genetic and environmental confounds in associations between parent and child characteristics: a systematic review of children-of-twins studies // *Psychological Bulletin*. 2014. № 140. P. 1138—1173. DOI:10.1037/a0036416
22. *McCall R.B., Muhamedrahimov R.J., Groark C.J., Palmov O.I., Nikiforova N.V., Salaway J.L., Julian M.M.* The development of children placed into different types of Russian families following an institutional intervention // *International Perspectives in Psychology: Research, Practice, Consultation*. 2016. № 5. P. 255—270. DOI:10.1037/ipp0000060
23. *Mota C.P., Serra L., Relva I., Fernandes O.M.* Do sibling relationships protect adolescents in residential care and traditional families from developing psychopathologies? // *Journal of Family Studies*. 2017. № 23. P. 260—277. DOI:10.1080/13229400.2015.1106333
24. *Mutiso V., Tele A., Musyimi C., Gitonga I., Musau A., Ndetei D.* Effectiveness of life skills education and psychoeducation on emotional and behavioral problems among adolescents in institutional care in Kenya: a longitudinal study // *Child and Adolescent Mental Health*. 2017. № 23. P. 351—358. DOI:10.1111/camh.12232
25. *Nourian M., Mohammadi Shahboulaghi F., Nourozi Tabrizi K., Rassouli M., Biglarrarian A.* Resilience and its contributing factors in adolescents in long-term residential care facilities affiliated to Tehran Welfare Organization // *International Journal of Community Based Nursing and Midwifery*. 2016. № 4. P. 386—396.
26. *Petrowski N., Cappa C., Gross P.* Estimating the number of children in formal alternative care: challenges and results // *Child Abuse and Neglect*. 2017. № 70. P. 388—398. DOI:10.1016/j.chiabu.2016.11.026
27. *Salifu Yendork J.S., Somhlaba N.Z.* Stress, coping and quality of life: an exploratory study of the psychological well-being of Ghanaian orphans placed in orphanages // *Children & Youth Services Review*. 2014. № 46. P. 28—37. DOI:10.1016/j.chilyouth.2014.07.0258
28. *Salifu Yendork J.S., Somhlaba N.Z.* Do social support, self-efficacy and resilience influence the experience of stress in Ghanaian orphans? An exploratory study // *Child Care in Practice*. 2015. № 21. P. 140—159. DOI:10.1080/13575279.2014.985286
29. *Salifu Yendork J.S., Somhlaba N.Z.* The role of demographic and positive psychological factors on quality of life in Ghanaian orphans placed in orphanages: an exploratory study // *Child Indicators Research*. 2016. № 9. P. 429—443. DOI:10.1007/s12187-015-9320-8
30. *Selcuk B., Yavuz H.M., Etel E., Harma M., Ruffman T.* Executive function and theory of mind as predictors of socially withdrawn behavior in institutionalized children // *Social Development*. 2018. № 27. P. 109—124. DOI:10.1111/sode.12252
31. *Smyke A.T.* Development and institutional care // *Developmental Medicine & Child Neurology*. 2012. № 54. P. 487. DOI:10.1111/j.1469-8749.2012.04260.x
32. *Surkan P.J., Mukherjee J.S., Williams D.R., Eustache E., Louis E., Jean-Paul T., Fawzi M.S.* Perceived discrimination and stigma toward children affected by HIV/AIDS and their HIV-positive caregivers in central Haiti // *AIDS Care*. 2010. № 22. P. 803—815. DOI:10.1080/09540120903443392
33. *Weeland J., Overbeek G., de Castro B.O., Matthys W.* Underlying mechanisms of gene—environment interactions in externalizing behavior: a systematic review and search for theoretical mechanisms // *Clinical Child and Family Psychology Review*. 2015. № 18. P. 413—442. DOI:10.1007/s10567-015-0196-4
34. *Wolff P.H., Fesseha G.* The orphans of Eritrea: a five-year follow-up study // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 1999. № 40. P. 1231—1237. DOI:10.1111/1469-7610.00539

35. Wright A.W., Richard S., Sosnowski D.W. et al. Predictors of Better Functioning among Institutionalized Youth: A Systematic Review // *J Child Fam Stud*. 2019. № 28. P. 3245—3267. DOI:10.1007/s10826-019-01527-0

References

1. Kantuell N. Ot teorii k praktike: realizatsiya «rukovodyashchikh ukazanii po al'ternativnomu ukhodu za det'mi» [From theory to practice: the implementation of the “Guidelines for alternative child care”]. Translated from English / N. Cantwell, J. Davison, S. Elsley, I. Milligan, N. Quinn. United Kingdom: Centre for Excellence for Looked After Children in Scotland, 2012, p. 168.
2. Oslon V.N., Semya G.V., Prokopeva L.M., Kolesnikova U.V. Operatsional'naya model' i instrumentarii dlya izucheniya sub'ektivnogo blagopoluchiya detei-sirot i detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditel'ei [Operational Model and Tools for Studying Subjective Well-Being of Orphans and Children Without Parental Care]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2020, no. 25(6), pp. 41—50. DOI:10.17759/pse.2020250604 (In Russ., abstr. in Engl.).
3. Rubtsov V.V., Alekhina S.V., Vikhristyuk O.V., Voitas S.A., Zabrodin Yu.M., Zaretskii V.K., Leonova O.I., Margolis A.A., Saitgalieva G.G., Sem'ya G.V., Kholmogorova A.B., Sharikov S.V. O problemakh professional'noi podgotovki spetsialistov sotsial'noi sfery dlya raboty s uyazvimymi kategoriyami naseleniya [Elektronnyi resurs] [On the Problems of Professional Training of Social Sphere Specialists to Work with Vulnerable Categories of the Population]. *Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya = Bulletin of Psychological Practice in Education*, 2020. Vol. 17, no. 2, pp. 8—34. DOI:10.17759/bppe.2020170201
4. Attar-Schwartz S. Emotional, behavioral and social problems among Israeli children in residential care: a multi-level analysis. *Children and Youth Services Review*, 2008, no. 30, pp. 229—248. DOI:10.1016/j.childyouth.2007.09.009
5. Baptista J., Belsky J., Martins C., Silva J., Marques S., Mesquita A., Soares I. Social withdrawal behavior in institutionalized toddlers: individual, early family and institutional determinants. *Infant Mental Health Journal*, 2013, no. 34, pp. 562—573. DOI:10.1002/imhj.21416
6. Berument S.K. Environmental enrichment and caregiver training to support the development of birth to 6-year-olds in Turkish orphanages. *Infant Mental Health Journal*, 2013, no. 34, pp. 189—201. DOI:10.1002/imhj.21380
7. Berument S.K., Sönmez D., Eyüpoğlu H. Supporting language and cognitive development of infants and young children living in children's homes in Turkey. *Child: Care, Health, and Development*, 2011, no. 38, pp. 743—752. DOI:10.1111/j.1365-2214.2011.01314.x
8. Bronfenbrenner U., Ceci S.J. Nature-nurture reconceptualized in developmental perspective: a bioecological model. *Psychological Review*, 1994, no. 101, pp. 568—586. DOI:10.1037/0033-295X.101.4.568
9. Caserta T.A., Pirttila-Backman A.M., Punamaki R.L. Stigma, marginalization and psychosocial well-being of orphans in Rwanda: exploring the mediation role of social support. *AIDS Care — Psychological and Socio-Medical Aspects of AIDS/HIV*, 2016, no. 28, pp. 736—744. DOI:10.1080/09540121.2016.1147012
10. Child Protection: every child has the right to live free from violence, exploitation and abuse [Electronic resource]. *Programme. Child Protection. UNICEF*. 2020, September. Available at: https://www.unicef.org/protection/57929_58004.html (Accessed 18.06.2021).
11. Daunhauer L.A., Coster W.J., Tickle-Degnen L., Cermak S.A. Effects of caregiver-child interactions on play occupations among young children institutionalized in eastern Europe. *The American Journal of Occupational Therapy*, 2007, no. 61, pp. 429—440. DOI:10.5014/ajot.61.4.429
12. Denton E., Musa G.J., Hoven C. Suicide behaviour among Guyanese orphans: identification of suicide risk and protective factors in a low— to middle-income country. *Journal of Child and Adolescent Mental Health*, 2017, no. 29, pp. 187—195. DOI:10.2989/17280583.2017.1372286

13. Dozier M., Zeanah C.H., Wallin A.R., Shaffer C. Institutional care for young children: Review of literature and policy implications. *The Society for the Psychological Study of Social Issues*, 2012, no. 6, pp. 1—20. DOI:10.1111/j.1751-2409.2011.01033.x
14. Gallegos J., Rodríguez A., Gómez G., Rabelo M., Gutiérrez M.F. The friends for life program for mexican girls living in an orphanage: a pilot study. *Behaviour Change*, 2012, no. 29, pp. 1—14. DOI:10.1017/bec.2012.8
15. Groark C.J., McCall R.B. Implementing changes in institutions to improve young children's development. *Infant Mental Health Journal*, 2011, no. 32, pp. 509—525. DOI:10.1002/imhj.20310
16. Groark C.J., McCall R.B., McCarthy S.K., Eichner J.C., Gee A.D. Structure, caregiver—child interactions, and children's general physical and behavioral development in three central American institutions. *International Perspectives in Psychology: Research, Practice, Consultation*, 2013, no. 2, pp. 207—224. DOI:10.1037/ipp0000007
17. Guidelines for the alternative care of children. [Electronic resource]. United Nations General Assembly on the report of the Third Committee (A/64/434), 2010, p. 23. Available at: <https://bettercarenetwork.org/sites/default/files/Guidelines%20for%20the%20Alternative%20Care%20of%20Children%20-%20English.pdf> (Accessed 18.06.2021).
18. Gunnar M.R., Wenner J.A., Thomas K.M., Glatt C.E., McKenna M.C., Clark A.G. The brain-derived neurotrophic factor Val66Met polymorphism moderates early deprivation effects on attention problems. *Development and Psychopathology*, 2012, no. 24, pp. 1215—1223. DOI:10.1017/S095457941200065X
19. Hermenau K., Goessmann K., Rygaard N.P., Landolt M.A., Hecker T. Fostering child development by improving care quality: a systematic review of the effectiveness of structural interventions and caregiver trainings in institutional care. *Trauma, Violence & Abuse*, 2016, no. 18, pp. 1—18. DOI:10.1177/1524838016641918
20. Jozefiak T., Kayed N.S., Ranoyen I., Greger H.K., Wallander J.L., Wichstrom L. Quality of life among adolescents living in residential youth care: do domain-specific self-esteem and psychopathology contribute? *Quality of Life Research*, 2017, no. 26, pp. 2619—2631. DOI:10.1007/s11136-017-1603-8
21. McAdams T.A., Neiderhiser J.M., Rijdsdijk F.V., Narusyte J., Lichtenstein P., Eley T.C. Accounting for genetic and environmental confounds in associations between parent and child characteristics: a systematic review of children-of-twins studies. *Psychological Bulletin*, 2014, no. 140, pp. 1138—1173. DOI:10.1037/a0036416
22. McCall R.B., Muhamedrahimov R.J., Groark C.J., Palmov O.I., Nikiforova N.V., Salaway J.L., Julian M.M. The development of children placed into different types of Russian families following an institutional intervention. *International Perspectives in Psychology: Research, Practice, Consultation*, 2016, no. 5, pp. 255—270. DOI:10.1037/ipp0000060
23. Mota C.P., Serra L., Relva I., Fernandes O.M. Do sibling relationships protect adolescents in residential care and traditional families from developing psychopathologies? *Journal of Family Studies*, 2017, no. 23, pp. 260—277. DOI:10.1080/13229400.2015.1106333
24. Mutiso V., Tele A., Musyimi C., Gitonga I., Musau A., Ndeti D. Effectiveness of life skills education and psychoeducation on emotional and behavioral problems among adolescents in institutional care in Kenya: a longitudinal study. *Child and Adolescent Mental Health*, 2017, no. 23, pp. 351—358. DOI:10.1111/camh.12232
25. Nourian M., Mohammadi Shahboulaghi F., Nourozi Tabrizi K., Rassouli M., Biglarrian A. Resilience and its contributing factors in adolescents in long-term residential care facilities affiliated to Tehran Welfare Organization. *International Journal of Community Based Nursing and Midwifery*, 2016, no. 4, pp. 386—396.
26. Petrowski N., Cappa C., Gross P. Estimating the number of children in formal alternative care: challenges and results. *Child Abuse and Neglect*, 2017, no. 70, pp. 388—398. DOI:10.1016/j.chiabu.2016.11.026
27. Salifu Yendork J.S., Somhlaba N.Z. Do social support, self-efficacy and resilience influence the experience of stress in Ghanaian orphans? An exploratory study. *Child Care in Practice*, 2015, no. 21, pp. 140—159. DOI:10.1080/13575279.2014.985286

28. Salifu Yendork J.S., Somhlaba N.Z. Stress, coping and quality of life: an exploratory study of the psychological well-being of Ghanaian orphans placed in orphanages. *Children & Youth Services Review*, 2014, no. 46, pp. 28—37. DOI:10.1016/j.childyouth.2014.07.0258
29. Salifu Yendork J.S., Somhlaba N.Z. The role of demographic and positive psychological factors on quality of life in Ghanaian orphans placed in orphanages: an exploratory study. *Child Indicators Research*, 2016, no. 9, pp. 429—443. DOI:10.1007/s12187-015-9320-8
30. Selcuk B., Yavuz H.M., Etel E., Harma M., Ruffman T. Executive function and theory of mind as predictors of socially withdrawn behavior in institutionalized children. *Social Development*, 2018, no. 27, pp. 109—124. DOI:10.1111/sode.12252
31. Smyke A.T. Development and institutional care. *Developmental Medicine & Child Neurology*, 2012, no. 54, p. 487. DOI:10.1111/j.1469-8749.2012.04260.x
32. Surkan P.J., Mukherjee J.S., Williams D.R., Eustache E., Louis E., Jean-Paul T., Fawzi M.S. Perceived discrimination and stigma toward children affected by HIV/AIDS and their HIV-positive caregivers in central Haiti. *AIDS Care*, 2010, no. 22, pp. 803—815. DOI:10.1080/09540120903443392
33. Weeland J., Overbeek G., de Castro B.O., Matthys W. Underlying mechanisms of gene—environment interactions in externalizing behavior: a systematic review and search for theoretical mechanisms. *Clinical Child and Family Psychology Review*, 2015, no. 18, pp. 413—442. DOI:10.1007/s10567-015-0196-4
34. Wolff P.H., Fesseha G. The orphans of Eritrea: a five-year follow-up study. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 1999, no. 40, pp. 1231—1237. DOI:10.1111/1469-7610.00539
35. Wright A.W., Richard S., Sosnowski D.W. et al. Predictors of Better Functioning among Institutionalized Youth: A Systematic Review. *J Child Fam Stud*, 2019, no. 28, pp. 3245—3267. DOI:10.1007/s10826-019-01527-0

Информация об авторах

Семья Галина Владимировна, доктор психологических наук, профессор кафедры «Возрастная психология им. профессора Л.Ф. Обуховой», ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9583-8698>, e-mail: gvsemia@yandex.ru

Information about the authors

Galina V. Semya, Dr. Sci. (Psychology), Professor, Department Psychology of Education, Chair of Age Psychology Named after L.F. Obukhovoya, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9583-8698>, e-mail: gvsemia@yandex.ru

Получена 25.06.2021

Принята в печать 15.07.2021

Received 25.06.2021

Accepted 15.07.2021

ПРОФИЛАКТИКА СОЦИАЛЬНОГО СИРОТСТВА
PREVENTION OF SOCIAL ORPHANHOOD

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

**Ответ Министерства образования Соединенного Королевства
на запрос Минобрнауки России от 11 ноября 2016 г. № 16-ИН-1249
о действующем законодательстве и практике Великобритании
в сфере профилактики социального сиротства**

Преамбула

Фокус внимания второго этапа Плана основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства (2021—2027 гг.), сосредоточен на опережающих действиях по профилактике семейного неблагополучия, привлечении мультидисциплинарных команд для определения потребностей и нужд детей и семей, имеющих детей, и на оказании дальнейшей необходимой помощи.

Данная тема обсуждалась в 2020 г. на заседании Совета при Президенте Российской Федерации по реализации государственной политики в сфере защиты семьи и детей¹.

Журнал «Социальные науки и детство» начинает публикацию материалов об иностранном опыте в данной сфере и открывает серию информацией о Великобритании.

Материал представлен в виде ответов на вопросы в части сохранения ребенка в кровной семье при наступлении трудной жизненной ситуации. С этой целью был разработан вопросник на русском и английском языках (составитель Г.В. Семья, 2016) и направлен Минобрнауки России в посольства ряда стран с просьбой пояснить:

- какой компетентный орган в стране отвечает за работу с семьями и детьми, попавшими в трудную жизненную ситуацию;
- основания для временного изъятия ребенка из семьи с целью проведения реабилитационной работы, какой в таком случае порядок исполнения;
- предусмотрена ли возможность помещения ребенка, временно отобранного у родителей, в семьи граждан на реабилитационный период и какой в таком случае порядок исполнения;
- какие меры принимаются для того, чтобы содействовать физическому и психологическому восстановлению и социальной реинтеграции ребенка, являющегося жертвой любых видов пренебрежения и эксплуатации в кровной семье;
- как проводится оценка эффективности реабилитации ребенка и семьи и возможности возвращения ребенка в кровную семью, какой в таком случае порядок исполнения;

¹ Поддержка и развитие института семьи и профилактика социального сиротства [Запись трансляции 30 ноября 2020 года] // Заседание Совета при Президенте Российской Федерации по реализации государственной политики в сфере защиты семьи и детей. ВМЕСТЕ.РФ. 2020. URL: <https://vmeste-rf.tv/broadcast/zasedanie-soveta-pri-prezidente-rf-po-realizatsii-gospolitiki-v-sfere-zashchity-semi-i-detey-zapis-t/>

— какова роль негосударственного сектора в работе с детьми, находящимися в трудной жизненной ситуации.

Вопросник в переводе на английский язык.

Children who are removed from their homes but whose parents are still living and have not had their parental rights terminated (the children that are not yet legally recognized orphans or children left without parental care)

A. What are the grounds for the temporary placement of children into out-of-home, alternative care (institutional or foster family)? (What are the grounds for the temporary placement of the child in alternative care (institution or host, foster family)?)

B. What is the basis for the decision to remove a child from the home and how is the decision executed? (What the authorities decision is based on? What is the order of execution?)

C. What types of temporary placement are there for children who are removed from their home? Under what circumstances will a child be placed in each form of temporary placement? (What are the family placed forms of temporary child care? In what cases and under what circumstances children will be temporarily placed in the host family?)

D. What types of children are usually placed in foster families? What laws govern the relationship between the child, the foster family and the state child protection agency? (What kind of children are temporarily family placed? By what document and in what way the relationship between the child, the guardianship authorities, the host family and the biological parents are regulated?)

E. How are foster families recruited and selected? (What is the practice of family selection, in which the child can be temporarily placed?)

F. Who is the legal representative of the child? (Who is the legal representative of the child in this situation? In this case the parental rights of the parents will be denied or restricted?)

G. What is the training and reimbursement that foster families receive? (Is the host family trained (prepared) and what is remuneration?)

H. What services are provided for the child while in temporary placement? (What rehabilitation work is carried out for the child temporarily away from the parents? Who carries it out?)

I. What is the procedure for reunification of the child and family? (What are the reasons for the child's return to the biological family? What is the procedure for this case?)

Сбор информации проводился в период с 2016 по 2019 годы. В журнале приводится ответ, подготовленный госпожой Хейди Холмс (Holmes H.), руководителем Отдела по защите и охране детей Департамента социальной поддержки, мобильности и равенства Министерства образования Соединенного Королевства в сотрудничестве с прочими специалистами Министерства.

Документ на русском и английском языках приводится ниже и публикуется впервые. При переводе на русский язык термин «fostering» (foster) переводится как «патронатный» (патронат) в силу сложившейся на протяжении многих лет практики. Но при этом надо иметь в виду, что в России с 2008 года патронат имеет другое значение.

Согласно региональному законодательству патронат является постоянной формой устройства ребенка-сироты в семью патронатных воспитателей или используется для под-

держки выпускников в постинтернатный период (постинтернатный патронат). В Англии *fostering* означает государственную систему (фостеровские семьи, детские дома и пр.), в которой ребенок, оставшийся без попечения родителей, находится временно до нахождения ему постоянной формы семейного устройства.

Для цитаты: Ответ Министерства образования Соединенного Королевства на запрос Минобрнауки России от 11 ноября 2016 г. № 16-ИН-1249 о действующем законодательстве и практике Великобритании в сфере профилактики социального сиротства // Социальные науки и детство. 2021. Том 2. № 1. С. 85—94. DOI:<https://doi.org/10.17759/ssc.2021020107>

For citation: The Response from the UK Department for Education to the Russian Ministry of Education and Science No. 16-IN-1249, dated 11 November 2016, on current UK law and practice in the prevention of child abandonment. *Social'ny'e nauki i detstvo* = *Social Sciences and Childhood*, 2021. Vol. 2, no. 1, pp. 85—94. DOI:<https://doi.org/10.17759/ssc.2021020107> (In Russ.).

Ответ Министерства образования Соединенного Королевства на запрос Минобрнауки России от 11 ноября 2016 г. № 16-ИН-1249 о действующем законодательстве и практике Великобритании в сфере профилактики социального сиротства

1. Каким документом и как регулируются правоотношения между ребенком, органом опеки, принимающей семьей и кровными родителями?

Законодательная база, лежащая в основе системы защиты детей в Англии, представлена в основном Актом о детях 1898 г. и Актом о детях 2004 г. Данные законодательные акты устанавливают всеобъемлющую ответственность местных органов власти за обеспечение и улучшение благосостояния всех детей в зоне их ответственности.

Нормативное руководство «Работая вместе для защиты детей» (2015 г.) разъясняет основополагающие законодательные требования по защите детей, предъявляемые к частным лицам и организациям. В частности, оно устанавливает закрепленные законом требования, которым обязаны следовать местные власти, органы здравоохранения, полиция, школы и иные организации, работающие с детьми.

Данное нормативное руководство можно найти на сайте: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/419595/Working_Together_to_Safeguard_Children.pdf.

«Положение о патронатной службе Англии» (2011 г.) подробно разъясняет порядок получения разрешения на патронатное воспитание и требует от службы патронатного воспитания провести оценку соответствия потенциального патронатного воспитателя целому ряду предписанных требований.

Это положение размещено на сайте: <http://www.legislation.gov.uk/ukxi/2011/581/contents/made>.

«Минимальные национальные стандарты» дают дальнейшие разъяснения того, каким образом патронатная служба должна выполнять свои обязанности по оценке соответствия и выдаче разрешений потенциальным патронатным воспитателям.

Указанные стандарты размещены на сайте: <https://www.gov.uk/government/publications/fostering-services-national-minimum-standards>.

Более подробно о законодательной базе можно узнать из нормативного руководства, разработанного правительством Великобритании для местных органов власти, которое называется «Акт о детях» (1989 г.), в разделе «Руководство и нормативы — том 2: Планирование попечения, помещение в семьи и рассмотрение дел».

Данные материалы можно найти на сайте: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/336072/The_Children_Act_1989_Care_planning_placement_case_review.pdf.

В том, что касается усыновления детей, основополагающие законодательные требования определены Актом об усыновлении и детях от 2002 г. и «Нормативным руководством по усыновлению», которые размещены на сайте: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/270100/adoption_statutory_guidance_2013.pdf.

2. Какие существуют основания для временного помещения ребенка под альтернативную опеку и какой в таком случае порядок исполнения?

В основе английской системы лежит законодательно закрепленная концепция родительской ответственности. Мы убеждены в том, что родители должны играть полноценную роль в жизни своих детей, за исключением тех случаев, когда необходимо вмешательство в жизнь семьи. Область родительской ответственности определяется правовым статусом ребенка. Если ребенок передан на попечение местных органов власти соответствующим решением, то родительская ответственность за такого ребенка возлагается на эти органы власти; но, наряду с этим, любое лицо, являющееся родителем или опекуном (попечителем), также сохраняет свою родительскую ответственность.

Однако местные органы власти обладают полномочиями определять, в какой степени родитель или опекун (попечитель) могут исполнять свои родительские обязанности, если это потребуется для обеспечения и улучшения благосостояния детей. Если ребенок находится под опекой по добровольному соглашению согласно статье 20 Акта о детях 1989 г., на местные органы власти не налагается родительская ответственность за этого ребенка, и родители продолжают нести эту ответственность.

Более того:

— заботу о ребенке осуществляют местные органы власти, если он/она находится на их попечении на основании соответствующего решения суда или когда ему/ей предоставляется место проживания в соответствии со статьей 20 Акта о детях 1989 г. на период более 24 часов с согласия родителей или же самого ребенка в возрасте 16 или более лет (статья 22(1) и (2) Акта 1989 г.);

— статья 22 Акта определяет обязанности местных органов власти в отношении детей, находящихся на их попечении. Эти обязанности налагают на органы власти требование передать детей тем, кто несет за них родительскую ответственность, если это возможно, и обеспечивать и улучшать благосостояние таких детей, используя услуги, доступные для детей, находящихся на попечении своих собственных родителей, в той мере, в которой это представляется разумным;

— статья 25 Акта предусматривает возможность обустройства детей, находящихся на попечении органов власти, в местах с ограниченным доступом. Местные органы власти могут не размещать детей в таких местах, за исключением случаев, когда очевидно, что

ребенок (а) ранее убежал и, вероятно, убежит вновь из мест размещения со свободным доступом, и, если он убежит, ему, скорее всего, будет причинен значительный вред; или (б) если он находится не в месте с ограниченным доступом, он может нанести травму себе или другим.

В случае, когда существует угроза жизни ребенка или вероятность нанесения ему серьезного непосредственного вреда, нормативные полномочия по защите детей предусматривают принятие незамедлительных мер для обеспечения безопасности ребенка. Если для этого необходимо забрать ребенка из его дома, местные органы власти обязаны при всякой возможности и кроме случаев, когда иначе безопасность ребенка подвергается немедленному риску, обратиться за получением Ордера на срочную защиту (ЕРО). Полномочия полиции на то, чтобы забрать ребенка из его дома в чрезвычайной ситуации, должны быть использованы лишь в исключительных случаях, когда недостаточно времени на получение ЕРО или по причинам, имеющим отношение к обеспечению непосредственной безопасности ребенка. ЕРО, выдаваемый судом, дает органам власти право изъять ребенка и поместить его под защиту заявителя. Максимальный срок действия ЕРО — 8 дней, однако этот срок может быть продлен еще на 7 дней, если суд решит, что ребенку может быть причинен значительный вред, если ЕРО продлен не будет (хотя такое решение может быть принято только один раз).

Существуют иные обстоятельства, в которых местные власти могут принять альтернативные меры для обустройства ребенка. В соответствии со статьей 17 Акта о детях 1989 г. на местные органы власти наложена основополагающая обязанность по защите и улучшению благосостояния нуждающихся в помощи детей в зоне их ответственности; они обладают полномочиями по предоставлению детям места для проживания среди прочих услуг, оказываемых ими для выполнения этой обязанности. Сюда может входить предоставление временного места жительства для защиты нуждающихся в этом детей, как правило, для детей, нуждающихся в проживании со своими семьями.

С 2011 г. местным органам власти вменяется в обязанность предоставлять услуги по организации кратковременного пребывания. Такие услуги дают возможность детям с ограниченными возможностями и молодым людям получить ценный опыт, позволяющий им стать более самостоятельными и установить дружеские связи за пределами своего семейного круга, одновременно давая возможность родителям отдохнуть от забот о ребенке. Кратковременное пребывание может длиться в течение одного дня, вечера, ночи или выходных дней и может быть организовано в доме ребенка, в доме получившего разрешение воспитателя или же в жилых, специальных или общих помещениях местного сообщества.

3. Какие существуют семейные формы временного присмотра за детьми, в каких случаях и какие дети временно туда помещаются?

По закону местные органы власти в Англии несут ответственность за организацию присмотра за теми детьми, чьи родители не могут присматривать за ними. Дети могут быть помещены под опеку местных органов власти только соответствующим решением суда (ордер на опеку), и родители имеют возможность оспорить такое решение. Суд обязан рассмотреть все имеющиеся доказательства до вынесения соответствующего решения и может выдать ордер на опеку только в случае, если он придет к выводу о том, что существует достаточное основание считать, что ребенку был нанесен или будет нанесен

значительный вред, непосредственно проистекающий из существующих условий присмотра за ним или условий присмотра, которые, скорее всего, возникнут, если суд не вынесет соответствующего решения. В случаях, когда суд выносит решение о передаче ребенка под опеку местных органов власти, последние будут продолжать работать с его семьей с целью вернуть ребенка в семью. Однако на определенном этапе может возникнуть ситуация, когда станет очевидным, что ребенок не может быть возвращен в семью. На этом этапе местные органы власти обязаны принять альтернативные меры по обеспечению жизнеустройства такого ребенка на постоянной основе.

Принимая решение о жизнеустройстве ребенка в соответствии со статьей 22 Акта о детях 1989 г., местные органы власти обязаны принять меры по обустройству ребенка с его родителем; с лицом, которое не является родителем, но которое несет родительскую ответственность за этого ребенка; или же с лицом, выполнявшим решение суда об обустройстве ребенка, которое предписывало проживание ребенка с этим лицом до момента выдачи ордера на опеку, кроме случаев, когда это не соответствует интересам ребенка или не является достижимым с практической точки зрения. Такой подход отражает принцип того, что вмешательство государства в жизнь семьи должно быть сведено к минимуму, необходимому для защиты ребенка от вреда.

В случаях, когда обустройство ребенка с его родителем или лицом, несущим родительскую ответственность, невозможно, местные власти должны обустроить ребенка наиболее приемлемым образом. Таким является обустройство, которое, по их мнению, наилучшим образом защитит и обеспечит благосостояние ребенка. Принимая решение о наиболее подходящей форме жизнеустройства, местные органы власти обязаны отдать предпочтение размещению ребенка под присмотром близкого ему человека, например, родственника, друга или иного лица, связанного с ребенком.

По состоянию на 31 марта 2016 г. в Англии насчитывалось 70400 детей, находящихся под временным присмотром. Основными видами жизнеустройства таких детей являются патронатные семьи и размещение детей под опекой в интернатных учреждениях. Продолжительность времени, в течение которого дети могут находиться под временным присмотром, может быть разной, в зависимости от потребностей ребенка.

Большинство детей под временным присмотром размещаются в патронатных семьях, поскольку мы убеждены в том, что наилучшие условия для воспитания детей существуют в стабильных и любящих семьях. По состоянию на 31 марта 2016 г. 74% детей под временным присмотром находились под патронатом. Патронатные семьи могут быть семьями родственников или друзей, если это возможно и отвечает интересам ребенка.

Для некоторых детей патронат не является формой жизнеустройства, отвечающей их потребностям. По состоянию на 31 марта 2016 г. 11% детей под временным присмотром находились под опекой в интернатных учреждениях. Такими учреждениями могут быть детский дом, хостел или детский дом ограниченного доступа (если ребенок подпадает под действие статьи 25).

Временный присмотр за детьми может также осуществляться их родителями. В 2016 г. такая форма жизнеустройства была реализована для 5% детей, находившихся под временным присмотром.

Статистические данные о детях, находившихся под временным присмотром в Англии в 2015—2016 гг., приведены на сайте: <https://www.gov.uk/government/statistics/children-looked-after-in-england-including-adoption-2015-to-2016>.

4. Кто является законным представителем ребенка в данной ситуации, лишаются или ограничиваются в родительских правах родители ребенка?

Закон четко предписывает, что дети должны жить со своими кровными родителями во всех случаях, когда это возможно, и что семьям должна быть оказана дополнительная поддержка с целью их сохранения. В большинстве случаев помощь со стороны местных органов власти дает возможность принять меры по решению проблем, возникших у ребенка или в его семье, что позволяет ребенку остаться в своей семье.

Однако в некоторых случаях, когда установлено, что ребенку причинен значительный вред (или существует риск причинения такого вреда) в связи с присмотром, под которым находится ребенок, закон налагает на местные органы власти обязанность вмешаться с целью расследовать ситуацию и принять меры для защиты и улучшения благосостояния ребенка. Если они придут к выводу, что ребенок должен быть передан под опеку государства, они обязаны обратиться в независимый суд для получения ордера на опеку. Ребенку должен быть предоставлен попечитель (Судебной службой консультирования и поддержки по вопросам детей и семьи — Cafcass), поверенный и адвокат (в наиболее серьезных случаях), которые обеспечат защиту его интересов и выражение его мнения в суде. Финансирование юридических услуг по представлению интересов детей, участвующих в судебных делах по установлению опеки, осуществляется за счет финансовых средств, предназначенных для оказания правовой помощи, за которые несет ответственность Министерство юстиции. Кровные родители, участвующие в рассмотрении дел по установлению опеки, также имеют возможность бесплатного независимого законного представления своих интересов, чтобы обеспечить принятие судом во внимание их мнения.

Кровные родители имеют возможность подать апелляцию на решение суда о передаче их ребенка под опеку. Они также имеют возможность оспорить решение о передаче их ребенка на усыновление. В зависимости от результатов рассмотрения дела в суде и определенной им формы жизнеустройства ребенка родительская ответственность кровных родителей может быть разделена с другими лицами (например, местными властями) или снята с них полностью (в случае усыновления).

5. Какова практика отбора семей, в которые временно может быть помещен ребенок, как готовятся (обучаются) такие семьи и каков размер вознаграждения?

Решение об организации жизнеустройства ребенка должно приниматься в контексте долгосрочной потребности ребенка в стабильности и постоянстве. Согласно Акту о детях 1989 г., определяя наиболее приемлемую форму жизнеустройства ребенка, местные власти в Англии обязаны отдать предпочтение обустройству его с родственниками или близкими людьми. Местные органы власти обязаны также обеспечить, насколько это практически реализуемо, возможность проживания ребенка поблизости от его дома; не прерывать процесс его обучения; дать возможность ребенку жить вместе со своими братьями и сестрами; обеспечить ребенку условия проживания с учетом имеющихся у него ограничений здоровья и в зоне ответственности самих местных органов власти.

Местные органы власти несут ответственность за привлечение и удержание требуемого количества патронатных воспитателей в зоне своей ответственности. Положение о патронатной службе Англии 2011 г. подробно описывает процесс отбора патронатных воспитателей и требует от патронатных служб проводить оценку соответствия потенциальному патронатному воспитателю целому ряду установленных требований.

Это положение можно найти на сайте: <http://www.legislation.gov.uk/ukxi/2011/581/contents/made>.

В Минимальных Национальных Стандартах приводится дальнейшее руководство касательно того, каким образом патронатные службы должны выполнять свои обязанности по оценке потенциальных патронатных воспитателей и их отбору.

Эти Стандарты размещены на сайте: <https://www.gov.uk/government/publications/fostering-services-national-minimum-standards>.

Законодательство четко устанавливает, что все патронатные воспитатели обязаны пройти обучение, необходимое им для эффективного выполнения своих обязанностей, и что должна быть создана система такого обучения. Всем патронатным воспитателям должна быть оказана поддержка в прохождении вводного курса обучения; прохождении обучения по Стандартам Обучения, Поддержки и Развития в течение 12 месяцев с даты получения разрешения на патронатное воспитание; формировании учебно-развивающего портфолио и разработке индивидуального плана развития, который определяет, какую помощь они должны получить для прохождения текущего обучения с учетом своих потребностей и опыта.

Патронатные воспитатели осуществляют временный присмотр за детьми от имени местных органов власти. Между ними и органами власти заключается договор о том, каким образом они будут выполнять свои обязанности по присмотру за детьми, но они не являются сотрудниками патронатной службы. Таким образом, работа патронатного воспитателя не является оплачиваемым трудоустройством, и патронатные воспитатели получают пособие на покрытие расходов на присмотр за ребенком.

Некоторые патронатные воспитатели также получают плату в качестве вознаграждения за выполняемую ими работу. Размер такого вознаграждения устанавливается патронатными службами.

Патронатные службы определяют размер пособия в зоне их ответственности или обслуживания. Патронатным службам правительством рекомендовано еженедельно выплачивать пособие в сумме Национального минимального размера оплаты труда (NMA) на покрытие расходов на присмотр за ребенком.

Дополнительная информация размещена на сайте: <https://www.gov.uk/foster-carers/help-with-the-cost-of-fostering>.

Усыновление является той возможностью постоянного жизнеустройства детей, которая доступна для рассмотрения местных властей. Закон об усыновлении четко определяет, что дети не могут быть усыновлены без согласия своих родителей, за исключением случаев, когда суд установил, что для обеспечения благополучия ребенка необходимо обойтись без согласия родителей. Последнее возможно в случаях, когда судом установлена невозможность определения местонахождения родителей; когда родители не способны/не в состоянии дать свое согласие или когда у суда есть основания полагать, что благополучие ребенка требует обойтись без согласия родителей.

Отбор потенциальных усыновителей и нахождение для них подходящих детей является задачей, требующей высокой компетенции и имеющей жизненно важное значение как для ребенка, так и для потенциального усыновителя. Агентствам по усыновлению и социальным работникам приходится принимать во внимание целый ряд факторов. Потенциальным усыновителям доступны многие виды услуг, некоторые из которых определяются на местном уровне местными органами власти, но материального вознаграждения за усы-

новление ребенка усыновители не получают. Правительство Англии, однако, оказывает усыновителям помощь через Фонд поддержки усыновления (ASF). ASF был основан, поскольку многим семьям необходима та или иная терапевтическая помощь в период, следующий за усыновлением ребенка, и слишком многие из них испытали трудности в поисках помощи, которая была необходима им в прошлом. Фонд дает им возможность получить упрощенный доступ к таким услугам в будущем.

Более подробная информация размещена на сайте: <http://www.first4adoption.org.uk/adoption-support/financial-support/adoption-support-fund/>

6. Какая реабилитационная работа проводится с ребенком, временно отобранным у родителей, и кто ее осуществляет?

Обеспечение благополучия ребенка является первоочередным фактором в принятии любого решения об изъятии его из семьи. Целью жизнеустройства детей является создание для них безопасной домашней среды и взаимоотношений, способствующих их развитию, в тех случаях, когда проживание их со своими кровными родителями невозможно. Это является составной частью мер, принимаемых для того, чтобы помочь ребенку оправиться от полученной травмы. Большинство детей становятся объектом временного присмотра в результате жестокого обращения и пренебрежительного отношения к ним. В то время как у них отмечаются те же проблемы со здоровьем, что и у их сверстников, масштаб таких проблем, как правило, более значителен вследствие пережитого ими. Например, проблемы психического здоровья и особые образовательные потребности имеет больший процент детей из числа находящихся под присмотром, по сравнению с долей таких детей в основной части населения. В соответствии с Актом о детях 1989 г. местные органы власти несут ответственность за защиту и улучшение благосостояния детей, находящихся под их опекой. Сюда входит принятие мер, направленных на улучшение физического, эмоционального и психического здоровья, а также в ответ на первые проявления проблем со здоровьем. Согласно положениям Акта о детях 1989 г. врачебные комиссии и Национальная служба здравоохранения Англии (NHS) обязаны отвечать на запросы местных органов власти об оказании помощи и предоставлении услуг детям, находящимся под временным присмотром.

Служба психиатрической помощи детям и подросткам (CAMHS) является профессиональным подразделением Национальной службы здравоохранения, которое оказывает услуги и проводит лечение в случаях, когда дети и молодые люди испытывают эмоциональные и поведенческие трудности, а также нарушения психического здоровья. CAMHS играет ключевую роль в оценке и удовлетворении любых потребностей, выявленных в то время, когда дети помещаются под временный присмотр.

Дополнительную информацию можно найти в нашем руководстве по улучшению здоровья и благосостояния детей, находящихся под временным присмотром, на сайте: <https://www.gov.uk/government/publications/promoting-the-health-and-wellbeing-of-looked-after-children--2>.

7. Какие существуют основания для возврата ребенка в кровную семью и какой в таком случае порядок?

Для многих детей постоянство достигается успешным возвращением в их кровную семью. Детей возвращают в кровные семьи только тогда, когда это наилучшим образом

соответствует их интересам. Проблемы в семье, приведшие к тому, что ребенок был передан под временный присмотр, должны быть решены, прежде чем он сможет вернуться домой.

В тех случаях, когда по завершении периода временного присмотра предполагается вернуть ребенка в родную семью, необходимо четкое и эффективное планирование и принятие решений, чтобы решение о возвращении в семью в наибольшей степени соответствовало интересам ребенка и послужило защите и улучшению его благосостояния.

Принимая решение завершить временный присмотр за детьми, ответственные органы власти обязаны оценить, являются ли приемлемыми предлагаемые условия обеспечения места проживания и ухода за ребенком; какая поддержка и услуги потребуются ребенку и родителям, к которым он возвращается по завершении периода временного присмотра за ребенком. Ответственный орган власти обязан переговорить или иным образом осведомиться о желаниях и чувствах ребенка в связи с предлагаемым планом его жизнеустройства по завершении его пребывания под временным присмотром.

В случаях, когда местные власти работают с родителями для оказания поддержки ребенку в возвращении домой, важно учитывать то, какая помощь и услуги могут быть предложены родителям. Местные органы власти несут основную ответственность за проведение оценки потребностей ребенка по мере наступления его самостоятельности и разработку плана того, как эти потребности будут удовлетворены. Нормативное руководство «Работая вместе для защиты детей» (2015) устанавливает порядок предоставления местными органами власти первоначальной и последующей помощи таким семьям, включая постоянную оценку, поддержку и пересмотр предоставляемых услуг, когда это уместно.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

UK Department for Education response to Russian Ministry of Education: No. 16-IN-1249, dated 11 November 2016.

Данный документ был подготовлен госпожой Хейди Холмс (Holmes H.), руководителем Отдела по защите и охране детей Департамента социальной поддержки, мобильности и равенства Министерства образования Соединенного Королевства в сотрудничестве с прочими специалистами Министерства.

Документ на английском языке приводится ниже.

For citation: UK Department for Education response to Russian Ministry of Education: No. 16-IN-1249, dated 11 November 2016. *Social'ny'e nauki i detstvo = Social Sciences and Childhood*, 2021. Vol. 2, no. 1, pp. 95—100. DOI:<https://doi.org/10.17759/ssc.2021020108> (In Eng.).

UK Department for Education response to Russian Ministry of Education

1. What document governs the legal relations between a child, children welfare services, a care-giving family and natural parents and what these relations look like.

The legislative framework for the child protection system in England is provided largely by the Children Act 1989 and the Children Act 2004. The legislation sets out the overarching responsibility of local authorities for safeguarding and promoting the welfare of all children in their area. The statutory guidance *Working Together to Safeguard Children* (2015) clarifies the core legal requirements on individuals and organisations to keep children safe. It sets out, in one place, the legal requirements that local authorities, health services, police, schools and other organisations who work with children, should follow. *This guidance can be found at: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/419595/Working_Together_to_Safeguard_Children.pdf.*

The *Fostering Services (England) Regulations 2011* set out in detail the process for approving foster carers and require fostering services to conduct an assessment of the suitability of the prospective carer based on a range of prescribed information. *The regulations can be found at: <http://www.legislation.gov.uk/uksi/2011/581/contents/made>.*

The *National Minimum Standards* give further guidance on how a fostering service must carry out its duties in the assessment and approval of prospective foster carers. *These are available at: <https://www.gov.uk/government/publications/fostering-services-national-minimum-standards>.*

Further details of the legislative framework can be found in statutory guidance issued by the UK Government to local authorities in England, *The Children Act 1989 Guidance and Regulations — Volume 2: Care Planning, Placement and Case Review*, which can be found at: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/336072/The_Children_Act_1989_Care_planning_placement_case_review.pdf.

In terms of the adoption of children, the core legal requirements are set out in the Adoption and Children Act 2002 and *Statutory Guidance on Adoption* which can be found at: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/336072/The_Children_Act_1989_Care_planning_placement_case_review.pdf.

www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/270100/adoption_statutory_guidance_2013.pdf.

2. What are the grounds for temporary placement of a child into alternative care and what is the procedure for this.

The English system is underpinned by the legal concept of parental responsibility. We believe that parents should play a full part in their child's life, unless intervention in family life is necessary. Where parental responsibility lies depends on the legal status of the child. If a child is taken into local authority care under a care order, the local authority gains parental responsibility for the child, but any person who is a parent or guardian also retains their parental responsibility. The local authority however has the power to determine the extent to which the parent or guardian may exercise their parental responsibility if necessary, to safeguard and promote the child's welfare. If a child is accommodated under a voluntary arrangement under section 20 of the Children Act 1989, the local authority does not gain parental responsibility for the child and the parents continue to exercise it. Furthermore:

— A child is looked after by a local authority if s/he is in their care by reason of a care order or is being provided with accommodation under section 20 of the Children Act 1989 for more than 24 hours with the agreement of the parents, or of the child if s/he is aged 16 or over (section 22(1) and (2) of the 1989 Act).

— Section 22 of the Act sets out the duties of local authorities in relation to children looked after by them. Duties place requirements on local authorities to place children with those who have parental responsibility for them if possible and to safeguard and promote the welfare of the child, making use of such services available for children cared for by their own parents as appears to be reasonable.

— Section 25 of the Act provides for the placement of looked after children in secure accommodation. Local authorities may not place children in such accommodation unless it appears that the child: (a) has a history of running away and is likely to run away from accommodation which is not secure, and if he runs away he is likely to suffer significant harm; or (b) if he is not in secure accommodation, he is likely to injure himself or someone else.

Where there is a risk to the life of a child or a likelihood of serious immediate harm, statutory child protection powers enable immediate action to secure the safety of the child. If it is necessary to remove a child from their home, a local authority must, wherever possible and unless a child's safety is otherwise at immediate risk, apply for an Emergency Protection Order (EPO). Police powers to remove a child in an emergency should be used only in exceptional circumstances where there is insufficient time to seek an EPO or for reasons relating to the immediate safety of the child. An EPO, made by the court, gives authority to remove a child and places them under the protection of the applicant. The maximum duration of an EPO is 8 days, although this may be extended upon application for a further period of 7 days if the court is satisfied that the child is likely to suffer significant harm if the order is not extended (although this can only be done once).

There are also other circumstances in which local authorities can make alternative arrangements for the accommodation of a child. Under Section 17 of the Children Act 1989, local authorities have a general duty to safeguard and promote the welfare of children within their area who are in need, and have a power to provide accommodation as part of a range of services in order to discharge this duty. This may include providing temporary accommodation to safeguard a child in need, usually for children needing to be accommodated with their families.

Since 2011, local authorities have also been under a duty to provide a range of short breaks services. Short breaks services provide opportunities for disabled children and young people to have enjoyable experiences which help them become more independent and form friendships outside their family, whilst also offering parents a break from caring responsibilities. Short breaks can be day, evening, overnight or weekend activities and may take place in the child's home, in the home of an approved carer, or in a residential, specialist or mainstream community setting.

3. What forms of temporary family placement exist; what are the possible cases for this and what children can be placed in such temporary care.

Local authorities in England have the legal responsibility to look after children whose parents cannot look after them. A child can only be placed in local authority care by virtue of a care order made by a court and the parents will have the opportunity to refute any allegations being made and contest the case. The court must consider all the evidence before it and then can only make a care order where it concludes that there is reasonable cause to believe that the child is suffering from, or is likely to suffer, significant harm and this is attributable to the care given to the child, or likely to be given to him if the order were not made. Where the court makes an order placing a child in the care of a local authority, the authority will continue to work with the family with a view to the child returning home. However, a stage may be reached where it is apparent that the child cannot return home. It is at this stage that the local authority must make alternative plans to provide the child with a permanent placement.

When making placement decisions for a child, local authorities are required under section 22C of the Children Act 1989 to make arrangements for the child to live with a parent; a person who is not a parent but who has parental responsibility for the child; or a person who held a child arrangements order providing that the child should live with them prior to the making of the care order, unless this is not consistent with the child's welfare or would not be reasonably practicable. This reflects the principle that state intervention in family life should be kept to the minimum necessary to protect the child from harm.

Where a placement with the child's parent or person with parental responsibility is not possible, the local authority should place the child in the most appropriate placement available. This is the placement that they consider will best promote and safeguard the child's welfare. In determining which is the most appropriate placement the local authority must give preference to a placement with a connected person i.e. a relative, friend or other person connected with the child.

As of 31 March 2016 there were 70,440 looked after children in England. The main placement types for looked after children in England are foster care and residential care. The length of time that children may be placed in these settings varies depending on the needs of the child.

— The majority of looked after children are placed in foster care as we believe that children are best brought up within a stable and loving family. As at 31 March 2016, 74% of looked after children were in foster care placements. Foster carers may be family or friends if this is possible and in the best interests of the child.

— For some children, foster care is not the appropriate placement to meet their needs. As at 31 March 2016, 11% of looked after children were placed in residential care. This may be a children's home, hostel or secure children's home (if the child comes under section 25).

— Looked after children may also be placed with parents. In 2016, 5% of looked after children were in such a placement.

Statistics on children looked after in England 2015-16 are available at: <https://www.gov.uk/government/statistics/children-looked-after-in-england-including-adoption-2015-to-2016>.

4. Who provides legal representation for a child in such cases, and whether the parental rights of natural parents are restricted or voided in such instances.

The law is clear that children should live with their birth parents wherever possible, and that families should be given extra support to help keep them together. In most cases, support from the family's local authority enables any concerns about the child or their family to be addressed and for children to remain with their families.

However, in some situations where a child is identified as suffering significant harm (or at risk of suffering significant harm) and that is attributable to the care given to the child the local authority has a statutory duty to intervene to undertake child protection enquiries and to take action to safeguard and promote the child's welfare.

If they believe that a child should be taken into the care of the state, they must apply for a care order from an independent court. The child has to be provided with a guardian (by Cafcass), a solicitor and, in the most serious cases, a barrister/advocate who will look after their best interests and ensure that their voice is heard in the court. The legal representation for children involved in care proceedings are funded from legal aid, the responsibility of the Ministry of Justice.

Birth parents involved in care proceedings also have access to free independent legal representation to ensure their views are taken into account by the independent court.

Birth parents are able to appeal against a decision by the courts to take their child into care. They are also able to contest decisions to place the child for adoption.

Depending on the outcome of a case and the placement for a child, then the parental responsibility held by birth parents can either move to being shared with others (eg the local authority) or removed altogether (in the case of adoption).

5. What is the existing practice for identifying families, which can provide temporary care for children; how are these families selected (trained) and what kind of financial award is provided to these families.

Decision-making about placements must be made in the context of the child's longer-term needs for stability and permanence. Under the Children Act 1989, in determining the most appropriate placement for a child, local authorities in England must give preference to a placement with relatives or connected people. Local authorities must also ensure, as far as reasonably practicable, that a placement allows a child to live near their home; does not disrupt their education; enables the child to live with siblings; provides accommodation which is suitable to any disabilities; and is within the local authority's area.

Local authorities are responsible for recruiting and retaining the right number of foster carers in their area. The Fostering Services (England) Regulations 2011 set out in detail the process for approving foster carers and require fostering services to conduct an assessment of the suitability of the prospective carer based on a range of prescribed information. *The regulations can be found at: <http://www.legislation.gov.uk/ukxi/2011/581/contents/made>.*

The National Minimum Standards give further guidance on how a fostering service must carry out its duties in the assessment and approval of prospective foster carers. *These are available at: <https://www.gov.uk/government/publications/fostering-services-national-minimum-standards>.*

The statutory framework clearly sets out that all foster carers must receive the training and development they need to carry out their role effectively and that a clear framework of training must be in place. All foster carers should be supported to receive an induction; complete the Training, Support and Development Standards within 12 months of approval as a foster carer; and maintain a training and development portfolio and have a personal development plan that sets out how they will be supported to undertake ongoing training and development, depending on their needs and experience.

Foster carers care for looked after children on behalf of the local authority. They will have an agreement with their fostering service about how they will carry out their caring role, but they are not employees of the fostering service. Foster care therefore is not considered paid employment, and foster carers receive an allowance to cover the cost of caring for the child. Some foster carers also receive a fee as a reward for the job they do. Fees are set by fostering service providers.

Fostering service providers determine the payments made to the foster carers in their area or service. The government recommends a National Minimum Allowance (NMA) that fostering service providers pay each week to cover the cost of looking after a child.

More information can be found at: <https://www.gov.uk/foster-carers/help-with-the-cost-of-fostering>.

Adoption is one permanence option that is open for a local authority to consider. The law on adoption makes clear that children cannot be adopted without their parents' consent unless the court is satisfied that the welfare of the child requires the parents' consent to be dispensed with. This might be because the court is satisfied that the parents cannot be found; because they are incapable of giving their consent or because it has reason to believe the welfare of the child requires consent to be dispensed with.

Identifying prospective adopters and making a good match between them and a child is a highly skilled task, and is vital to both the child and the prospective adopter. Adoption agencies and social workers have to consider a range of issues. A range of support is available for prospective adopters, some of which is determined locally by local authorities, although they do not receive financial reward for adopting a child. The English government, however, offers support through the Adoption Support Fund (ASF). The ASF has been established because many families need some kind of therapeutic support following adoption and too many have struggled to get the help they need in the past. The Fund enables them to access the services they need more easily in future.

Further information can be found at: <http://www.first4adoption.org.uk/adoption-support/financial-support/adoption-support-fund/>

6. What rehabilitation is provided for a child, temporary removed from his/her natural family, and who provides it.

The welfare of the child is the paramount consideration in any decision to remove them from their family home. The purpose of care is to provide children with safe and nurturing relationships and home environments where it is not possible for them to live with their birth parents. This forms part of the response to help children to recover from trauma. Most children become looked after as a result of abuse and neglect. Although they have many of the same health issues as their peers, the extent of these is often greater because of their past experiences. For example, more children in care have a diagnosable mental health disorder and special educational needs than in the rest of the population. Local authorities have a duty under the Children Act 1989 to

safeguard and promote the welfare of the children they look after. This includes the promotion of the child's physical, emotional and mental health and acting on any early signs of health issues. Under the Children Act 1989, clinical commission groups and NHS England have a duty to comply with requests from a local authority to help them provide support and services to looked after children.

Child and adolescent mental health services (CAMHS) are specialist NHS services that offer assessment and treatment when children and young people have emotional, behavioural or mental health difficulties. CAMHS play a crucial role in assessing and meeting any needs that are identified when children become looked after.

More information is available in our guidance on promoting the health and wellbeing of looked after children at: <https://www.gov.uk/government/publications/promoting-the-health-and-wellbeing-of-looked-after-children--2>.

7. What are the grounds for returning children to their natural families, and what is the procedure for this.

For many children, permanence is achieved through a successful return to their birth family. Children only return to their birth family where this is in their best interests. The factors in family life which led to the child becoming looked after must be addressed before they return home.

Where the plan is for a child to return to the care of their family when they cease to be looked-after, there should be a robust planning and decision-making process to ensure that this decision is in the best interests of the child and will safeguard and promote their welfare.

In making the decision to cease to look after a child, the responsible authority must assess: whether the proposed arrangements for the child's accommodation and maintenance when they cease to be looked-after are suitable; and what services and support the child, and where the child is returning home, the parent, might need when they cease to be looked-after. The responsible authority must speak to or otherwise ascertain the child's wishes and feelings about the proposed plan for their care when they are no longer looked-after.

Where the local authority is working with the parents to support a child to return home it is important to consider what support and services might be made available to parents. The local authority has a general duty to undertake an assessment of an eligible child's needs as they transition to independence, and to prepare a plan setting out how these needs will be addressed. Statutory guidance, *Working Together to Safeguard Children* (2015), sets out the framework for local authorities providing early and ongoing support to families, including continuous assessment, support and review of services, where appropriate.